

фантастическая
история

Андрей Величко

Гости незваные

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Что происходит в Российской империи в тысяча девятьсот четырнадцатом году, через два года после победы в мировой войне? Какие проблемы встают перед ее народом? А перед властью? А перед теми, кому эта власть ну очень не нравится? Ни Александр Кобзев, старший лаборант одного из академических институтов Москвы, ни Виктор Кисин, член партбюро этого же института, никогда не задавали себе подобных вопросов. Но ведь случается, что ответы на невысказанное приходят и помимо нашего желания.

- [Андрей Величко](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)

- [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Андрей Величко
Гости незваные

ПРОЛОГ

Смена дежурных секретарей государственного канцлера произошла как обычно, то есть в семь утра. Заступивший на этот пост расписался в журнале и откинулся в своем кресле. Никаких дел до появления канцлера не предвиделось, а он обычно приходил от десяти до половины одиннадцатого. Далеко не всегда дежурства начинались, а тем более проходили столь безмятежно, но послезавтра с самого утра канцлер собирался в отпуск, на свою канарскую дачу. А так как он не любил оставлять что-либо важное на последний момент, то на сегодня никаких особых дел и не планировалось. Разумеется, могло произойти что-нибудь непредвиденное, а пока секретарь взялся за только что доставленные утренние номера основных питерских газет — с докладом из народного контроля он уже ознакомился.

Однако уже в восемь утра произошло событие, аналогичных которому за всю свою пятилетнюю службу секретарь мог припомнить от силы десятков. Со второго этажа сообщили, что канцлер встал и спешно направился в свой кабинет. Интересно, подумал секретарь, чего это дяде Жоре недоспал? Но подумал он об этом без особого любопытства. Надо будет — ему скажут, что сочтут нужным, а нет значит нет. Задавать лишние вопросы в ближайшем окружении канцлера было не принято.

Канцлер вошел в приемную, кивнул секретарю и проследовал в свой кабинет. Зайдя, он сразу поднял трубку телефона с орлом вместо наборного диска и сказал:

— Это Найденов. Его величество уже встал? Да, давайте. Гош, доброе утро. И что-то меня терзают смутные подозрения, что и ты тоже вскочил в такую рань не просто так. Я прав? Тогда нам, пожалуй, не помешало бы обменяться впечатлениями, причем не по телефону. Танечка? Нет, специально не вызывал, она минут через сорок сама придет, как раз когда ты подойдешь. Да зачем на вертолете — спешить следует только тогда, когда хотя бы отдаленно представляешь себе, куда и зачем. Или я ошибаюсь и ты все-таки представляешь? Ну и ладно, значит, езжай на авто, дабы не ввергать Питер в тягостные раздумья, куда это их величество с ранья намылилось на вертолете. Я в кабинете, жду. Разумеется, кофе будет. Давай.

Канцлер сел и потянулся к стоящему на столе электрочайнику — так как сегодня он пришел не в обычное время, то, понятное дело, чайник был

абсолютно холодным, но все же с водой. Нажав кнопку, Найденов откинулся на спинку стула и задумался.

Его императорское величество Георгий Первый прибыл через полчаса. Быстрым шагом зайдя в кабинет, он сел напротив канцлера.

— Привет, — пододвинул ему чашку с кофе Найденов, — и, пожалуй, начну я, как младший по званию. Итак, сегодня около восьми утра я пробудился в хорошо мне знакомом состоянии. А именно — в таком, какое бывает после закрытия портала. Проснувшись окончательно, я сообразил, что и открытие тоже вроде чувствовалось, причем чуть ли не в тот же момент. Вот, собственно, и все с моей стороны. А что было с твоей?

— Да в общем то же самое, но я в это время не спал и могу сказать совершенно точно — и открытие, и закрытие я почувствовал одновременно. Даже не так — одномоментно! У нас, кстати, подобного не получалось никогда. Первое, что я подумал, — это снова дети. Но пока ехал, что-то засомневался.

— Да уж, Вовочка в Крыму, Настя в Москве, но не это главное. Тогда ощущения были совсем другие — будто портал вот-вот откроется. Ты это даже почувствовал не сразу, если помнишь. Нет, хоть наши дети и смогут, я думаю, при какой-то минимальной тренировке тоже открывать порталы, но сейчас это вряд ли были они.

— Тогда Никонов? Ну или еще кто-нибудь из РФ.

— Возможно. Кроме того, это мог быть портал из какого-нибудь третьего мира. Далее, не исключено какое-то природное явление, которое мы с тобой чувствуем как открытие портала.

— Хорошо бы, — кивнул император, — и, кстати, это вполне возможно. Потому как вряд ли портал мог закрыться в момент открытия, а ведь я почувствовал именно это. И что мы теперь будем делать?

— Ты — ничего. А вот я сяду предаваться горестным раздумьям — и как там, на далеком острове Гран-Канария, чувствуют себя мои кошки? Небось скучают. Но поездку придется отложить, это мне интуиция подсказывает, а она у меня берет слово хоть и редко, но всегда по делу. Так что в десять я распоряжусь о введении в действие плана «Недохват», в конце концов, он и был придуман именно на подобный случай.

— Я думал, ты его уже ввел.

— Зачем? Обычно у меня рабочий день начинается в десять, и ни к чему стимулировать всякие пересуды еще и ненормально ранним проявлением активности, которое все равно ничего не даст.

ГЛАВА 1

Александр подошел ко входу в институт без пяти девять. По привычке глянул направо, где под приветом с застойных времен в виде плаката «Народ и партия едины» уже вторую неделю красовалась примета не то перестройки, не то плюрализма. А именно: крупно и красиво написанное дополнение к основному тексту «Раздельны только магазины». До сих пор не наблюдалось попыток убрать плакат или хотя бы замазать дополнение, что могло говорить о двух вещах: или партия действительно вступила на путь демократизации общественной жизни страны, или она занята чем-то важным и ей не до каких-то там идиотских плакатов. Александр был уверен, что второе предположение гораздо ближе к истине. Судя по поведению знакомых ему коммунистов, добившиеся определенного положения члены партии ныне увлеченно делали деньги, а остальные судорожно искали пути в те сияющие высоты внутрипартийной иерархии, где это станет возможным. Правда, имелась и немалая прослойка коммунистов только по названию, которые и раньше ограничивали свою активность уплатой взносов, а теперь потихоньку забивали болт даже на это.

Впрочем, иногда попадалась на глаза и еще одна разновидность, крайне малочисленная, которую Александр называл про себя «упертые». Как раз сейчас яркий ее представитель и торчал на проходной.

В не столь давние времена, каковые сейчас определили как застой, директор института прекрасно обходился пятью замами. Но с началом перестройки их число вдруг начало ударно множиться и к моменту объявления демократизации и гласности достигло тринадцати. Последним к этой команде прибавился зам по режиму Постигань, который сейчас как раз занял исходную позицию, чтобы через полчаса начать отлавливать опоздавших. Ну просто цирк — при Андропове и то обходились без такого зама, а тут на тебе! По слухам, его турнули из райкома за излишнюю принципиальность, и теперь он тщетно пытался привить дисциплину в и без него редующие от перестроечных новаций ряды научных сотрудников. Но пока борец за порядок не добился ничего, кроме посвященного своей персоне стиха:

Если в этакую рань
Повстречался Постигань

Это значит — дело дрянь,
Увольняйтесь в ИФИАНь

Вообще-то Александр вполне допускал, что придется так и сделать, тем более что туда его звали старшим инженером на сто шестьдесят пять рублей, но спешить он не собирался. Ибо не зарплатой единой жив человек! Такой, как у него сейчас или даже как предлагали в ИФИАНе, по нынешним временам единой никак не хватит, нужно не меньше трех, это если брать по самому минимуму. Реально у Александра выходило порядка шести.

Во-первых, триста тридцать в месяц он получал в центре НТТМ, где делал блок управления к мощному лазеру для института геохимии. Точнее, делал он его прямо на своем рабочем месте, только считалось, что это происходит во внерабочее время. Ну и имелся еще один приработок, ради которого он сегодня и поперся в институт на полчаса раньше официального начала рабочего дня вместо того, чтоб, как все приличные люди, заявиться туда часов в одиннадцать. Нужно было убрать со своего стола раскиданные там кишки японского стереомагнитофона «Акай», недавно по дешевке купленного в сгоревшем виде. Ибо, как его предупредили вечером, прямо с утра ожидалась какая-то комиссия от партбюро, и Александр подозревал, что имеющаяся на его столе картина будет не очень соответствовать представлениям этой комиссии о труде скромного советского лаборанта, вот и решил сегодня заявиться пораньше и прибрать все лишнее.

Около одиннадцати в подвале, где находилось рабочее место Александра, появились визитеры. Было их всего два, но зато один из них оказался завлабом, который тут не был вообще ни разу, да и в институте последнее время появлялся далеко не каждый день. Вторым оказался смутно знакомый тип, который вроде раньше работал в СКТБ при институте, а с началом перестройки двинулся по партийной линии.

— Познакомьтесь, пожалуйста, — вальяжно сообщил завлаб, — это Саша Кобзев, старший лаборант, хозяин, так сказать, данной установки. Саша, это Виктор Иванович Кисин, по решению ученого совета дальнейшие работы на вашей установке будет проводить он.

Ага, подумал Александр, Арутюнян, получается, сожрали. Ибо и хозяином, и автором стоящего посреди подвала устройства был доктор физматнаук Сергей Гайкович Арутюнян. Здесь он изучал какие-то тонкости туннельного эффекта и вроде бы даже достиг определенных результатов. Во всяком случае, он интерпретировал всплески на кривых поглощения как

туннельное перемещение частиц, причем не на расстояния, сравнимые с междоатомными, как это наблюдали многие до него, а на полтора или даже два дециметра. Строго говоря, такое туннелирование в принципе можно было уже назвать телепортацией, что Арутюнян и сделал. Поначалу ему как человеку предложили в соавторы кого-то из дирекции, но этот бакинский армянин вдруг ни с того ни сего уперся. В результате весь последний год в верхах происходила какая-то грызня, а установку Саша включал всего два раза для проведения регламентных работ. Потом Арутюнян вдруг ударился в общественную деятельность и отчалил в свой Баку, где, по слухам, публично клеймил диктат КПСС в науке. Однако продолжал оставаться в штате института. Но раз установку кому-то передают, то это либо уже не так, либо близко к тому. В общем, наш Болтович доигрался, мысленно резюмировал Александр и спросил завлаба, в каком режиме и с чем в качестве испаряемого материала запускать установку.

— Ну, надеюсь, у вас сохранились лабораторные журналы? Попробуйте воспроизвести последний опыт Сергея Гайковича. В общем, завтра я к вам еще зайду.

— Это запросто, — кивнул Саша, мысленно возликовав. Потому как не нравилась ему вся эта возня вокруг хоть и сомнительного, но все же чужого открытия. Да и сама установка торчала на редкость неудобно, перекрывая собой проход в глубь подвала. А последнее включение, произведенное доктором Арутюняном, носило чисто показушный характер перед какой-то шишкой из президиума Академии наук. Клистроны тогда включили в постоянный режим, потому как при этом в камере появлялось очень красивое свечение, а явление нетрадиционного туннелирования наблюдалось только при импульсном. Не сгорели они тогда лишь потому, что показ продолжался всего секунд десять, коих хватило для удовлетворения шишкиного любопытства. Поработай они так еще хотя бы полминуты, и каюк. Вот и ладушки, подумал Александр, подавая питание на установку и включая форвакуумный насос, сейчас эксперимент будет продолжаться до тех пор, пока его руководитель, то есть этот хмырь с кошачьей фамилией, не скомандует отбой. Или пока не погорят клистроны, что гораздо более вероятно. Причем запасных в институте нет, так что, глядишь, после этого установку и спишут. А сколько в ее силовом блоке дефицитнейших по нынешним временам радиодеталей, Саша знал не понаслышке. И с радостным видом протянул лабораторный журнал Кисину, показав, где следует поставить подпись руководителю эксперимента.

Минут через пять, глянув на показания вакуумметра, а потом в журнал, Александр принял решение вовсе не включать диффузионный насос. Потому как качать он будет часа три-четыре, а этот, блин, кандидат в кандидаты как сидел, так и сидит. На кой хрен он тут еще на полдня сдался, спрашивается? А в журнале в графе «вакуум» стояла какая-то закорючка, которую знающий человек мог перевести как «станд». Правда, Саша-то знал, что стандартным вакуумом Арутюнян считал минус шестую степень, но сейчас тут командует не он, а Кисин. Ему, похоже, хватит и минус третьей, которую сможет дать форвакуумник. Хотя откуда, в насосе же масло уже скоро полтора года как не менялось... В общем, решил Саша, как при минус второй загорится зеленая лампа на вакуумметре, которая означает всего лишь сигнал на включение диффузионника, скажу, что вакуум достигнут, и попрошу разрешения на включение клистронов. Они, поди, в такой грязи не то что минуту, а и пятнадцати секунд не проработают.

Кисин не обманул ожиданий и покорно расписался под своим распоряжением включать клистроны, так что Саша со спокойной совестью подал на них напряжение и вывел на режим. Ох, сверкает-то как красиво, восхитился он, глянув в окошко вакуумной камеры. Куда ярче, чем было в прошлый раз при шишке. Так, десять секунд, пятнадцать, тридцать... На тридцать пятой секунде свечение из камеры резко усилилось, так что ее окошко стало похоже на прожектор, а от блоков питания послышался постепенно повышающийся вой. Нет, подумал Александр, пожалуй, хватит, а то как бы оно тут не рвануло, хотя вроде и нечему. И потянулся к кнопке «стоп», но не успел. Из камеры вдруг полыхнуло настолько ярко, что Саша на мгновение зажмурился, а вслед за этим раздался громкий хлопок, как будто от перепада давления, а затем под ногами дрогнул пол подвала.

Александр открыл глаза. Темно, только у потолка дальше по коридору какая-то узкая полоска света. И тут раздался шорох, а за ним громкий «хлюп», и свет под потолком стал гораздо ярче. Теперь было видно, что это просто кусок безоблачного неба. А там, где раньше стояли распределительные щиты, была невесть откуда взявшаяся земля, комья которой подкатились почти к ногам лаборанта. В обалдении посмотрев на ворочающуюся в одном из них половинку крупного дождевого червя, Александр перевел взгляд на дверь. От только что произошедшего катаклизма она приоткрылась, и теперь оттуда тоже проникал дневной свет.

— Однако, — буркнул Саша, — вот уж действительно, «и ни хрена же себе сходил за хлебушком». Подвиньтесь, что ли, — это он сказал застывшему столбом у двери Кисину.

Лестница за дверью имела в виде пятиступенного огрызка. За последней ступенью был земляной завал, но не до потолка. Присев, Александр пролез в щель между завалом и потолком, после чего огляделся. Да, дела... В полной растерянности лаборант смотрел на потолок подвала, срезанный по ровной дуге, и на паркетный круг посреди лесной поляны, на которую он и выбрался. Потом пролез обратно в полутьму подвала и подошел к противоположной от двери земляной осыпи на месте бывших щитов. Да, и тут потолок срезан аналогично. То есть по крайней мере геометрически картина более или менее прояснилась. Но вот фактически... Ладно, подумал Александр, как звучит главный вопрос, задаваемый русским человеком, когда наступает полный этот самый? Правильно: кто виноват и что делать. И если со второй частью вопроса наличествовала полнейшая неясность, то следовало обозначить свою позицию хотя бы по первой. И Александр, повернувшись к Кисину, по возможности грозно осведомился:

— Ну что, доэкспериментировались, недоучки? Эх, жаль, завлаб рано сбежал, еще один, блин, физический гений. Ведь русским же языком говорил Сергей Гайкович, что это именно телепортация, а про нетрадиционный туннельный эффект речь шла только из соображений секретности.

— А... что... что случилось-то? — неуверенным голосом спросил только что пришедший в себя Кисин.

— Что? Да просто по вашей милости нас телепортировало в какую-то задницу. Как и куда теперь выбираться будем, не подскажете?

— Т-туда! — неуверенно ткнул пальцем в сторону двери Кисин.

— Тогда лезьте за мной. Да не сюда, провалитесь! Где вы там застряли? Держите руку, надежда отечественной физики. Ну и как вам поляна?

— Почему здесь паркет? — только и смог вымолвить пораженный Виктор Иванович, выбравшись из полужасыпанного подвала.

— Потому, что зона захвата явно представляет собой сферу диаметром метров пять, и это попавший в нее кусок пола первого этажа. Вообще-то над нами отдел кадров, так что это еще удачно получилось, что тут сейчас не валяются аккуратно отрезанные женские ножки. Видите четыре обрубка? Стулу не повезло, а его хозяйке, которой в момент переноса на нем не оказалось, наоборот.

— Вы говорите о переносе как о непреложном факте? — начал потихоньку приходить в себя Кисин. — Хотя да, лес кругом, а институт был на Ленинском...

— На редкость верно подмечено, — фыркнул Саша. — Кстати, нас явно швырнуло не только в пространстве, но и во времени.

— Почему вы так решили?

— Вы всегда такой тупой или это у вас просто сегодня обострение? Лето же вокруг!

— Ну нас, например, могло забросить в южное полушарие.

— Гляньте вот на эти цветочки. Скажете, что это не одуванчики? А вот это деревце не возьметесь идентифицировать?

— Береза...

— Правильно, только какая-то кривая и мелкая. Итак, у нас с утра было двадцать пятое февраля. В каком месте Южного полушария сейчас конец весны, ибо одуванчики цветут именно тогда? Да и травка кругом довольно молодая. И где в том полушарии растут березы?

— Э... разумно. Если мы только не на какой-то другой планете.

— Полностью идентичной Земле вплоть до наличия точно такой же Луны? Вон он, серп, полюбуйте. В общем, полезли обратно.

— Зачем?

— Да я не настаиваю, можете оставаться на свежем воздухе. Лес-то довольно дикий, и еще неизвестно, кто там обитает. Мало ли в какие времена нас закинуло. Хорошо, если тут только мамонты водятся, а если всякие пещерные львы с саблезубыми тиграми? Хотя вам, я думаю, и простого кабана вполне хватит.

Аргументы лаборанта показались Кисину достаточно убедительными, и он полез обратно в подвал.

— Значит, так, — озадачил его Александр, закончив рыться в ящиках верстака, — стоящая перед вами задача особой сложностью не отличается. Точило видите? Так крутите ручку, и поинтенсивнее, а я попробую сделать нормальный нож.

— Да что вы тут раскомандовались? — возмутился Кисин.

— Вы вроде как член партии? Тогда должны были слышать постулат «кто не работает — тот не ест». Что вы тут жрать собрались, не поделитесь планами? Одуванчики несъедобные, сразу предупреждаю. В общем, или вы прекращаете никчемное препирательство и делаете, что вам говорят, или я сделаю нож без вас, но тогда буду обедать, ужинать и так далее в одиночестве.

Изготовление ножа затянулось на два часа, к концу которых Кисин готов был бросить крутить проклятую ручку, несмотря на недвусмысленное предупреждение лаборанта. После чего тот со свежеизготовленным инструментом сходил наружу и вскоре вернулся, вырубив нечто наподобие

рогатины. Прикрутив шурупами к ее раздвоенному концу кусок дюраля, Александр с этой импровизированной лопатой подошел к стене за установкой и начал перекидывать землю в центр подвала.

— Вы хотите расширить выход? — на всякий случай поинтересовался Кисин.

— А вы надеетесь на моих харчах так разжиреть, что перестанете пролезать в имеющийся? — разогнулся лаборант. — И, кстати, хорошо, что напомнили. Ваша очередь копать. Где-то примерно в полуметре дальше должен появиться край пожарного щита. Я прикинул, он вроде мог попасть в зону переноса, ну или хотя бы его часть. В общем, копайте, минут через пятнадцать я вас сменю.

Примерно через час телепортированные стали обладателями почти целого багра, лома, небольшого топора, лопаты и конусного ведра.

— Пойдемте наружу, — предложил Александр. — Значит, я сейчас схожу за обедом, а ваш объем работ — вот он. Потихоньку начинайте копать уже нормальной лопатой вот отсюда. Тут соседний подвал, причем самый его конец, где стол дяди Миши и вековые завалы его барахла. Там может оказаться много полезного, так что не ленитесь.

— А если звери? — неуверенно спросил Виктор Иванович.

— Отбиваясь лопатой, отступаете обратно в наш подвал. Я вернусь часа через два-три.

С этими словами лаборант взял ведро, но не конусное, а обычное, какие-то согнутые им из сталистой проволоки загогулины и бодрым шагом двинулся в ту сторону, где местность имела явный уклон.

Электронные часы Кисина не выдержали телепортации, так что время он мог определять только по собственным ощущениям. И примерно тогда, когда они уже говорили ему, что лаборанта нет как минимум полдня, тот появился, что-то весело насвистывая. В одной руке он нес ведро, причем явно не пустое, а в другой — несколько нанизанных на ветку небольших рыб.

— И это все, что вы накопили за целых два с половиной часа? — поинтересовался Саша. — Да, трудновато вам будет нормы-то в лагере выполнять, с такими навыками. При чем тут лагерь? Дело в том, что около озера я нашел разбитый самолет. И, судя по многим деталям, мы попали в Читинскую область, а время — начало тридцатых годов. Ну и где, по-вашему, кроме лагеря, вы можете оказаться, попав в столь интересные времена?

— Вы точно уверены, что тридцатые? — решил пока не обращать внимания на оскорбительные намеки Кисин. — И почему именно

Читинская область?

Похоже, что этот Кобзев действительно антисоветчик, правильно про него говорили в комитете комсомола. И еще ходили слухи, что он фарцует не то джинсами, не то аппаратурой, а может, и вовсе валютой. Да, все это так, но вот только...

Виктор Иванович с сомнением оглядел мощную фигуру лаборанта. Вроде он служил в ВДВ... Да, здоровьем природа детинушку отнюдь не обидела, так что с ним надо поосторожней. И как, однако, быстро он освоился в этих совершенно фантастических обстоятельствах! Сам Кисин, несмотря на саднящие волдыри на руках, до сих пор не мог до конца поверить, что все происходящее ему не снится.

— Такой самолет не мог быть сделан раньше двадцать пятого года, уж настолько-то я историю авиации знаю, — объяснил тем временем лаборант. — Он похож на ранние модели Яковлева. Но у него трехцилиндровый мотор, то есть заграничный, у нас таких не делали, по крайней мере серийно. То есть если бы он был выпуска тридцатого года или позже, на нем бы уже стоял наш М-11. А лежит он там лет пять, сквозь него уже кое-где и деревца проросли. Кроме того, я нашел планшет с тем, что там осталось от карты. Немного, но все-таки Читу видно. В общем, план наших ближайших действий таков. Сейчас вы собираете хворост, я чищу рыбу. Потом я ее варю, а вы еще маленько копаете, там всего ничего осталось. После обеда я попробую собрать приемник, очень не помешает послушать, что тут у нас творится в эфире. Возражений нет? Тогда вперед, нас ждут великие дела.

ГЛАВА 2

Приемник, собранный лаборантом после обеда, представлял собой магнитофон «Весна» с почти полностью севшими батарейками, к которому снаружи были присобачены ферритовый стержень с обмоткой и конденсатором переменной емкости плюс два диода.

— Да, — кивнул Саша, — практически детекторный, только с магнитофоном в качестве звукового усилителя. Завтра попробуем все-таки откопать в дяди Мишином подвале сейф, там должны быть батареи, тогда можно будет собрать что-нибудь поприличней. А пока послушаем это, только я схожу, растяну антенну.

Быстро выяснилось, что местный эфир на средних волнах вовсе не забит станциями. Удалось на пределе чувствительности выловить только две, да и то слова почти не пробивались сквозь шумы. Но Александр малость удлинил антенну, подстроил контур, и передачи стали слышны чуть лучше. По крайней мере уже можно было попытаться понять, о чем идет речь. Правда, это оказалось не самой простой задачей, и не только из-за помех. Первая станция вещала:

— Вжжж... уииии... императорское величество... хр-р-р... Ярославской и Екатеринбургской губерний... У-УУУУ — вжжж... сказал государственный канцлер. У-у-ииии... вжжж... председательством господина Сталина. Хррр-р-р...

Дальше волна окончательно утонула в помехах. Вторую станцию было слышно еще хуже, и там только раз удалось разобрать что-то похожее на «радио Израиля».

— М-да, — мрачно резюмировал Саша, — задница, в которую нас закинуло по вашей милости, при ближайшем рассмотрении оказалась куда глубже, чем оно представлялось поначалу. Это явно не наше прошлое.

— Может, какая-нибудь радиопостановка?

— С господином Сталиным среди действующих лиц? Не делайте мне смешно. И откуда тут взялся Израиль, неужели мы на это убожество смогли поймать их станцию? Хотя она может быть и в Китае, например. В общем, на ближайшее время самой важной задачей объявляется создание приличного приемника. Значит, берите лопату и пошли копать, до темноты еще не меньше часа. Нам нужны батареи и прочее содержимое сейфа.

Через сорок минут интенсивной работы открылся лаз в соседний подвал. Чуть расширив его, Александр взял фонарь и скрылся внутри. Его

не было довольно долго, но, когда солнце уже скрылось за лесом, он сначала выпихнул из лаза какой-то сверток, потом сумку и затем вылез сам.

— Судьба к нам милостива, — объявил он, — нашелся приемник дяди Миши, а это «Океан». Правда, он без батареек, а двести двадцать вольт остались в восемьдесят девятом году. Но я захватил «баски», тут нетрудно будет сделать отвод на девять вольт.

— Простите, что захватили?

— Сухие анодные батареи. Но не волнуйтесь, курочить их я вас не заставлю, сам как-нибудь. Э, да вас, я смотрю, просто качает. Ничего, бывает, это называется реакция. Так, давайте руку и полезли обратно к нам.

В своем подвале лаборант усадил Кисина, у которого действительно все уже плыло перед глазами, на стул, зажег две свечи и полез куда-то за верстак.

— Надеюсь, спирт вам разбавлять не надо? — спросил он, чем-то там шебурша. — Ну и ладушки, а то мало ли, я же не знаю, как там у вас в партбюро пьют.

После всех волнений сегодняшнего дня да плюс еще ста граммов спирта Кисина развезло почти мгновенно. Его хватило только на то, чтобы сделать два шага от стула до угла, где поверх куска поролона был постелен халат, и отрубиться.

Спал он без сновидений и проснулся от громкой музыки.

— С добрым утром, — приветствовал его лаборант и выключил приемник. — Спешу вас обрадовать, что все случившееся вчера вам не приснилось. И мы сейчас находимся не в Советском Союзе, а на земле Российской империи. Правда, какой тут сейчас год, не очень понятно, но это и не так важно. Потому как здесь совсем не такая империя, какая была у нас. Царем сидит какой-то Георгий Первый. Два года назад кончилась мировая война, где мы всем навалили. Правда, кому именно, кроме румын, я так и не понял. Судя по всему, в ближайших друзьях у здешней России немцы, японцы и какая-то Черногорская империя, которую один раз вскользь поименовали «крупнейшей». Кроме того, тут где-то неподалеку от Хабаровска есть государство Израиль, там столица Тель-Авив, а президента зовут госпожа Романова-Курильская, причем эту даму один раз обозвали «ее величеством». Ах да, имеется еще и государственный канцлер, распоряжения которого во избежание неких неназванных неприятностей надо выполнять без волокиты. Про господина Сталина пока ничего нового не сказали. Вот вкратце и все, что мне удалось узнать за полночи.

— Значит, тут не было революции...

— Да, мне тоже так показалось. Вставайте и полезли наверх, пить чай. Мне удалось добраться до дяди Мишиного ящика с рыболовными принадлежностями, так что после чая я собираюсь к озеру. Можете сходить со мной — посмотрите на тайгу, самолет, а потом посидите на бережку с удочкой, говорят, это способствует просветлению духа и очищению кармы.

— Значит, — объяснил по дороге к озеру и самолету Александр, — я исхожу из предположения, что мы находимся в пределах, обозначенных на найденной в самолете карте. Если мы в ее нижнем левом углу, то и до железной дороги, и до Читы километров двадцать. А если в правом верхнем, то до железки триста, а до Читы пятьсот. Причем последнее мне кажется более вероятным, потому как станция, которую мы вчера поймали на детекторный приемник, была именно читинской. А будь мы недалеко от города, прием был бы куда лучше. Так что к цивилизации я предполагаю выбираться только после хорошей подготовки, до холодов еще не меньше четырех месяцев. Впрочем, если вы собираетесь осесть в подвале, обещаю, что никому про вас не скажу. Потому как раз тут не было революции, то это, скорее всего, означает, что с коммунистами здешние власти поступили примерно так, как упомянутый Сталин с троцкистами и уклонистами.

— Нет, я с вами, — отвлекся от своих мыслей Кисин. Ибо как раз сейчас он тоже думал о дальнейших своих действиях. Почему здесь не было революции? Одно из двух — или не образовалась революционная ситуация, что маловероятно, потому как здешняя империя хоть и отличается от той, что была в нашей истории, но, скорее всего, не радикально, пережитки феодализма в виде сословного деления общества сохранились. А это означает, что исторические закономерности тут действуют те же самые. Или не было субъективного условия, при котором ситуация может только привести к революции, — наличия партии нового типа! А вот это уже вполне вероятно. Мало ли, вдруг здешней охране удалось схватить Ленина или он даже погиб в пятом году? Кисин смутно помнил, что вождь, кажется, в это время был в России и даже подвергался какой-то нешуточной опасности. А это означает, что человек, вооруженный знанием закономерностей общественного развития и ясно видящий стоящие перед рабочим классом цели, может...

— Мы пришли, вон озеро, а вот самолет, — отвлек Виктора Ивановича от мыслей о грядущем голос лаборанта.

Если бы не это, то Кисин вполне мог бы пройти мимо, ничего не заметив. Просто среди деревьев, часть из которых проросла прямо сквозь дыры в фюзеляже, действительно просматривался маленький самолетик грязно-зеленого цвета со свернутым набок хвостовым оперением и всего

одним крылом, да и оно было надломлено посередине.

— Остатки правого крыла вон там, метрах в пятидесяти, им самолет задел за дерево, — пояснил Александр.

— А где пилот?

— Судя по всему, увезли, и, что более вероятно, в живом состоянии. Вот, смотрите — это рукав кожаной куртки, причем он отрезан, а не отгрызен зверьем. Не думаю, что с трупа по частям срезали куртку, а вот с раненого вполне могли. Опять же за пассажирским сиденьем тут ниша, где явно что-то было, но его аккуратно вытащили. Судя по разьему, это, скорее всего, рация. То есть я думаю, что пилот еще до удара об землю успел что-то передать и помощь прилетела быстро. Пилота забрали, был ли тут пассажир — неясно, сняли рацию, а остальное бросили на месте за невозможностью вывезти. Кстати, там под фюзеляжем я, кажется, вижу вторую половину куртки, сейчас попробую до нее добраться.

Нырнув под самолет, лаборант вскоре вылез оттуда с какой-то неопределенного цвета тряпкой. Минут пять он внимательно изучал ее, потом взял нож, что-то на ней надрезал и вытащил небольшой плоский прямоугольник грязно-желтого цвета.

— Похоже, целлулоид, — буркнул он, поддевая ножом край прямоугольника. — И бумага внутри неплохо сохранилась. Кажется, это довольно мощный документ, полюбуйтеся.

Кисин взял небольшой листок хорошей плотной бумаги примерно с половину формата А4 размером и прочел:

Государственный комиссариат
Российской империи

Сим удостоверяется, что податель сего выполняет секретное поручение Иркутского губернского управления ГК. Всем представителям местных властей предписывается оказывать ему любое находящееся в их компетенции содействие.

*Директор ИГУ ГК А. Р. Неясов Госкомиссар 1-го ранга
Н. Н. Райнович 08.05.1908*

Как и положено, документ заверялся отлично сохранившейся печатью с двуглавым орлом и надписью «Государственный комиссариат Российской империи» по кругу. Причем весь текст, что удивило Кисина, был написан по вполне современной орфографии, без всяких ятей и твердых знаков в конце слова.

— Что ценно, эта бумаженция на предъявителя, — заметил лаборант, убирая ее в карман, — хотя, конечно, дата... Выходит, что тут сейчас идет не то тринадцатый, не то четырнадцатый год. Да уж, если у тутошней России в восьмом году уже были такие самолеты, то понятно, что дела в ней давно идут не так, как шли у нас. Кажется, здесь еще что-то есть. Ого, деньги. И не так уж мало, если здешние цены хоть немного соответствуют бывшим в нашей царской России. Триста рублей. Деньги, кстати, очень похожи, точно такие же «катеньки» я видел у деда, он их сохранил еще с тех времен.

После чего Александр и деньги тоже убрал в карман, даже не подумав предложить хоть одну бумажку Кисину.

— Так, — сказал он, вставая, — давайте сюда ваш топор, там в носу есть еще какой-то металлический ящичек. И подержите фюзеляж, пока я его буду оттуда выковыривать.

Вскоре ящик был извлечен, и Александр, повозившись над ним минут пять, откинул крышку.

— Что-то вроде аварийного набора, — резюмировал лаборант, разворачивая завернутый в промасленную бумагу большой пистолет с черными звездами на рифленых накладках. — Хм, патроны как у ТТ... Ладно, разберемся. — С этими словами он сунул пистолет за пазуху, а магазин — в карман. — Бинты пригодятся, — продолжил тем временем изучение содержимого ящичка Александр, — в пузырьках, вероятно, лекарства, но непонятно какие. Хм, неплохой ножик, даже, пожалуй, получше моего туристического. Ну а это вам, угощайтесь, от сердца отрываю. — Он протянул Кисину плитку с надписью «Горький шоколад. Кондитерская фабрика братьев Варшавер, Иркутск».

Да уж, где-то спустя полчаса думал Виктор Иванович, смотря на неподвижный поплавок, с попутчиком мне не повезло. Хотя, конечно, его решительность чем-то даже и импонирует, но, пожалуй, наши с ним пути должны разойтись. Но вот когда? Если сразу по достижении первого же города, например Читы, то что мне делать там одному, без знакомых и без денег? А даже если этот Кобзев и поделится, то все равно оно радикально ситуацию не изменит. С ним как-то спокойней, но уже сейчас ясно видно, что никакой роли, кроме как мальчика на побегушках, он для Кисина не мыслит.

— Ну и как улов? — раздался сзади голос лаборанта. — Что, за полчаса ни одной поклевки? Странно, у меня там рыбы аж дрались за право клюнуть первой. Ну-ка... Ага, хоть тут рыба и голодная, но на пустой крючок все-таки клевать не хочет. Вы червя-то туда насаживали? Ах, не

помните... Бывает. Я, кстати, тоже малость поразмыслил о наших дальнейших действиях. Разумеется, время обдумать их еще будет, но одно я могу сказать точно — бежать к местным властям с криком: «Радуйтесь, я явился к вам из будущего!» — меня совершенно не тянет. Если у вас есть такие планы, то сообщите о них мне, во избежание. Ну а если нет, то научитесь наконец по-человечески насаживать червя на крючок! Это делается вдоль, а не поперек, чтоб вы знали. И забрасывать нужно не у себя под носом, а хотя бы метра на три. Да чего же вы сидите как памятник Марксу, когда клюет! М-да... Ладно, похоже, мне лучше самому поймать еще с десятков здешних ратанов, которых нам пока не хватает до запланированного улова. По крайней мере тогда этот процесс не затянется на неделю.

Утром двадцать девятого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года в числе многих подобных в секретариате государственного канцлера оказалась и такая бумага:

Шифр: Недохват

Отправитель: Читинский филиал 6-го отдела ОК

Настоящим доношу, что при проведении плановой проверки согласно распоряжению № 136 от 25.05.14 двое из отбывающих поездом Чита — Москва показали проверяющему уряднику Етоеву подозрительными. На просьбу предъявить документы младший из них показал письмо ИГУ ГК по форме 8, которые использовались только при подготовке экспедиций по изучению тунгусского взрыва. Согласно инструкции урядник сделал вид, что представленный документ его вполне устраивает.

Упомянутые лица едут в 4-м вагоне, 6-м купе. В 5-м вагоне для наблюдения отправлен наш агент «Август». В настоящее время выполняются фотороботы данных господ.

Приложения:

Словесные портреты вызвавших подозрение — 2 стр.

Выдержка из личного дела агента «Август» — 1 стр.

Зам. нач. ЧФБ. ОК ротмистр П. Ф. Конецкий

А в час дня в Иркутский филиал Департамента охраны материнства и детства ушла следующая шифрограмма:

Срочно. Секретно.

Немедленно принять меры по установлению плотного наблюдения за двумя господами, едущими в 6-м купе 4-го вагона поезда номер 18 Чита — Москва. Агента шестерки «Август» от наблюдения освободить. В ближайшее время вам придут фотороботы подозреваемых из Читы. В Красноярске ваша бригада будет усилена специалистами из центрального управления ДОМа. Задержание подозреваемых разрешаю производить только в случае явной попытки выйти из-под наблюдения. Рапорты — на мое имя не реже раза в сутки.

Т. В. Князева

Вечером же состоялся телефонный звонок из кабинета государственного канцлера генерал-лейтенанту Алафузову: «Иван Илларионович, Найденов на связи. Поздравляю, ваши читинские сотрудники нам очень помогли. Да, это дело расследует Татьяна Викторовна. Кстати, обязательно наградите того урядника. Ну орден там или не орден, это вам виднее, но премию дайте не меньше пятисот рублей и заодно предоставьте ему внеочередной отпуск. И пусть господину уряднику намекнут, что если он вдруг соберется провести этот отпуск в Питере, но тамошние гостиницы ему чем-то не понравятся, то в Гатчинском дворце очень приличное обслуживание и там будут рады таким гостям».

ГЛАВА 3

В процессе прочтения бумаг из Читы я испытывал вполне законную гордость. Кажется, мне все же удалось создать такую систему, которая и без меня работает как положено! Несмотря на некоторые проколы. Ну потеряли бумагу-вездеход. Бывает, это же случилось перед самым тунгусским бабахом, причем тогда, насколько я помню, еще и целый дирижабль пропал, его еле нашли уже после взрыва. Вчера я проверил — ко мне доклад об этом пришел своевременно, но никакой особой реакции тогда не вызвал, потому как уже через две недели такие документы становились недействительными. Обошлись простым напоминанием об усилении бдительности по пунктам таким-то и таким-то. Зато теперь еще до официального распоряжения подняли архивы, отыскиали координаты места аварии, а приказ из Гатчины послужил лишь отмашкой для старта трех «Тузиков». Так что уже на второй день прочесывания местности был найден, как писалось в рапорте, «железобетонный бункер со следами неидентифицируемой катастрофы технического характера на внешних поверхностях». Далее старший поисковой группы принял самое правильное решение — сделал внешние фотографии со всех ракурсов, но внутрь не полез, а выставил охрану и запросил инструкций. В силу чего завтра с утра мне предстоял дальний полет, но не на Канары, с этим придется обождать, а в Читу и далее двести с небольшим километров на северо-восток.

— Считаешь, что это дело требует присутствия на месте целого канцлера, — задумчиво сказал мне Гоша за ужином. Это был не вопрос, а просто уточнение, ведь происшествие действительно имело исключительную важность.

— Не только канцлера, но и самого квалифицированного в империи технического специалиста по данной проблеме, а это опять-таки я. Так что никуда не денешься, лететь мне туда надо, и чем быстрее, тем лучше.

— А эти посланцы не пойми откуда, с ними что делать, уже решил?

— Да пусть себе едут потихоньку, они еще и до Казани не добрались. Танечкиных сотрудников в поезде вполне достаточно, вчера нашим гостям и вообще в купе прослушку поставили, так что никакого аврала на этом направлении я не вижу.

И вот спустя сутки с хвостиком я вылезал из «Пчелки» рядом с разбившимся шесть лет назад «Тузиком», а после двадцатиминутной

прогулки по забайкальской природе стоял перед тем самым бункером.

То, что это результат обмена сферических кусков пространства радиусом около пяти метров, я увидел сразу. Блин, что-то это мне напоминало, то ли я про такое уже где-то слышал, то ли читал... Оба прохода внутрь, которые попаданцы перед уходом кое-как замаскировали, были уже расчищены, два сапера в полной готовности ждали отмашки.

— Давайте, — кивнул я им и присел на раскладной стульчик.

Через сорок минут мне доложили, что признаков минирования не обнаружено, и я, взяв еще один мощный фонарь в дополнение к имевшимся у саперов, полез внутрь. Передо мной предстал кусок подвала явно лабораторного вида, причем советских времен. А у левой стены стояла установка, сразу показавшаяся мне знакомой. Япона мать, да это на нее я лично устанавливал клистроны году где-то в восемьдесят шестом! По заказу... дай бог памяти... как же его там... да, доктора Арутюняна. Кажется, его звали Сергей, а вот отчества не помню. Точно, и блоки питания знакомые. На испытаниях я обнаружил, что смежники из института автоматики схалтурили, на предельной мощности где-то через полминуты работы блоки начинали возбуждаться. Но Сергей сказал, что наплевать, они все равно должны работать только короткими импульсами, режим постоянного излучения программой эксперимента вообще не предусмотрен, а времени на переделку нет. Потом, года через два, случился довольно известный скандал. Поначалу говорили, что по неизвестным причинам исчезла часть лаборатории, причем это сопровождалось жертвами, потому как на месте нее оказался вакуум. Затем выяснилось, что в процессе катаклизма куда-то испарилось приличное количество редкоземельных металлов, но вскоре они непонятным образом конденсировались во Франции. Но тут развалился Союз, и расследование заглохло само собой, оставив у слышавших про него впечатление, что взрыв если и имел место, то являлся всего лишь прикрытием крупномасштабного воровства. А на самом деле, кажется, это все-таки были разные процессы.

Я взял лабораторный журнал. Последние записи датировались двадцать пятым февраля восемьдесят девятого года, и отметка об окончании эксперимента отсутствовала. Вот, значит, откуда сюда явились гости. Однако ничего так себе туннельный эффект получился у Сергея — не какую-то там частицу через запрещенный для нее энергетический уровень, а чуть ли не целую лабораторию туннелировало между мирами! Но только почему на месте исчезнувшего подвала получилась пустота? По идее там должен быть забайкальский грунт. Ладно, с этим как-нибудь

потом разберемся.

Я вылез из подвала и, распорядившись продолжать охрану места катаклизма, направился к «Пчелке». В ближайшее же время следует вывезти отсюда все, что подверглось переносу, за исключением разве что стен и потолка самого подвала. Хотя пусть специалисты подумают, нельзя ли и их тоже, дирижабли, пожалуй, и такое поднимут. Кстати, а что дальше случилось с Арутюняном? Кажется, он пропал в девяностом году, во время бакинского погрома. Надо будет прикинуть, стоит ли пытаться это уточнять, и если да, то как. Оно, конечно, хорошо, что перенос получился случайно, но это также и означает, что данная случайность нуждается в тщательных исследованиях. Из чего вытекает: жизни и здоровье наших гостей приобретают дополнительную ценность. Впрочем, их и так охраняют со всем старанием.

Прибыв в Москву, невольные путешественники между мирами сняли небольшую двухкомнатную квартиру в доходном доме на Якиманке. Вообще-то деньги у них уже кончались, несмотря на то что за время путешествия удалось слегка поправить финансовое положение. Едущая в соседнем купе пожилая супружеская пара оказалась большими любителями преферанса, а у Кисина все же нашлось хоть что-то, что он мог делать сколько-нибудь терпимо, вот он сошел за партнера. В общем, Александр быстро выиграл у супругов четыреста рублей, потом, правда, проиграл им обратно двести двадцать. Но зато теперь у гостей были не только деньги, но еще хоть и шапочные, а все же знакомые в здешней Москве. Саше было даже жаль мухлевать со столь приятными в общении людьми, но что поделаешь... Правда, он не знал, что Никодим Петрович, так звали супруга, в общем сохранил самые приятные впечатления от игры, что он и отразил в рапорте. Несмотря на то что он являлся специалистом с более чем двадцатилетним стажем, один из приемов Сашиного жульничества показался ему достойным внимания. Да, разумеется, исполнен он был на редкость дубово, но сама идея пришлась Никодиму Петровичу по душе как интересная и пригодная для дальнейшей разработки. А вообще, глядя на неуклюжую игру лаборанта, он с ностальгией вспоминал свою далекую молодость, и его рапорт Татьяне Викторовне завершался словами о том, что у молодого человека есть определенный потенциал.

Кроме поправки своего финансового положения в поезде путешественники изучали приобретенную в станционных киосках прессу этого мира. Обзорную информацию они почерпнули из майского номера «Нивы», купленного в Иркутске. Так как недавно у здешнего царя был день рождения, то первые десять страниц посвящались этому событию.

Царь как царь, думал Александр, разглядывая цветные фото, чем-то даже похож на Николая, если того побрить. А это еще что? На четвертом снимке был изображен бородатый мужик в эсэсовской форме, зеркальных очках и со здоровенным, чуть ли не с рысь, рыжим котом у ног. Государственный канцлер? Охренеть и не встать. И в газетах, кажется, попадались подобные иллюстрации? Ну-ка, ну-ка...

— Значит, дорогой Виктор Иванович, — пояснил он своему спутнику по завершении обзора прессы, — если вам навстречу вдруг попадется гестаповец, не нужно в панике орать «Хайль Гитлер». Это здесь так одеваются комиссары во главе со своим канцлером.

— А кто они вообще такие и чем занимаются, вы не поняли?

— На основе имеющейся у меня информации я могу сказать только то, что их задачей является надзор за исполнением предписаний центральной власти. То есть если, как в песне, кто-то кое-где у них порой честно жить не хочет, то туда приезжает комиссар и учиняет такое, что уцелевшие, вылечившись от заикания, на несколько лет вперед приобретают мощный заряд трудолюбия и бескорыстия.

— Выходит, у них тут сейчас разгул реакции, — вздохнул Кисин.

— Ага, только довольно своеобразной. Вот, например, полюбуйте. — С этими словами лаборант протянул Виктору Ивановичу газету «Труд». Под названием сообщалось, что это орган ЦК объединенных профсоюзов Российской империи.

— Кстати, там на третьей странице они даже и по канцлеру немножко прошлись. Где? Да вот, смотрите: «И хотя мы отлично понимаем возмущение государственного канцлера при виде столь вопиющих нарушений норм техники безопасности, нам все же кажется, что он мог высказать его и в несколько более цензурных выражениях».

— Это значит только то, что здешние правящие круги как-то смогли подчинить себе профсоюзное движение.

— Как-то? Да небось как у нас. Хотя не совсем, наших как ни обматери, они только утрутся. Ладно, не надо тут среди меня проводить агитацию, лучше вот это почитайте. «В небе Атлантики» — воспоминания летчиков второй АУГ в художественной обработке Алексея Толстого. Даже если тут всего на треть правды, то все равно повоевали они здесь очень лихо.

А потом в соседнем купе появилась та самая супружеская пара. Причем супруги оказались столь любезны, что рассказали провинциалам, где лучше снять квартиру и как это вообще делается в Москве.

Так что вопрос с жильем решился несколько проще, чем это

представлял себе Саша. Теперь предстояло определиться с работой, из-за чего он сегодня и проехал до конечной остановки на трамвае-тройке. Она называлась «Нескучный сад», и по правую сторону Калужского шоссе именно он и находился. А слева был большой завод, до недавнего времени принадлежавший братьям Бромлей, а ныне просто Первый московский станкостроительный. Саша знал это предприятие, в его мире оно называлось «Красный пролетарий», или по-простому «Кырпыр». Вот он и решил посмотреть, как тут выглядит ситуация на рынке труда. Чего больше, спроса или предложения, кого куда берут и какие документы для этого нужны.

Часа через три, получив кое-какие сведения, лаборант двинулся к трамвайной остановке, и тут его внимание привлекла идущая впереди девушка. Она несла сумку, причем, судя по всему, довольно тяжелую. Вот девушка остановилась и со вздохом поставила свою ношу на землю. А она очень даже ничего, подумал Александр и, подойдя, предложил:

— Разрешите, я вам помогу? А то просто сил нет смотреть, как такая красавица мучается.

— Ох, конечно, я буду так вам благодарна! Вы, наверное, из столицы? Одеты-то как модно и обращение какое галантное. Ах из Читы? Никогда не была, наверное, хороший город. А тут хоть помри прямо посреди улицы, никто и не повернется! Все прямо как мой инженер Каганович, у которого я в услужении.

М-да, подумал Саша, беря сумку. Вас бы в социализм! А то уже и шесть-семь килограммов весом считают, посмотрели бы, по сколько зараз тетки из какого-нибудь райпо тащат, когда там дефицит дают.

— Нам вон в тот дом, видите? До него можно и на трамвае доехать, но зачем же туда лезть ради одной остановки. Вот сдам ему продукты, и пусть эта метростроевская морда ими подавится! Предпоследний день у него, жадюги, работаю. Ой, спасибо, вы так мне помогли, что я и выразить не могу. Почему метростроевская? Да он же на строительстве метро работает. Как, вы не знали? В Москве уже полтора года метрополитен строится! И будет он не как в каком-нибудь Лондоне, а гораздо лучше. Примерно через год обещают поезда пустить. Слушайте, а давайте я вас чаем напою? С черничным вареньем. Тогда подождите, я сейчас быстренько отнесу эту сумку, а живем мы с подругой чуть подальше, у самой Калужской площади. Господи, я же даже не спросила, звать-то вас как. Саша? И я тоже Саша, надо же, какое совпадение. В общем, подождите, я быстро.

Жила Саша со своей подругой Мариной на последнем, пятом этаже большого дома за маленькой церквушкой, которую, как помнил Александр,

взорвали где-то в конце семидесятых. Год назад они приехали в Москву из Курска, ну и уже маленько обжились тут за это время. Марина работала в недавно открытой гостинице «Октябрьская», а вскоре туда должны были взять и Александру. Квартира у девушек была даже чуть меньше, чем снимаемая Кобзовым и Кисиным, но зато трехкомнатная. А кроме того, тут имелся и такой явный признак зажиточности, как магнитофон.

— Мы на него полгода копили! — гордо объявила Саша. — Хотите, поставим вам Шаляпина? Такой записи ни у кого нет, это он неделю назад пел в «Октябрьской», а Марина смогла записать. И еще у нас есть пленка, где Северянин читает свои гавайские стихи, он тоже там останавливался весной, проездом в отпуск.

Однако с Шаляпиным поначалу получился небольшой конфуз. Вместо музыки магнитофон забубнил что-то невнятное.

— Еще позавчера нормально играл, — растерянно сказала Марина.

— А ну-ка, девушки, дайте я посмотрю, — предложил Саша. Да, подумал он, это вам не наша история. Магнитофон вроде советского «Тембра» в четырнадцатом году! Хотя чему тут удивляться после авианосцев и самолетов, по картинкам и описаниям вполне соответствующих началу Второй мировой, если не ее середине. А вот трамваи почему-то почти как у нас в те времена. Но пленка тут суровая. Похоже, ацетатная, причем больше смахивает не на тип шесть, а вообще на тип два или даже один. Это же натуральная смерть головке. Хотя, может, ее еще не запилило, а просто загадило?

— Не найдется у вас спички, ватки и пары капель спирта? — спросил он у девушек. — И немножко машинного масла не помешает, хотя откуда оно тут...

— Которым «Зингер» смазывают, подойдет? — спросила Марина.

К счастью, головка оказалась всего лишь засорена, и через пятнадцать минут лаборант, почистив и смазав механизм, сам включил воспроизведение. Теперь из магнитофона слышалось настоящее пение Шаляпина.

— Да вы просто волшебник! — восхищенно всплеснула руками Саша. — Это надо отметить, вот и Марина тоже так думает.

Действительно, та уже доставала из шкафа бутылку кагора и бокалы.

В результате Александр явился домой около часу ночи. А через день он сообщил Кисину, что без документов человеку с улицы тут можно устроиться только катать тачку в метрострой или подсобным рабочим в литейку первого станкостроительного. Но у него, Кобзева, получилось пролезть в электрики гостиницы «Октябрьская». А кроме того, появились и

знакомые, которые, возможно, смогут помочь с документами. Паспорта тут еще не у всех, так что для начала хватит машинописной справки от управы с предыдущего места жительства.

ГЛАВА 4

После того как наши гости благополучно прибыли в Москву и осели на приготовленной для них квартире, я все-таки слетал на недельку к своим Канарским кошкам помидорам. Операцию прикрытия, которая проводилась параллельно с «Недохватом» и должна была показать имеющимся (а вдруг? чем черт не шутит) кротам в наших спецслужбах, что пресекается какая-то утечка важной информации со спецобъекта под Читой, доведут до конца и без меня. Я же просто отбыл на дачу с несколько большей помпой, чем обычно, каковая по идее должна была навести интересующихся на мысли, что на самом деле я улетел куда-то совсем в другое место. В верховья Подкаменной Тунгуски, например, с целью опять что-нибудь там взорвать, причем похлеще, чем то было в восьмом году.

Вернувшись в Питер, я с удивлением услышал от величества, что ему, Гоше, было бы интересно взглянуть на Кисина.

— Это ведь один из тех самых легендарных партаппаратчиков, про которых ты периодически вспоминаешь все пятнадцать лет своего здешнего существования! — пояснил император. — Тебя послушать, так это такие звери, что Союз развалили на счет раз, а ведь держава была вроде даже и покрепче Российской империи на момент, когда мы за нее взялись.

— У меня тебе что, зоопарк? — вполне резонно возразил я. — Никонов скоро в очередной раз явится, вот и любуйся на него сколько хочешь, он из той же среды произошел.

— Это когда было, а сейчас он простой эрэфовский чиновник. Кстати, Кисин еще не начал искать единомышленников в Москве? И на работу-то он куда-нибудь устроился?

— А как же, в метрострой, учетчиком, работягам галочки ставит. Единомышленников тоже помаленьку ищет, но какой-то он в этом отношении привередливый. Вынь да положь большевиков, а где я их ему возьму в Москве? У меня там только правые эсеры и анархисты-кропоткинцы. Ну ничего, на рождество в метрострое будут недельные каникулы, пусть съездит в Питер, Зиновьев свою зарплату не зря получает, так что тут есть самые настоящие большевики.

— Не боишься, что он их и в Москве найдет?

— Наоборот, премию дам, если у него такое получится. Но пока что-то непохоже, и вообще это довольно неинтересный тип. А вот лаборант мне нравится, и с головой, и с руками у парня все в порядке.

— Ладно, а в отношении главного у тебя хоть что-нибудь прояснилось? Я имею в виду, как это у них вышло прыгнуть из восьмьдесят девятого года твоего мира в наш четырнадцатый. Это при том, что там сейчас две тысячи десятый и времена миров связаны совершенно однозначно. Не зря же ты с собой лабораторные журналы брал?

— Ну кой-какие мыслишки у меня действительно имеются. В экспериментах проявилась интересная вещь, которую Арутюнян посчитал ошибкой измерений. Исчезнув из магнитной ловушки, частица появлялась в приемной камере не сразу, а спустя некоторое время. Полторы микросекунды для электрона и шесть с небольшим для альфа-частицы. Я не понял, почему это показалось Сергею невозможным, все-таки не ядерный физик, но вот в измерительной аппаратуре я разбираюсь, и там так ошибаться просто нечему. Поэтому я предположил, что имеется промежуточный финиш, и время задержки как раз показывает расстояние до него в световых микросекундах. И чем тяжелее переносимый объект, тем дальше точка промежуточного финиша. Если это так, то для лаборатории эта точка находилась в десяти с половиной световых годах от Земли. И перемещение туда было мгновенным только с точки зрения объекта, а для постороннего наблюдателя оно заняло десять с половиной лет. Кстати, в этом случае понятно, почему на месте исчезнувшего подвала в институте образовалось не сто тонн забайкальского грунта, а вакуум.

— Значит, если ты прав, то, даже воспроизведи сейчас в том мире эту технологию, к нам они попадут только через двадцать лет после старта, да и то по их времени? Прямо камень с души, честное слово.

— Пока это еще только предположение, но вообще-то я уже заказал Никонову клистроны на замену сгоревшим. Не волнуйся, там в заказе еще до фига всякого, так что вряд ли это натолкнет их на ненужные мысли. Ну а нам пора сажать на данную тему серьезных ученых. Капицу и, пожалуй, Френкеля — они оба хоть и молодые, да ранние. Кроме того, мы с Танечкой уже начали вчерне прикидывать, как бы нам понезаметнее прояснить судьбу Арутюняна.

— О нем же твои пришельцы могут что-то знать, — заметил император, — да и вообще, раз уже точно выяснилось, что они тут случайно, зачем продолжать их тайную разработку? Вежливо приглашаешь к себе в Гатчину и задаешь все интересующие тебя вопросы.

— Ага, еще бы знать какие. Вот простой пример: если бы мы их взяли сразу, то могли бы посчитать старшим в этой команде Кисина. Лаборанта, я думаю, такое весьма повеселило бы. В общем, я, во-первых, хочу повнимательнее присмотреться, что это за люди. А во-вторых, по крайней

мере в отношении Кобзева, у меня есть надежда, что он сам придет к выводу не только о возможности, но и о желательности контактов со здешней властью, то есть с нами. Причем по велению души, а не потому, что иначе дядя Жора устроит ему большую бяку. Ну а Кисин... Хрен с ним, пусть тоже погуляет за компанию, может, и удастся со временем пристроить его к чему-нибудь полезному.

Уже после чая, когда наш очередной ужин с императором подходил к концу, он поинтересовался:

— Кстати, давно хотел спросить. Как ты выбрал из кучи рапортов про всякие странности именно этот, о наших попаданцах? Ведь у тебя подобных бумаг было не меньше сотни.

— Даже чуть больше, — кивнул я, — и это только те, что мои референты посчитали достойными внимания. А получилось все благодаря тому уряднику. Он сумел несколькими словами довольно точно описать куртку Кобзева. Да, она была весьма похожа на наши летные, но все же имела существенные отличия. Главное из них — это нарукавные карманы с молниями. Ни на одной нашей модели такого никогда не было, да и вообще здесь карманы на рукавах пока еще не в моде. Ну а результаты первых же суток наблюдения полностью подтвердили мои подозрения. Кроме того, сработала свободная графа в форме рапорта, про которую жаловались, по моему, даже тебе.

Эта графа являлась результатом моих раздумий о плюсах и минусах бюрократизации работы полиции, жандармерии и спецслужб. И главным минусом я посчитал то, что в случае, если докладчику что-то всего лишь показалось, то в рапорт, составленный по обычной форме, это вряд ли попадет. И в результате на бланках появилась свободная графа, где агент мог записать что угодно, не объясняя, почему он счел нужным включить в свой рапорт именно это. Более того, во всех должностных инструкциях был прописан строжайший запрет на преследование за что-либо написанное в этой графе, пусть даже и матерная ругань в адрес канцлера, не говоря уж о непосредственном начальнике. И свободная графа урядниковского рапорта содержала категоричное утверждение: «Вот ей-ей, не наши люди!»

Да, лето уже кончается, подумал Александр, ранним августовским утром выходя из дома и направляясь вверх по Якиманке. Теперь, пожалуй, его вряд ли кто-нибудь сразу назвал бы «не нашим человеком». Куртка с нарукавными карманами на молниях осталась дома, она только для особо торжественных случаев, как и джинсы, которые, как ни странно, встречались и в этом мире. Сейчас Александр был одет как обычный московский клерк средней руки: неброский бежевый костюм, серая шляпа,

легкий плащ и штиблеты от братьев Розенбаум, чей магазин находился совсем рядом, на Полянке.

Дойдя до «зебры», лаборант пересек улицу и вскоре был у одного из служебных входов гостиницы «Октябрьская».

В новую для себя обстановку он вписался быстро. Надо сказать, что мать Александра работала администратором в гостинице «Южная», так что какое-то представление об этом роде человеческой деятельности он имел. Кстати, когда Саша впервые прочитал роман Хейли «Отель», он был поражен полнейшим несовпадением прочитанного с увиденным на работе у матери. Нет, «Южная» была ничуть не менее сложным организмом, чем «Сент-Грегори», но живущим совершенно по другим законам. Однако «Октябрьская», как это ни странно, имела черты обеих гостиниц, хотя при внимательном взгляде все же оказывалась более похожей на описанную Хейли, чем на ту, где работала мать. И если полтора месяца назад стажер Кобзев получал тридцать два рубля в месяц, что в общем-то было и не так уж мало, то с позавчерашнего дня он стал старшим электриком с окладом в девяносто пять. Кроме того, он обслуживал все двенадцать гостиничных магнитофонов, которые оказались хоть и простыми, но довольно капризными устройствами, и имел за это еще четвертной в добавление к окладу. В ближайшее время в гостинице ожидалось появление телевизоров, что, как небезосновательно считал Саша, дополнительно повысит его благосостояние настолько, что можно будет всерьез подумать о покупке автомобиля. А вот товарищ Кисин, похоже, долго еще останется учетчиком на двадцати пяти рублях.

Впрочем, напомнил себе лаборант, есть ведь и чем дальше, тем более очевидные странности, в свете которых вообще неизвестно, будет ли ему завтра до телевизоров. И до автомобилей, кстати, тоже.

Когда он в первый раз услышал от девушек название гостиницы, то подумал, что оно какое-то несколько странное для империи, в которой отродясь не было никаких Октябрьских революций. Но Марина объяснила — ее так назвали потому, что она была торжественно сдана в эксплуатацию в октябре прошлого года. Ну предположим, совпадение. А вот то, что она стоит точно на том месте, где в Сашином мире расположена станция метро «Октябрьская-радиальная», это как? Опять же мундиры их канцлера и его комиссаров тоже наводят на определенные мысли. Но окончательно Саша уверился в своих предположениях, случайно наткнувшись на небольшую статейку о тунгусском феномене, а потом, перечитав вообще все, что смог про это найти. Не может быть никаких сомнений — высшее руководство империи совершенно точно знало и дату, и место падения метеорита! И так

тонко воспользовалось своим знанием, что до сих пор иногда вспыхивали дискуссии на тему: какое смертоносное оружие там испытывал канцлер Найденов. То есть получается, что здесь кто-то умеет как минимум смотреть в будущее, а может, и телепортироваться туда, вроде как они с Кисиним в прошлое. Правда, не в свое, но все же.

Кроме того, присмотревшись к взаимоотношениям между служащими гостиницы, Александр понял, что они ему напоминают. Дисциплина тут не походила на ту, что Саша видел в «Южной», где работала мать, а гораздо более напоминала армейскую. И чтобы в такую организацию взяли на работу человека с улицы, да еще и без документов, пусть он сколько угодно хорошо разбирается в магнитофонах... Не бывает. А это значит, что его знакомство с Александрой и Мариной вполне могло быть подстроено, как и прием на работу. Но спектакль такого масштаба заставляет предположить, что тут работает государственная спецслужба. И она как минимум подозревает, откуда на самом деле явились Кисин с Кобзовым, а возможно, даже знает это точно. Что весьма неприятно, потому как в этом случае, скорее всего, придется коротать остаток дней в какой-нибудь намертво закрытой шараге, и степень комфортности жизни там будет зависеть от того, насколько Саша окажется полезен хозяевам этого мира.

Но стоп, осенило лаборанта, а почему мы тогда до сих пор гуляем на свободе? Либо все мои предположения — это плод паранойи, а на самом деле все обстоит именно так, как оно кажется. Тогда, если задать той же Марине несколько странный вопрос, она удивится. Ну и что, подумаешь, слегка удивился чему-то дежурный администратор одной из московских гостиниц... Переживаемо.

Либо нас не берут оттого, что до сих пор чего-то ждут. А чего они могут ждать? Например, предложений о сотрудничестве! Или просто готовности к нему.

Да, решил лаборант, зайду к Марине прямо сейчас, пока решимость не улетучилась, а то с ней иногда такое бывает.

Так что Саша, пройдя в холл, отправился не в свой полуподвал, а поднялся на второй этаж, где сейчас должна была дежурить Марина. Действительно, она сидела за своим столиком дежурного по этажу и с интересом посмотрела на лаборанта.

— Доброе утро, Саша, у вас что-то случилось? — приветствовала она его.

— Ну можно и так сказать. Дело в том, что мне вдруг почему-то очень захотелось пообщаться с вашим начальством. Я имею в виду настоящее, а не Елену Львовну.

— Это вы зря, госпожа Комарова и есть мое самое настоящее начальство, ведь старший администратор — это должность, а звание у нее старший ликтор, — улыбнулась Марина. — Но если вы хотите, я могу доложить о вашем желании на самый верх. И что вы на меня с таким удивлением смотрите — я в чем-то не оправдала ваших ожиданий? Тогда уж объясните, в чем именно. Я должна была сделать круглые глаза и пролепетать: «Да что же это вы говорите, я не такая»? Или с воплем «Ах, как давно мы все ждали этого момента» броситься вам на шею?

— Нет, — рассмеялся Саша, — это я просто немножко растерялся. Конечно, доложите, буду вам очень благодарен.

Марина сняла трубку своего телефона и что-то скороговоркой произнесла — кажется, просто набор цифр.

— Все, — пояснила она, — я думаю, что в ближайшее время с вами свяжутся.

До обеда Саша просидел в своей каморке как на иголках, но им никто не интересовался, даже вызовов не было. Однако когда он уже собирался пойти в столовую для персонала, раздался звонок от диспетчера:

— Господин Кобзев, зайдите, пожалуйста, в триста десятый люкс, там у гостя что-то с магнитофоном.

Интересно, подумал Саша, это действительно простой вызов или неведомое высокое начальство уже прореагировало? И, зайдя в гостиную, куда его проводил тут же исчезнувший коридорный, понял — да. Ибо там действительно стоял магнитофон, но не здешний похожий на «Тембр» уродец, а настоящий «Акай», точно такой же, как тот, который Саша начал ремонтировать незадолго до своей телепортации. А присмотревшись, Кобзев понял, что это просто тот же самый. Только он уже был собран, отремонтирован и негромко играл что-то из «Пинк Флойд».

— Ну, молодой человек, давайте познакомимся, кажется, уже пора. — С этими словами в гостиную вошел вроде бы смутно знакомый Саше господин лет пятидесяти на вид. — Меня зовут Георгий Андреевич Найденов, а ваше имя мне, как вы уже наверняка догадались, давно известно.

Саша в некотором обалдении пригляделся к гостю. Точно, канцлер, только не в черном мундире под Штирлица, а в джинсах и водолазке, и очки не зеркальные. Зато кот имелся и здесь. Правда, не рыжий великан, как на журнальной фотографии, а весьма мелкий, неопределенного цвета, почти без шерсти и с огромными для такого маленького существа ушами. В данный момент он путался под ногами у канцлера, время от времени недовольно взмывкая.

— Садитесь, что ли, — предложил Найденов, — вам скоро принесут обед, а я только что из-за стола, так что обойдусь чаем. — С этими словами он первым сел за стол, и мелкий кошак тут же запрыгнул ему на колени.

— Это что же, я настолько важная фигура, что ради меня из Питера сюда прилетает второе лицо в государстве? — поинтересовался лаборант, осторожно присаживаясь на край стула.

Кот на коленях у Найденова возмущенно мяукнул.

— Молодой человек, от мании величия очень хорошо помогает слабительное в лошадиных дозах, — усмехнулся канцлер. — Могу распорядиться, принесут вместе с обедом. Вам его в первое, второе или десерт? А насчет меня — просто я в этом году из-за вас не смог толком отгулять свой отпуск на даче. Ну и на выходные вырвался к семье, у меня тут в Нескучном саду дом, и жена с детьми сейчас там. Ехать здесь всего ничего, так что, услышав про ваше желание пообщаться с кем-нибудь из начальства, я и двинул сюда. Тем более мне супруга все уши прожужжала о том, что раз уж я на отдыхе, то должен свято блюсти послеобеденный сон. Вот я и сбежал. И давайте начнем нашу беседу несколько необычно. Сейчас я расскажу вам, что случилось в вашем мире за двадцать лет, прошедших там со времени исчезновения подвала с установкой. Итак...

ГЛАВА 5

Надо сказать, что лаборант все же смог меня удивить. Услышав мое вступление, он предложил:

— А не сделать ли нам наоборот? То есть сначала я изложу вам, как мне представляется дальнейшее развитие событий. Вы-то это уже знаете, а я пока нет, и мне просто интересно, насколько и в какую сторону я заврюсь в своих прогнозах.

Рекс повернулся ко мне и торжествующе фыркнул: мол, а я тебе о чем сразу промяукал? Нормальный парень!

Александр тем временем начал:

— Значит, на момент нашего отбытия обстановка в стране представлялась мне такой. Народ в большинстве своем просто ждал перемен, считая, что они всяко будут к лучшему, ибо хуже, чем сейчас, жить все равно нельзя. Но, по-моему, тут он проявлял неумеренный пессимизм и неверие в возможности человеческого разума. Можно жить хуже, еще как можно! И в самое ближайшее время ему предстояло в этом убедиться. Тут моему гостю принесли обед, но он решил не отвлекаться и продолжил:

— Поначалу партноменклатура просто брала все, что плохо лежит, и загоняла за рубеж. Но хоть в Союзе плохо лежащее имелось в невероятных количествах, оно должно было скоро кончиться, потому как желающих тоже хватало и, главное, их число постоянно росло. В конце концов те, кому элементарно не хватило, при поддержке незначительной части упертых идейных коммунистов могли попробовать устроить реставрацию. Если такая попытка и была, то она, вероятно, кончилась неудачей, ибо в подковерных играх эта группа наверняка была слабее перестройщиков, а народной поддержки у нее быть не могло. Потому как никакой идеологии, кроме возврата в самый застой развитого социализма, никто придумать не удосужился. Наконец, это противоречило интересам номенклатуры национальных республик, которая тоже хотела свой кусок пирога.

— Да, — с интересом глядя на лаборанта, подтвердил я. — Такая попытка была, и кончилась она именно провалом, после которого Союз развалился на пятнадцать республик. А что, по-вашему, было дальше?

— Укрыв и загнав все, что плохо лежало, перестройщики обязаны были задуматься о том, как прибрать к рукам все остальное. Значит, должны быть сняты все ограничения на частную собственность, потому как

они мешали дальнейшему растаскиванию страны. Например, лучшую часть оборудования с завода можно оприходовать и в рамках кооператива, но ведь сам-то завод останется! Ну а дальше должна была дойти очередь и до природных ресурсов. А чтобы народ со своими накопленными за жизнь деньгами не путался под ногами у серьезных людей, эти деньги следовало обесценить. Реформу какую-нибудь провести, или, еще лучше, сразу поднять все зарплаты раз в пятьдесят, а вслед за этим цены — в сто. И выдать каждому бесплатно по две бутылки водки, во избежание проявлений недовольства.

— Правильно, — согласился я, — все почти так и было. Только сначала подняли не зарплаты, а цены, и не в сто раз, а в тысячу с лишним. Потом помаленьку начали подтягивать и зарплаты, но с куда меньшим энтузиазмом. И по две бутылки выдали не просто так, а обозвав этот процесс ваучеризацией и даже наспех сочинив теорию, что это есть путь к невиданному доселе процветанию.

— Выходит, я малость уменьшил размах, наглость и жадность перестройщиков, но на выводах и дальнейших прогнозах это все равно не отразится. Итак, деньги обесценены. Значит, теперь можно разрешать выкупать предприятия по балансовой стоимости в рублях, которая наверняка осталась строго неизменной с застойных времен.

— А вот здесь вы немножко недооценили потенциал реформаторов. Несмотря на то, что в обесценившихся рублях балансовая стоимость предприятий представляла собой смехотворно малые суммы, их и то всякими махинациями уменьшали в разы, а бывало и в десятки раз. Но, разумеется, все хоть сколько-нибудь ценное доставалось нужным людям, несмотря на периодически устраиваемые комедии с якобы конкурсами.

— Это понятно, — хмыкнул Саша. — Но теперь я подобрался к развилке. Дальнейшее развитие страны могло идти по двум путям, и у меня просто нет информации, чтобы выбрать из них реальный. Итак, первый путь: продолжение той же политики — все продать и сдернуть на Запад. Ее логическим завершением должна была стать продажа самой страны, причем лучше по частям. Но тут есть одна тонкость: на том самом Западе наши скоробогачи в элиту бы все рано не попали — кому они там нужны? Высший слой среднего класса — это их максимум. Кроме того, многим могло показаться мало безбедной жизни на награбленные миллионы. А спесью перед кем надуваться? Унижать кого, чтобы полнее чувствовать собственную значимость? В Европе и в Штатах с этим не очень. То есть наверняка появились желающие устроить для себя подходящую жизнь в России, причем их интересы вступили в вопиющее противоречие с

устремлениями первой группы, и кто в конце концов победил, сказать не берусь.

— Вторые, избравшие другой путь, — откинулся на спинку стула я.

— Раз так, то продажа всего и вся за бесценок быстро прекратилась, потому что этим нужно было сравнительно сильное государство. Несогласных от власти отстранили, причем, как я думаю, некоторых достаточно жестко. И начали строить государство под себя, где они — соль земли и вообще хозяева всего, а население есть люди второго или третьего сорта. Причем это население должно знать свое место. Как в фильме «Кин-дзадза» — увидел кого с желтой мигалкой, тут же с должным смирением говори «ку» и кланяйся в пояс. Но вот насколько далеко удалось продвинуться в создании такого государства, я судить не берусь.

— По-моему, достаточно далеко, как минимум наполовину задача уже решена. Только мигалки не желтые, а синие. Их обладателям, правда, кланяться еще не строго обязательно, но до этого уже недалеко. Зато, например, если машина с этой мигалкой, нарушив все на свете, вылетит на встречу и вмажется в стоящий с соблюдением всех правил автомобиль простого гражданина, то виноват, естественно, будет именно гражданин, и это уже никого не удивляет. Однако хоть и редко, но случается такое, что казавшийся простым гражданин тоже может оказаться очень непрост. Тогда начинается цирк, вся страна с большим интересом следит за развитием событий: кто в конце концов пересилит и уроет оппонента? Потому как кто бы ни победил, проигравший все равно из них, элиты, а значит, чем хуже будет хоть одному из «хозяев жизни», тем приятнее смотреть на это народу.

— Да, — почесал затылок Саша, — неприглядная картина. Но ведь для существования такой власти нужна какая-то опора. Средний класс, причем довольно многочисленный и целиком обязанный своим безбедным существованием этой самой власти.

— Разумеется, он есть, и в немалых количествах. Чуть ли не треть Москвы сидит в построенных турками и таджиками офисах, подсчитывая на китайских компьютерах чьи-то прибыли от продажи российской нефти и газа или занимаясь чем-нибудь еще менее созидательным. А за свою лояльность эта прослойка имеет сравнительно дешевые кредиты на автомобили и жилье. Ну а что некоторых из них за недостаточную почтительность к власти имущим последнее время понемножку начали избивать прямо на улицах, это, конечно, неприятно. Но не более того, ибо каждый в глубине души считает, что он — это не всякие там некоторые, и всегда сможет избежать подобного. Кстати, у вас обед скоро совсем остынет. Я, конечно, понимаю, что затронутая тема вам очень интересна,

но ведь все равно ни за полчаса, ни за час ее не исчерпать. Поэтому ешьте, а потом съездим ко мне в гости, там я смогу не только продолжить свой рассказ, но показать весьма интересные иллюстрации к нему.

Пока Кобзев расправлялся с супом, я помаленьку предавался недостойному для настоящего канцлера великой империи занятию, то есть сидел и тихо завидовал. В восемьдесят девятом году я был старше своего гостя на девять лет и тоже не страдал хоть сколько-нибудь заметным доверием к Меченому и его клике. Но до столь точного анализа ситуации я тогда не дошел. Только в девяносто первом, перед самым путчем, начал продумывать варианты вроде тех, что сейчас услышал от этого парня, причем вариант победы «государственников» считал крайне маловероятным. Так что, когда Саша покончил с супом и о чем-то задумался, не прикасаясь ко второму, я его подбодрил:

— Хотите что-то спросить? Не стесняйтесь.

— Да, действительно хочу. Не знаете, что с моей матерью? И с отчимом, хотя вряд ли он дожил до две тысячи десятого года.

— Нет, не знаю, но могу узнать. Говорите фамилии, имена и отчества, ну и адрес на восемьдесят девятый год.

Гость продиктовал требуемое, причем адресов оказалось два.

— Отчим жил не с нами, — пояснил он, — они с матерью и поженились-то только в восемьдесят седьмом, а до этого просто... гм... встречались. Но давно, он где-то с первого класса заменил мне отца, которого я вообще не помню.

— Постойте-постойте, — напряг память я, глядя на имя и фамилию отчима, — а это не тот самый летчик-штурмовик, Герой Советского Союза и даже, кажется, член ЦК?

— Да, именно так, только не член, а кандидат. Кстати, данными для своего анализа я во многом обязан ему, да и с выводами он мне помог.

Моя зависть удовлетворенно вякнула: «Вот видишь, это он не сам, его приемный папа надоумил» и спряталась. Рекс укоризненно глянул на меня. Действительно, подумал я, мало, что ли, встречалось козлов с куда более крутыми родителями? Которые все равно так и оставались козлами, со временем только тупея. Так что парень молодец, это вне всякого сомнения.

— Вижу, у вас нет аппетита, — обратился я к нему, — тогда можете все это оставить, и поехали. В конце концов, если он вдруг прорежется чуть позже, у меня всегда найдется чего погрызть.

Мы вышли из гостиницы и погрузились в мою машину — обычный с виду руссо-балт «Престиж», то есть, по сути, ближайший аналог эмки. Таких машин уже довольно много ездило по Москве и Питеру, хотя,

конечно, встречались они не так часто, как шныряющие тут и там «чайки». Лаборант с некоторым недоумением вертел головой.

— Смотрите, где охрана? Да не волнуйтесь, есть она, есть, просто ее не видно. И машина хорошо бронирована, хоть это и не бросается в глаза, так что поехали.

Домашних я уже предупредил, что вернусь не один и встречать нас не надо, так что мы с лаборантом, оставив машину во внутреннем двореке, поднялись в мой кабинет, а Рекс убежал к Насте.

Мы общались с Кобзевым до часу ночи. Он быстро, почти мгновенно, освоил ноутбук и просмотрел мои подборки по истории начала двадцать первого века, потом заинтересовался, не будет ли с его стороны выходящей за что-нибудь наглостью спросить про способы нашего проникновения в тот мир. Я рассказал ему о внешних признаках портала, то есть что он представляет собой совмещение миров по произвольно выбранной плоскости и на какое-то время, а не мгновенный обмен кусками пространства, как это было в их с Кисиним случае. Про наш метод открывания порталов я, естественно, умолчал. Зато не стал скрывать закономерностей течения времени в обоих мирах.

Уже под самый конец беседы он задумчиво сказал:

— Вот что я подумал про ваш средний класс. Как вы его назвали, офисным планктоном? Так вот, сейчас, когда обстановка стабильна, он действительно является опорой власти. Но подсознательно чувствует при этом свое рабское положение, а это значит, что своих хозяев он ненавидит так, как только раб и может ненавидеть хозяина. И если появится кто-то, кто сможет гарантировать вашему планктону поддержание достигнутого уровня жизни или даже его повышение, то репрессии этого кого-то против прежней власти пройдут при полнейшей поддержке данной социальной группы. Крестьяне из какой-нибудь заброшенной деревни, может, и не будут требовать, чтобы нынешнюю элиту поголовно четвертовали на Красной площади вместе с семьями, а эти обязательно будут. Кстати, наверняка вы это давно подметили и даже сделали выводы. Не поделитесь, чем можно?

— Отчего же не поделиться. Наш анализ обстановки от вашего почти не отличается, а выводы... Самый главный прост. На хрена нам с его величеством становиться новыми хозяевами тех, кто уже смирился со своим рабским положением и даже находит в нем какие-то прелести? А вот насколько эта ситуация необратима, мы пока не выяснили, хотя и предпринимаем серьезные усилия в данном направлении.

Перед прощанием я совсем было собрался позвонить в гараж, чтобы

Сашу подбросили до дому, но он сказал:

— Да тут всего ничего идти, ночь теплая, пройдуся, заодно и мысли маленько устаканятся. Как здесь у вас со шпаной и прочими бандитами?

— Вы что, хотите, чтобы я их прямо под окнами своей московской резиденции разводил? Давно тут уже нет ничего подобного. За шпаной вам придется ехать в Марьину Рощу или на Мещанские улицы. Кстати, чуть не забыл. Вот регистрационное свидетельство на тот ПФ, что вы утащили из самолета, и два магазина к нему, а то в ваших небось уже пружины ослабли. Завтра обратитесь к Марине, она вам подскажет, где и как получить паспорт. Кстати, и бумажку свою комиссарскую ей отдайте, вам она больше ни к чему. Кисина тоже можете на буксире прихватить, только не говорите ему, что это за взятку, а то сдуру сам при случае кому-нибудь попытается дать, а это у нас чревато.

— Что, совсем нигде не берут никаких взяток?

— Мелких, на бытовом уровне — почти нет. Загреметь-то за них можно все равно очень серьезно. А вот в особо крупных размерах нет-нет да и хапнут, но такое гораздо проще отслеживать. Так что можете сказать чистую правду — что вашим виртуозным ремонтом магнитофона восхитился некий чин, например, недавно останавливавшийся в «Октябрьской» товарищ премьера Гурко, и дал команду помочь вам с документами.

— Простите, — усмехнулся Саша, — но чем это принципиально отличается от коррупции? Этот ваш Гурко якобы приказал кому-то помочь мне с паспортом в благодарность за мою хорошую работу, которая ему понравилась. То есть оказал мне протекцию за свое удовольствие.

— Нет, он просто отметил чью-то, в данном случае вашу, высокую квалификацию и помог вам в преодолении чисто бюрократических трудностей. Такая инициатива вполне допустима и даже приветствуется. Хотя, конечно, в каждом конкретном деле могут быть свои тонкости, но именно поэтому у нас и есть институт комиссаров. Пока ситуация штатная, чиновниками обычно занимаются императорские, а мои подключаются только в случае оправданных подозрений на серьезный криминал.

Лаборант ушел, имея в виду, что через пару недель ему, как хорошо зарекомендовавшему себя специалисту, придет предложение о работе из питерского института связи. Кисину же предстояло остаться в Москве одному — небось теперь и без няньки обойдется. Тем более что за ним все равно присмотрят, ибо гостиница «Октябрьская» по сути представляла собой филиал Георгиевской спецшколы ДОМа. Надо же будущим звездам провокаций, шпионажа и сыска на чем-нибудь тренироваться, вот в числе

прочего пусть понаблюдают и за бывшим парткомовцем.

Ну а мне остался всего один день в Москве, в который следовало выполнить обещанное дочке — то есть погонять с ней на кроссовых мотоциклах по Нескучному саду, причем, как она меня просила, не поддаваясь ей больше чем наполовину. Я, правда, не очень понял, что это значит, но мои сомнения означали лишь одно: папа будет прав в любом случае. Ибо если дочь начнет выражать неудовольствие, напомню ей, что она не уточнила, насколько точно исполнитель, то есть я, понял ее инструкции. А в таком случае в их нарушении виноват нерадивый начальник. Причем если он является не простой чиновной мелочью, а будущей ирландской королевой, то его вина от этого только становится более очевидной.

ГЛАВА 6

Надо сказать, что ни наши агенты, работающие в двадцать первом веке, ни аналитики, систематизирующие их донесения, ни мы с величеством не считали ситуацию там столь безрадостной, как я ее обрисовал Кобзеву. Во-первых, и среди власть имущих не все были козлами, упивающимися любой возможностью продемонстрировать свою крутость перед быдлом. Просто в силу своей сущности подобные сразу бросались в глаза. Так уж устроено человеческое восприятие. Представьте себе небольшую толпу, человек в десять, перед которой прыгают и выделываются два представителя семейства полорогих отряда парнокопытных. Что вы потом расскажете об этой картине? Думаю, большинство ограничится констатацией «ну и козлы!». Немногие педанты уточнят про наличие там еще и людей. Потому как люди заняты более важным делом, чем тупое самоутверждение за счет окружающих, и не стараются специально привлечь к себе внимание. Они вдумчиво делят откаты.

Кроме того, и реакция той части народа, которой сложившаяся ситуация активно не нравилась, тоже помаленьку менялась. Еще несколько лет назад основная часть недовольных просто и незатейливо сваливала за рубеж, то теперь начали проявляться и настроения как-то бороться за улучшение жизни и здесь. Впрочем, отчасти это было связано с тем, что последнее время тот самый зарубеж начал терять свою привлекательность — больно уж много стараниями тамошних властей в нем развелось всяких арабско-турецких иммигрантов, своих «афроамериканских» люмпенов и просто пидоров всех мастей. Причем все это происходило на фоне усиления маразма, который по неясным причинам почему-то называли политкорректностью. Одно только вымарывание слова «негр» из книг Марка Твена чего стоит! Честное слово, я не удивлюсь, если бывшего терминатора, а ныне губернатора Калифорнии заставят сменить фамилию на «Шварцафроамериканер».

Однако стратегическая линия нашей политики в отношении с тем миром пока еще не была до конца определена. Для ее выработки нам требовалась достоверная информация, если и не с самых верхов, то по возможности из близких к ним кругов. И я в ближайшее время собирался представить на утверждение величеству план, когда работающие там наши специалисты станут жертвами неспровоцированной агрессии. Естественно,

охраняющие их девушки такого не потерпят и проявивший ее окажется у нас. Где «среди него», понятное дело, тут же проведут серьезную воспитательную работу, на время которой мы воздержимся от открытия порталов. Господа Ли утверждали, что в самом сложном случае им потребуется не больше десяти дней, но я еще в молодости твердо усвоил правило, согласно которому для успешной реализации пусть даже самого продуманного плана потребуется в пи раз больше времени, чем это предполагалось поначалу. Так что через месяц с хвостиком по нашему времени и через сколько-то там миллисекунд по ихнему объект будет возвращен, а Гоша в случае каких-либо вопросов выразит умеренное недоумение: мол, чего это ваши засранцы ни с того ни с сего наезжают на наших людей? Мы, скажет он, им даже немножко объяснили про то, как это нехорошо, вы уж извините.

Однако имелась определенная надежда, что это дело можно будет повернуть и незаметно для властей, но для успешной реализации задуманного требовались две вещи. Первая — правильный выбор объекта, то есть он должен быть сволочью. И, так сказать, безупречная стихийность последовавшего за этим выбором действия. Я уже оценил предварительный план Танечкиных девочек, понаблюдал за натурными репетициями и пришел к выводу, что все вполне может получиться. И уж не так, как у спецслужб того мира! Нет, наверное, в каких-то случаях они наверняка что-то проворачивали, и хорошо. Но далеко не всегда — типичный пример произошел совсем недавно. Молодежь как-то раз собралась возмутиться выходящей за всякие рамки продажностью милицейских чинов, и было принято решение выдать это дело за выступление нацистов. Но чин, которому все было поручено, даже не стал напрягать мозги, и в результате лица, громче всех кричавшие «Хайль», призывавшие перебить всех нерусских и лезшие под объективы прессы со вскинутой в фашистском приветствии рукой, вскоре были опознаны как сотрудники чина-халтурщика, а самый главный и вовсе оказался его племянником. Да если бы у нас не то что ДОМ или шестой отдел (про это и разговора быть не может), но даже полиция ухитрилась провести какую-нибудь операцию столь халтурно, то я, пожалуй, так сразу не взялся бы предсказать судьбу виновных. Ясно одно — она была бы крайне незавидной и весьма поучительной.

Ну а в планируемом случае ситуация должна была развиваться следующим образом. С Никоновым уже согласовано, что мы приглашаем к себе одну пенсионерку с мужем. Не совсем простую, естественно, а доктора биологических наук, специалиста по генной инженерии. И по

дороге от их квартиры до нашего посольства на Даниловской случатся сразу две неприятности. Во-первых, мужу станет плохо. Во-вторых, именно в этот момент произойдет небольшое ДТП, которое отсечет машину сопровождения, приставленную к нашим никоновской конторой. Тем временем «жигуль» с потерявшим сознание мужем резко свернет на единственное место, где тут можно припарковаться, а это будет стоянка перед рестораном, куда по вечерам любит заезжать выбранный нами чиновник. Естественно, единственное свободное место держат для него, «жигуль» влетит туда буквально перед носом правительственной БМВ, и водитель начнет оказывать первую помощь мужу пенсионерки. Понятно, что ресторанный персонал попытается как-то это дело пресечь, но его мягко и незаметно придержат. Тогда в дело вступит охрана приехавшей поужинать шишки, ну а дальнейшее — это уже чисто технический вопрос. А для уточнения отдельных его деталей и придания тренировкам большей натуральности недавно через Никонова нами был куплен БМВ. Петр Сергеевич даже несколько удивился — неужели у нас началось что-то вроде либерализации и кому-то из высшего чиновничества будет позволено ездить на такой машине? — но мне пришлось его разочаровать.

— Нет, — объяснил я, — у нас в этом отношении все по-прежнему, то есть использование государственными служащими иномарок рассматривается как преднамеренное оскорбление державы. А этот бумер предназначен моей жене. Ведь она у меня недавно устроилась работать ирландской королевой, и вот там езда на российском авто не очень оправдана в политическом плане. Незачем давать пищу для измышлений всяким демагогам, что-то вякающим о якобы имеющей место зависимости недавно завоевавшей себе свободу страны от России.

Разумеется, я говорил чистую правду — впрочем, как и практически всегда. Только умолчал о том, что до отправки в Ирландию эта машина послужит объектом для тренировок по быстрому и незаметному прицеплению к ней крюка с тросом, другой конец которого будет привязан к танку «крыса». Но оправданием мне может служить простой факт: о таких подробностях Никонов меня и не спрашивал.

Так вот, пока я занимался всей этой тихой административной деятельностью, а приехавший в Гатчину Кобзев уже начал работы по восстановлению вывезенной из забайкальской тайги установки, оставшийся в Москве Кисин явно решил, что период его адаптации в новом мире завершен, пора выходить, так сказать, на большую дорогу. И вступил в партию анархо-коммунистов, то есть кропоткинцев, ячейка которой имела и на Метрострое.

Все рождественские каникулы Виктор Иванович готовился к общемосковской конференции анархистов, которая должна была состояться в середине января. Подготовка проходила в муках. Во-первых, у Кисина практически не было никаких материалов. Ни решений вышестоящих органов, ни разъясняющей бумаги из райкома, что всегда приходила перед каждой дискуссией в том мире. Даже полного собрания сочинений отца-основателя, то есть Кропоткина, и то не имелось! Откуда брать цитаты? Наличествовали только три статьи на русском языке и одна на французском, толку от которой — как с козла молока. Ибо единственная фраза, которую Виктор Иванович мог хоть как-то произнести на языке Бальзака, представляла собой «месье, же не манж па сис жур». Потому как в том мире у Кисина имелся видеомагнитофон и в числе прочих наличествовала кассета с «Двенадцатью стульями».

Кроме того, сильно мешало слабое знание сложившейся в этом мире ситуации. Даже то, что здесь, оказывается, по результатам мировой войны образовалась Вторая Парижская коммуна, руководимая социал-демократами и анархистами, он узнал совсем недавно. И, откровенно говоря, случайно. Но главное отличие здешней ситуации от знакомой ему по курсу истории КПСС он понял быстро. Жестокий террор властей привел к тому, что большевики были частично уничтожены, а оставшиеся запятали себя соглашательством! И петербургская организация РСДРП, руководимая Зиновьевым, объявила, что пролетарская революция — дело очень далекого будущего, которым в лучшем случае займутся наши внуки, а сейчас требуется лишь работа по созданию предварительных условий для начала подготовки к первому этапу продвижения к ней. Не зря, ох не зря Ленин в семнадцатом году назвал его политической проституткой! Или это он Троцкого? Впрочем, неважно, Троцкий тут уже двенадцатый год как покойник. Да и сам Ильич... Анархисты были уверены, что весь женеvский ЦК РСДРП работает под контролем канцлерских спецслужб. И в России остались всего две партии, нашедшие в себе силы продолжать борьбу в условиях жесточайшей реакции: анархисты и правые эсеры. Но последние по самой своей сути являются оппортунистами, а анархо-коммунисты, как смутно припоминал Кисин, одно время были ближайшими соратниками большевиков. Недаром в честь Кропоткина названа станция метро в самом центре Москвы. И раз получилось так, что знамя борьбы за интересы рабочего класса выпало из ослабевших рук большевиков, его должны подхватить другие прогрессивные силы. Например, анархисты.

Итак, начал свой анализ Кисин, в чем сейчас главное препятствие на

пути рабочего движения? В его разобщенности! Даже московские анархисты и те делятся на анархо-коммунистов и анархо-коллективистов. Причем если про первых Виктор Иванович что-то слышал и раньше, то о существовании вторых узнал только здесь. А в основном он учил про каких-то совсем других... как же их там... ага, анархо-синдикалисты. Кажется, они появились позднее или по крайней мере вошли в силу только перед самым Октябрем. Именно они стали союзниками большевиков на первом этапе революционных преобразований.

Кисин встал и в волнении прошелся по комнате. Кропоткинцы и коллективисты не хотят объединяться, потому что у каждой группы уже сложилась своя организация, и никто не хочет вливаться в чужую партию. Но если им предложить объединение на какой-то третьей платформе, то ведь это может и выгореть!

Кисин снова сел и начал записывать свои озарения. Значит, ближайшими задачами является усиление агитации среди рабочих, для чего кропоткинцы и коллективисты должны объединиться на платформе анархо-синдикализма, после чего начать планомерную работу по резкому усилению своего влияния в профсоюзах.

Прочитав написанное, Виктор Иванович удовлетворенно хмыкнул — с его точки зрения, получилось очень неплохо. И теперь до конференции оставалось сделать всего одно небольшое дело, а именно: попытаться узнать, что же такое представляет из себя этот самый анархо-синдикализм.

Пока Кисин воспарял мыслью в теоретические высоты анархистского движения, ДОМ потихоньку провел операцию «Гость». Можно сказать, что она прошла близко к запланированному, хотя пару раз от ее участников и потребовались небольшие импровизации.

Еще на стадии тренировок «жигули» были заменены «Окой» — естественно, эрэфовской, а не нашей. Так вот, пробки на маршруте в этот день несколько превышали средний уровень, так что «лексус» сопровождения с трудом успевал за юркой машинкой. На Ленинском проспекте «Ока» просочилась к очередному светофору в междурядье, на манер мотоцикла, а сопровождающие решили объехать это место по резервной полосе. Где вмазались в спешащий куда-то «мерс» с мигалкой, недостатка которых на Ленинском не ощущалось никогда. Интересно, кто в конце концов окажется круче: никоновские ребята или неведомый мигалковладелец? То есть ДТП прекрасно устроилось и без нас. Но способствовавшая ему ситуация, то есть плотность движения, заметно превышающая обычную для этого места и времени, привела к тому, что

«Ока» с пассажирами явно опаздывала к точке randevu у ресторана. Однако она не стала спешить и рисковать, а тихо свернула куда-то в Донские переулки и там затерялась. Потому что, разумеется, при планировании был предусмотрен и такой случай.

Здесь, пожалуй, не помешает небольшое отступление. Еще будучи простым инженером Найденовым при его высочестве цесаревиче Георгии, я не раз напоминал Танечке и тогдашнему главе шестого отдела Бене простую вещь: пусть уж лучше операция обойдется в десять раз дороже, чем получится в два раза хуже! Разумеется, такая политика возможна только в том случае, если есть близкая к полной уверенность, что дополнительные деньги не будут разворованы. Но на это я тоже с самого начала обращал самое пристальное внимание, так что тут особо волноваться не стоило.

Так вот, в силу вышеприведенных соображений точно в назначенный срок из переулка в двухстах метрах от ресторана вырулила «Ока», неотличимая от той, которую сопровождали никоновские сотрудники, с пятнами ржавчины в тех же самых местах и с той же самой супружеской парой внутри.

Само собой, мы не собирались подвергать доверившихся нам пожилых людей всяким опасностям, тем более что их и не учили на Джеймсов Бондов. Просто заранее подобрали две пары гораздо более молодых и тренированных сотрудников, а остальное сделали гримеры. Разумеется, сходство получилось не абсолютным, но таковое и не требовалось. Супруги же были заранее перемещены в наш мир через портал прямо на стене их кухни.

А тем временем к ресторану, кроме «Оки»-дубль и БМВ с объектом, приближались еще и трое мальчишек лет двенадцати на вид, которые на ходу с хохотом перебрасывались снежками. Ну дети же, что с них взять, в кои-то веки раз вырвались поиграть, порядки-то в Георгиевской спецшколе ДОМа весьма суровые... Так что не было ничего удивительного в том, что за секунду до резкого поворота «Оки» на пустое стояночное место снежок, брошенный одним из пацанов, залепил камеру видеонаблюдения. Вторую они решили не трогать, потому как рядом стоял «Шевроле Тахо», удачно перекрывший ей обзор в нужном направлении.

Бабульку, которая с интересом смотрела за развитием событий на стоянке, вдруг кто-то слегка толкнул. Она обернулась и на мгновение потеряла дар речи от возмущения — две размалеванные молоденькие девицы, размахивая руками, громко и нецензурно обсуждали длину и толщину полового члена какого-то Махмуда. Но через пару секунд дар речи

к бабке вернулся, причем в совершенно неумеренных количествах, и как минимум минуту несколько прохожих с большим интересом слушали ее комментарии о моральном облике современной молодежи, более ни на что внимания не обращая. Впрочем, одна скромно одетая дама отвернулась, видимо, такая картина ей показалась неприятной. Еще чуть-чуть, и она увидела бы самый момент исчезновения БМВ, но тут за ее спиной раздался приятный мужской голос:

— Красавица, у вас из сумочки мобильник выпал. Возьмите, зачем ему в снегу-то валяться.

Некоторое время дама тупо глядела на свой мобильник и расстегнутую сумочку, которую — она это хорошо помнила — совершенно точно застегнула пять минут назад, выходя из троллейбуса. Потом подняла глаза, но галантный незнакомец уже исчез.

Пассажир подъехавшей к ресторану БМВ с недовольством глянул на раскорячившуюся прямо поперек его места стоянки грязную «Оку».

— Совсем обнаглели! — буркнул водитель, к «Оке» уже подбежали охранники. Но тут...

Пассажир зажмурился от вспыхнувшего на месте «Оки» ослепительного света, а его машина вдруг двинулась вперед. Сбоку послышался растерянный мат обычно сдержанного водителя, и открывший глаза пассажир с удивлением обнаружил, что обстановка вокруг машины радикально изменилась. За окнами был не московский вечер, а темная ночь. БМВ стояла на какой-то заснеженной площадке, освещенной яркими лучами прожекторов. К ней уже бежали автоматчики в незнакомой форме, а танк, неизвестно откуда появившийся метрах в пяти спереди, разворачивал башню пушкой назад.

Один из подбежавших вежливо постучал стволom в стекло, и чей-то усиленный мощными динамиками голос сообщил:

— Господа, вылезайте, вы уже приехали. Да побыстрее, пожалуйста, а то ведь мы можем и помочь.

Сообщив бесстыжим девкам все, что она думает о них самих и их родителях, бабка снова повернулась к стоянке. Но там все было уже на редкость благопристойно: «Ока» исчезла, лимузин и мини-вэн охраны чинно стояли рядом. Правда, это только для бабки минуло всего три минуты с начала истории. Для пассажира БМВ, его водителя и троих охранников прошло шестнадцать суток.

Пассажир озираясь, не в силах поверить, что этот бесконечный кошмар, длившийся днями и ночами последние две недели, наконец-то кончился.

— Домой, — выдохнул он, повернувшись к водителю.

— Нет, — покачал головой тот, — извините, но ОНИ велели вам идти и ужинать, как будто ничего не случилось.

Пассажира передернуло. Да уж, ЭТИ, если захотят, теперь достанут его где угодно. И снова будет подвал с жуткими китайцами, которые в перерывах между его мучениями лениво рассказывали, что сейчас-то происходит всего лишь легкая разминка, а вот если господин удосужится попасть к ним по новой...

С трудом подавив возникший в горле спазм, пассажир обреченно потянулся к ручке двери.

ГЛАВА 7

Закрыв портал за гостем из двадцать первого века с его лимузином, мы с его величеством облегченно вздохнули.

— Вроде все прошло чисто, — полуутвердительно заметил мне Гоша.

— Да, мне тоже так показалось, но точно можно будет сказать чуть позднее.

— А не слишком ли твои господа Ли его замордовали, в глаза изменения характера не бросятся?

— Специально старались, чтобы клиент не поимел особых сдвигов в психике. Хотя чему там сдвигаться, мне не очень понятно. И откуда в их Думу таких набирают — тоже. Ему перед первым допросом чисто для профилактики пару раз оформили в рыло, так это чмо натурально расплакалось! Младший Ли даже малость растерялся. Он сейчас диплом пишет про фармакологические усилители болевых ощущений, хотел что-то попробовать, а тут такой облом. Какие там усилители, когда этот хмырь от одного вида простых пассатижей в обморок падает! В общем, самая страшная мука, которую ему довелось перенести у нас в гостях, представляла собой зашивание контейнера в ягодичную мышцу — ясное дело, без наркоза.

— Ты что, капешку ему туда засунул? — удивился император.

Смысл удивления Гоши был в том, что мы с ним не так давно научились открывать порталы из кубиков с одной прозрачной гранью. То есть внутренность этого кубика нам была хорошо известна, и от наших агентов требовалось только доставить его в выбранную для открытия портала точку того мира. Открыв портал внутрь кубика, мы через стеклянную грань могли видеть место, которое оказалось перед ней, и открывать портал уже туда. Это было менее удобно, чем в стационарные точки вроде коттеджа на Торбеевом или посольства на Даниловской, ведь приходилось открывать два портала подряд. Но зато теперь мы могли сделать это в любое место, где окажется наш кубик. Назывался он «контейнер портала», или по-простому «капешка». Но эти контейнеры имели ребро в семь сантиметров, при меньших размерах с открытием портала у нас пока не очень получалось. Вот величество и удивилось, как это мои спецы ухитрились снабдить гостя столь немалым довеском к организму.

— Нет, — вынужден был я разочаровать своего сюзерена, — не

капешку, просто капсулу чуть меньше перепелиного яйца. Но зато работы самого Фаберже! Там, кажется, изображен Моисей на горе Синай. А может, и кто-то еще на другой горе, не разглядел, больно уж картинка мелкая. Но он-то не знает, что портал оттуда не устроишь! И думает, что это как раз очень даже можно.

— А почему именно Фаберже и при чем тут Моисей?

— На случай, если нашего гостя там все-таки расколют. Тогда вырежут у него из зада эту вещицу и начнут чесать репу. Такое яичко с библейской картинкой хорошо согласуется с нашими монахами, всякий раз читающими молебны об открытии портала. Кроме того, внутри этого яйца лежит свиток из тончайшей китайской бумаги, на котором тушью нанесены древние ведические руны.

— Сам их сочинял? — усмехнулось величество.

— А как же, чуть ли не десять минут подряд напрягал художественное воображение. Красивые руны получились, с завитушками и прочими украшениями, пусть расшифровывают на здоровье. Кроме того, есть надежда, что подобная вещица, став известной тамошнему руководству, поспособствует созданию новой традиции. Согласно которой каждый чиновник перед визитом, скажем, к президенту должен будет приспустить штаны и показать охране свою задницу на предмет отсутствия швов и шрамов. Мало ли, запустишь такого в святая святых, а у него из этого места как полезут наши десантники в полной экипировке! В общем, пусть поразмышляют на подобные темы, если все-таки прознают о приключениях наших дорогих гостей.

— Ладно, — кивнул Гоша, — пусть и не в зад, но капешку-то он с собой захватил?

— Разумеется, она в портфеле. Вернется домой, протопчет стационарный проход в его кабинет. А потом — в рабочий, который в Думе, тоже пригодится. Скоро у тебя ужин накроют? А то я что-то малость подустал с этими открытиями, хотел сегодня вернуться к себе пораньше и завалиться спать не позже двенадцати.

В Гатчине меня ждал свежий доклад о последних свершениях Клейна, но я даже не стал его читать, а просто уточнил у референта, не собирается ли этот кандидат в вожди на днях устраивать пролетарскую революцию. Ответ был отрицательным, и я со спокойной совестью отправился спать. Завтра почитаю про его новые подвиги, причем не с утра, а попозже, сегодня и так день получился достаточно тяжелым.

Утром я на свежую голову просмотрел материалы по операции «Гость». Начал с резюме юридической группы, где она подробно разобрала

все нюансы проведенной операции и вынесла вердикт — нарушений буквы наших договоренностей с РФ в процессе нее допущено не было. Далее шло приложение с детализировкой пары способных вызвать сомнение эпизодов, которое я пока отложил.

Некоторые, конечно, могут удивиться. Мол, еще в процессе первой встречи на высшем уровне был подписан документ, где четко говорилось, что перемещения через порталы, образованные на территориях стран-подписантов, людей или материальных объектов допускается только с взаимного согласия сторон!

Так вот, уже через месяц после этого Российская империя на всякий случай подарила Израилю кусочек своей территории в Гатчине, бумагу о чем Немнихер подписал без лишних вопросов. А ведь видно было, как ему хочется намекнуть, что подобную сговорчивость можно и малость простимулировать! Но, видимо, Арон Самуилович решил, что намек канцлеру на подобное, когда тебе что-то и так дают, может быть неправильно понято, и превозмог себя. Я был так растроган, что при нем позвонил Маше и попросил в чем-нибудь немножко помочь столь приятному в общении человеку. И отправился на этот кусок, где вскоре образовался наш полигон по порталам. Потому как по букве соглашения выходило, что эти требования распространяются только на те порталы, у которых с обеих сторон территория стран-участниц.

Кроме того, само понятие «обоюдное согласие» можно трактовать достаточно широко, чем обе стороны и занялись сразу после подписания генерального соглашения, наплодив кучу уточняющих документов. Причем, что интересно, инициатива шла с обеих сторон. Так, Никонов выторговал для РФ право отправлять с острова в Аральском море контейнеры, которые не будут подвергаться нашему досмотру. Мы согласились, но в ответ попросили о встречной уступке, предварив свою просьбу маленьким спектаклем.

Помните, как в наш мир попал ошалевший от восхищения Гердой Паульсен молодой писатель? Я еще попросил его под видом фантастики создать эпическое полотно про наш мир. Так вот, видимо, желая доказать любимой, что и он чего-то стоит, писатель явился ко мне на прием и заявил, что для должного погружения в тему ему просто необходимо поучаствовать в реальных операциях. Я согласился, правда, предложив ему сначала пройти хотя бы минимальную подготовку.

Через два месяца, окончив ускоренные курсы самообороны и научившись с грехом пополам стрелять из ПФ, сочинитель опусов про котов почувствовал себя круче Брюса Уиллиса и заявил, что он готов к

свершениям, кои не замедлили последовать.

Писатель был родом из одного заштатного райцентра Владимирской области. Правда, ни родственников, ни знакомых у него там почти не осталось, но в позапрошлом году он все же съездил туда посмотреть на места, где прошло его детство. И на следующий же день вернулся, потому как в поселке всем заправляла банда, иначе не скажешь, намертво сросшаяся с местной властью. Но теперь вновь настала пора посетить могилу бабушки, причем на сей раз в компании невесты.

На стадии подготовки операции эта невеста, то есть Герда, буквально задолбала группу прикрытия придирками абсолютно к любой мелочи. На ехидный вопрос, почему раньше она не отличалась такой щепетильностью, невеста невозмутимо отвечала, что тогда речь шла об обеспечении личной безопасности ее и подруг, которые в случае нештатного развития ситуации могли прекрасно сами о себе позаботиться. А сейчас объект специфический, напоминала Герда, и продолжала гонять группу.

И вот молодая пара приехала в поселок с вечерним поездом. Как-то так уж получилось, что девушка понравилась двум местным, так сказать, вершителям судеб, и ее, никого не стесняясь, потащили в машину.

Однажды я случайно посмотрел видеозапись, где хомячок нападал на людей. Черт его знает, то ли у него где-то рядом была норка и он защищал своих детей, то ли просто скушал какой-то травки, но это надо было видеть. Как он отважно растопыривал лапки! С каким грозным писком этот пушистик бросался на врага!

Так вот, писатель мгновенно забыл даже то небольшое, что кое-как усвоил на занятиях, и очертя голову бросился защищать любимую, бестолково размахивая кулаками. Поначалу от него просто отмахнулись, но он вскочил и, не обращая внимания на кровь, струившуюся из разбитого носа, снова бросился в бой. Тут ему выдали уже всерьез, но он снова смог подняться и, шатаясь, сделал шаг в сторону машины.

Здесь Герда решила, что пора переходить к завершающей фазе операции. Со стороны это выглядело так, будто затаскиваемая в машину девушка вдруг смогла вырваться и отбежать за ближайший угол, но там споткнулась. Естественно, нападавшие кинулись за ней и в запале не обратили внимания, что место, где споткнулась девушка, выглядит как-то необычно. То есть мы сделали его очень похожим, время-то у нас было, но сходство, разумеется, получилось не идеальным. Несколько секунд Герда с жалобными криками безуспешно отбивалась от насильников уже по нашу сторону портала, потом ей подали знак, что видеозапись сделана, и она двумя экономными ударами вырубил козлов.

Через два часа у меня в кабинете уже ерзал на стуле сверхсрочно вызванный с Селигера Никонов, которому я вручил ноту о беспримерном по своей наглости нападении на подданную Российской империи и попытке изнасилования, совершенной уже на нашей территории. Показал видео и свой указ о принятии этого дела в особое производство седьмым отделом. Потом познакомил Петра Сергеевича со стенограммами допросов и потребовал если не выдать, то не препятствовать перемещению в наш мир тамошнего райотдела милиции в полном составе, ибо из показаний виновных ясно следовало, что все безобразия в райцентре происходили с их корыстного попустительства, а иногда и при прямом участии. Поскольку по законам Российской империи они являются соучастниками и должны именно по этим законам ответить за деяния, приведшие к нападению на подданную империи. А параллельно мы поинтересуемся, кому они отстегивали наверх за крышевание. Потом повторим то же самое уже с новыми подозреваемыми, и так до самого конца порочной цепочки. Никонов приувыл, он ясно представлял, где она может кончиться, и сказал, что ему надо посоветоваться с руководством. Причем он отнесся к моим претензиям достаточно серьезно, ибо уже имел представление о том, как Российская империя поступает с совершившими преступления в отношении ее подданных, где бы преступники ни находились.

Писателя, когда он подлечил перелом носа, ключицы и сотрясение мозга, наградили почетной грамотой от ДОМа и именным оружием — ПФ с моей личной дарственной надписью. Видео его подвига потом использовалось как пособие в спецшколе на занятиях по изобразительному искусству, где курсанты постигали нелегкое искусство изображать из себя простого лоха. Герда же совершила поступок, узнав о котором, я искренне порадовался за девушку. Кажется, ее чувство к писателю тоже стало достаточно серьезным. Полевые агенты обычно относились к господам Ли не очень приязненно, хоть и отлично понимали всю необходимость их неблагодарного труда, и Герда не была исключением. Так вот, она явилась к Ли-старшему и поделилась с ним своими личными наработками из области экстренного потрошения. После чего попросила, если ее скромные находки покажутся господину Ли интересными, применить их к гадам, посмевающим побить ее парня. Ли поблагодарил и заверил, что госпожа Герда может не волноваться, все будет исполнено в лучшем виде.

Ну, а мне пришлось удовлетвориться тем, что с крышевавшими бандитов ментами разберется эрэфовское правосудие, — Никонов пообещал, что в данном случае оно будет работать без оглядки на высоких покровителей, даже если они есть. Как говорится, свежо предание, но нам

оно было в общем-то без разницы. Зато в документах о портале появилась статья, где допускалось несогласованное его открытие в качестве средства самообороны. В случаях, угрожающих жизни, здоровью либо чести наших людей. С последующим извещением о них противоположной стороны.

Так вот, бумага о том, что на нашего человека неустановленными лицами было совершено нападение из хулиганских побуждений, уже имелась, я подписал ее и положил в папку для отправки в Вольфшанце, где именно на такой случай безвылазно сидел никоновский сотрудник. Никакой лжи в ней не содержалось, ибо среди множества вопросов, заданных нашему гостю, не было ни одного о том, как его, скота, зовут и где он, гад, работает. Кроме того, точно такая же бумага уже приходила по тому же адресу десять дней назад. Тогда один Танечкин агент, обладавший ярко выраженной кавказской внешностью, имел неосторожность повстречаться с группой, выражаясь официальным языком, националистически настроенной молодежи. На самом деле парни просто были возмущены засильем кавказцев в их районе, причем при явном попустительстве властей, ну и не сдержались. Взяли их аккуратно, так, что они ничего и не поняли, накормили лучшим обедом, который только смогли приготовить мои повара, от души напоили фишмановкой, дали каждому по сто тысяч рублей и с напутствием: «Молодцы, ребята» выпроводили обратно в двадцать первый век. А никоновскому сотруднику тут же пришла бумага вышеприведенного содержания.

Так что пускай ищут, где там у них опять случилось нечто подобное. В конце концов, нам недолго и еще раз повторить, если не найдут.

Отложив бумаги, я задумался о текущем состоянии наших отношений с Федерацией. Еще раз, хоть это и проигрывалось со всех сторон в процессе подготовки операции. Насколько для наших партнеров окажется критичной эта ситуевина, даже если они и разберутся, что на самом деле произошло с господином депутатом? Пожалуй, что не очень. Два месяца назад в разговоре с Никоновым я обмолвился, что недавно вернулся из Китая. Это было чистой правдой, с тем китайцем, которого на нас вывел Андрей, мы уже провернули несколько весьма выгодных для него сделок, и теперь сарай при его доме был моим оперативным складом, ну и местом стационарного открытия портала заодно. От этой новости Петру Сергеевичу даже слегка поплохело. Все правильно, ведь самым большим геморроем для тамошних властей являлись вовсе не мои агенты, что бы они там ни вытворяли. Кстати, никаких особых безобразий пока и не было. Но если вдруг я вздумаю выйти на руководство Китая и предложить ему полигон, где время течет в тридцать или даже в пятьдесят раз быстрее, то

дальнейшее представить себе нетрудно. Элите придется в темпе паковать чемоданы и бежать куда угодно, потому что через несколько лет Россия станет еще одной провинцией Китая, и вряд ли новые хозяева оставят старых не то что у власти, а даже на свободе. Так что ссориться с нами им было совершенно не с руки.

Играло роль и то, что противоположная сторона могла доверять наблюдение за нашими людьми весьма ограниченному количеству сотрудников, ибо в такую тайну, как существование портала, можно было посвятить немногих. Мы же при необходимости имели возможность задействовать весьма значительные силы, потому как что случается с болтунами — у нас понимали все. Но и положительная мотивация у наших сотрудников была куда сильнее, чем у Федерации! Они чувствовали за собой мощь огромной империи и знали, что та никогда от них не только не откажется (это вообще невероятно), но и не бросит в беде. И дело тут не в том, что мы с Гошей оказались такими уж высокоморальными. Просто мы понимали, что доверие исполнителей стоит гораздо больше любых сиюминутных политических выгод. И это доверие у нас было.

Возьмем, например, ситуацию с только что гостившим у нас депутатом. Хотя он и оказался полным слизняком, но наверняка вел бы себя достойней, если бы был уверен, что Россия предпримет хоть какие-нибудь серьезные шаги для его защиты. Но он знал, что, если руководству это покажется выгодным, его сдадут без малейших колебаний. Увидев фото, где мы сидим за столом с их премьером, он сломался окончательно. Окажись в аналогичной ситуации наш комиссар, он был бы твердо уверен в обратном, причем совершенно оправданно.

Кроме вышеперечисленного определенный интерес представляла и позиция самого Никонова. Ведь кем он был всего полгода назад по их времени? Обычным замзамычем уровня чуть выше среднего. А теперь он ближайший доверенный сподвижник второго лица в государстве, причем такого, которое многие вполне оправданно считают первым! И это будет продолжаться, пока наши отношения нормальны. Стоит им прерваться или даже перейти во вражду, кем мгновенно станет некто Петр Сергеевич Никонов? Хорошо если просто никем, а не покойником, хотя и такое нельзя исключать.

Так что Никонов был кровно заинтересован в продолжении нашего сотрудничества, и, по косвенным данным, уже подумывал, где бы это в целях его расширения найти общего для обеих сторон врага.

ГЛАВА 8

После обеда дошло время и до обзора деятельности Кисина. Надо же, подумал я, быстро просмотрев три страницы отчета. Дурак-то он, конечно, дурак. Но ведь говорит же иногда умные вещи! Интересно, у него это случилось непроизвольно или таки началась активизация мозговой деятельности в связи с резко изменившейся обстановкой?

Выступление Виктора Ивановича про объединение на платформе синдикализма было раскритиковано в пух и прах, но он тут же родил еще одну идею, и эта оказалась принята куда более благосклонно. Суть ее составляло утверждение, что в связи с только что вступившим в силу законом «О лоббировании» Государственная Дума стала просто идеальной площадкой для партийной агитации. И дальше он объяснил почему.

На время мировой войны деятельность этого органа народовластия была приостановлена, но после ее окончания снова возобновилась. Правда, поначалу депутаты пребывали в сильном беспокойстве из-за только что созданного Конституционного суда с сажательными функциями. Мол, примешь чего-нибудь не того, и здравствуй, сказочная река Виллой, где на рытье алмазных котлованов всегда ощущается нехватка рабочих рук. Однако время шло, в числе прочих принимались и сомнительные в смысле соответствия конституции правовые акты, а пару раз так и прямо ей противоречащие, но суд обходился частными определениями и дел не возбуждал. Думцы потихоньку воспрянули духом и пустились во все тяжкие. Были приняты поправки к закону об акцизах, пролоббированные водочными и табачными фабрикантами, за исключением Фишмана, естественно. Далее Дума протянула свои загребушие лапы и к земле, родив несколько природоохранных актов и образовав специальную комиссию по рассмотрению дел, связанных с землепользованием и строительством в свете их соблюдения. Что, естественно, привело к появлению нового значения давно известного слова «откат». Начались речи о необходимости подчинения Думе Госбанка и создании комиссии по контролю за деятельностью Финансового департамента ее величества.

Я наблюдал за всей этой возней с некоторым недоумением. Нет, ничего принципиально другого не ожидалось, но меня удивила скорость, с которой думцы заглотили наживку. По нашим прикидкам, процесс должен был занять раза в два больше времени. Наверное, слуги народа несколько неправильно поняли смысл слова «демократизация», вошедшего в оборот

сразу после войны. Да, местные органы власти планомерно переводились на полностью выборную основу, но эти столпы либерализма решили, что процесс коснется всех слоев общества вплоть до самого верха. Хотя, казалось бы, если тебе на пути попадает кусок сыра внутри конструкции неизвестного назначения, то самым логичным будет предположить, что это мышеловка. И то, что никому пока не было предъявлено обвинения, вовсе не означало, что КС бездействовал. Нет, он активно работал в тесном контакте с обоими комиссариатами и народным контролем, но дела тихо ждали своего часа в папках, число которых непрерывно увеличивалось.

И этот час настал. Парочка наиболее отъявленных законотворцев была арестована прямо в зале заседаний, после чего почти все оставшиеся имели возможность познакомиться с тем, как их деятельность отражена в имеющихся у КС материалах. Но, не дав господам до конца впасть в уныние, я собрал их и пояснил, что нынешняя неприятная ситуация сложилась исключительно из-за недостаточно проработанной правовой базы. И если уважаемые думцы в темпе поправят обнаруженное темное место в законодательстве, никаких оргвыводов Конституционный суд делать не будет. Ибо я понимаю, что в таком сложном деле, как законотворчество, всегда возможны ошибки, и главное — это вовремя их исправить.

В результате нашей беседы законопроект «О лоббировании» со свистом проскочил все три чтения и вступил в силу с первого января пятнадцатого года. И теперь любое выступление думца обязано было начинаться с преамбулы. Где он объяснял, насколько предлагаемое им может поправить его личное благосостояние и каким образом. Потом переходил к родственникам и знакомым. Умолчания и неточности в преамбуле подлежали преследованию по суду, в диапазоне от предупреждения до червонца с конфискацией. Причем если какое-либо средство массовой информации освещало это выступление, то оно обязано было приводить преамбулу полностью и абсолютно точно. От самого выступления журналюги могли оставить сколь угодно малый огрызок, но пропажа хоть одного слова из вступления влекла за собой весьма неприятные последствия.

И вот недавно состоялось первое заседание по новым правилам. Для того чтобы помочь господам депутатам в случае каких-либо затруднений, там присутствовал мой комиссар.

Судя по всему, думцы решили опробовать новшество на наименее ценном члене их коллектива, так что на трибуну вылез неизвестный не только широкой публике, но даже и мне какой-то господин Монахов от

Самарской губернии и начал:

— В соответствии с требованиями закона «О лоббировании» я заявляю, что поднимаю этот вопрос исключительно из соображений улучшения жизни нашего народа, не преследуя этим никаких личных целей...

Тут комиссар поднялся со своего места и, подойдя к оратору, что-то ему шепнул, после чего вернулся обратно. Тот на мгновение запнулся, но быстро опомнился.

— Кроме разве что бескорыстного желания помочь питерской сети магазинов «Русские самоцветы»...

— Гм! — сказал мой комиссар, не вставая.

— Я говорю чистую правду — господин Лившиц просто попросил меня о содействии, не обещая за это ничего конкретного!

— Я рад, что вы столь глубоко вникли в требования нового закона, — кивнул комиссар, — потому что он действительно полной конкретики и не требует. Продолжайте, пожалуйста.

— Ничего конкретного... он очень расплывчато намекнул, что поговорит с подрядчиком, который строит мне дом в Сестрорецке...

— Строительство которого сейчас заморожено из-за недостатка средств, вы это хотели сказать? — уточнил комиссар.

— Совершенно верно, огромное вам спасибо за помощь! Я могу переходить к основному выступлению? Еще раз спасибо. Итак, предлагая снижение пошлин на импортные предметы роскоши, я исхожу из того факта, что за последнее время благосостояние всех слоев населения заметно повысилось. И то, что раньше считалось роскошью, скоро станет предметом повседневного спроса...

И дальше пошло обычное депутатское словоблудие, никому особенно не интересное. Даже репортерам, они хоть и строчили что-то в своих блокнотах, но довольно вяло. Впрочем, после заседания они все равно смогут получить копии магнитофонных записей всех выступлений.

После того как поднятый вопрос был благополучно похоронен при голосовании, депутаты перешли к главному пункту повестки дня: предлагаемому Столыпиным увеличению сбора с доходов от денежных капиталов с пяти до двадцати пяти процентов. Первым взял слово совладелец АРНа Рябушинский и сообщил, что его лично и братьев эта мера никак не затронет. Доходы его жены уменьшатся процентов на пять. Далее он перешел к основному выступлению и призвал поддержать предложение премьера, потому что такая мера вызовет перемещение части капиталов из спекулятивной в производственную сферу.

— А это что, на вашем кармане никак не отразится? — раздался неорганизованный выкрик из зала.

— Почему же, скорее всего действительно отразится. Что-то изменится. Но для оценки даже не величины, а просто знака этого изменения у меня сейчас недостаточно данных. Как только они появятся, я тут же внесу ясность в этот вопрос.

— Легко говорить, когда у вас в совладельцах сам Найденов! — вякнул уже кто-то другой.

— Акционерное общество «Автозавод Рябушинского — Найденова» является открытым, и ничто не мешает желающим вступить в его ряды, — уточнил Павел Павлович. — Кроме того, я призываю господ депутатов выступать исключительно по существу дела и не превращать заседание в балаган на потеху репортерам.

Дальше там было еще страниц пятнадцать, так что я отложил выдержки из стенограмм и снова вернулся к докладу о Кисине. Он сразу увидел, что пункт о преамбуле позволит вывести партийную агитацию на новый, гораздо более высокий уровень. Ведь в чем может заключаться личный интерес настоящего борца за народное дело, кроме установления наиболее справедливых общественных отношений? А значит, все это можно будет в полном соответствии с законом отражать в преамбулах. И теперь дело осталось только за тем, чтобы на ближайших выборах провести в Думу побольше своих кандидатов. В настоящих условиях политика игнорирования выборов себя исчерпала, сделал вывод Кисин.

А вот автор доклада, младший ликтор Осторгина, сделала вывод о том, что Виктору Ивановичу захотелось в депутаты.

Здесь я глянул на часы и отложил бумаги. Все, на сегодня чисто канцлерская деятельность окончена. И вовремя, потому как в результате бесед с эрэфовским думцем я с удивлением обнаружил, что запасы моей веры в человечество вовсе не безграничны. Раньше мне казалось, что я за время пребывания у власти настолько зачерствел душой, что даже регулярное общение с таким ворюгой и жуликом, как Немнихер, не вызывает у меня отрицательных эмоций. Но после бесед с думцем из двадцать первого века я понял, что был элементарно несправедлив к милейшему Арону Самуиловичу. На фоне того уроды он вполне мог сойти за идеал твердости духа и яркий пример бескорыстного подвижника. И гения к тому же, потому как вдобавок ко всей своей моральной омерзительности думец был еще и откровенным дураком. От недолгого общения с ним у меня пропал аппетит, но почему-то захотелось устроить внеочередную тренировку по стрельбе из своего пистолета.

Однако в ближайшее же время мне предстоял сеанс душевной реабилитации. До самого вечера я буду общаться с двумя вполне приличными молодыми людьми, которые мало того что порядочные и интересные, так еще и как минимум не глупей меня. А возможно, даже умнее. Зато я пунктуальный, подумалось мне после взгляда на часы. Уже пять минут как они должны быть здесь!

— Господа Френкель и Капица! — сообщил мне динамик на краю стола. Я нажал кнопку, что означало: запускать немедленно.

— Извините за опоздание, Георгий Андреевич, — сразу сказал Капица, — мы взяли расстояние от станции до дворца и, поделив на скорость пешего хода, получили время в пути. Но не учли, что у нас два раза проверяют документы перед дворцом и еще один раз внутри.

— Ничего, я уже давно заметил, что редкая теория выдерживает первое соприкосновение с практикой. Так что внесите в формулу расчета времени поправки, и можно переходить к следующему вопросу. Что интересного вы мне расскажете о результатах своих мысленных экспериментов?

Полтора месяца назад я привлек их к работам по изучению произвольной телепортации в наш мир Кисина с Кобзевым, но пока втемную. То есть описал им установку, пересказал результаты опытов Арутюняна и попросил придумать теорию, которая бы хоть как-то объясняла эти фокусы. А в идеале — еще и прикинуть, как можно увеличить расстояние, на которое происходит телепортация, и массу перебрасываемых объектов.

Про то, чем кончились эксперименты, я им пока не говорил.

— Если вкратце, — начал Френкель, — то все описанное вами вполне может быть, если использовать понятие вариантности пространства. То, в котором мы живем, — оно инвариантно. То есть объем тела не зависит от того, снаружи мы его измеряем или изнутри. Но если предположить, что это всего лишь частный случай, и принять, что объем, измеренный снаружи, может не совпадать с ним же, но изнутри, то тогда описанное вами поведение частиц вполне укладывается вот в эти формулы.

Он протянул мне листок бумаги.

— Мы понимаем, — встрял Капица, — что представить себе такое пространство невозможно, но пусть это будет принятой для удобства моделирования абстракцией.

— Ну почему же, — возразил я, — мало ли чего невозможно себе представить, а оно тем не менее прекраснейшим образом существует. Мне, например, не далее как позавчера довелось общаться с таким козлом,

какого не только вы, но даже и я до сих пор себе не представлял. Но это нисколько его существованию не мешало. Так что в вашей математике я постараюсь разобраться попозже, а пока огласите общие выводы, пожалуйста.

— Если определенным образом сфазированное излучение от четырех источников может вызвать изменение вариантности пространства, то поведение ваших частиц становится вполне естественным. Их внутренние координаты не меняются, а для внешнего наблюдателя это должно выглядеть как мгновенное перемещение из одной точки пространства в другую. Причем как минимум два раза, потому что сумма изменений вариантности должна быть равна нулю.

На следующий день я сразу после завтрака погрузился в машину и в компании двух молодых гениев выехал на западный край Гатчины, где сейчас находился Кобзев со своей более или менее восстановленной установкой. Уже начались работы по созданию спецобъекта в Гдовском уезде, и с лета опыты начнут производиться там, во избежание чего-нибудь неожиданного. Нет, если при обмене мы ухитримся захватить где-нибудь сотню тонн антивещества, то удаление установки от населенных мест не поможет, испытывай мы ее хоть в Антарктиде. Но все-таки вряд ли такая пакость найдется неподалеку от Солнечной системы, да и вообще неизвестно, существует ли она в концентрированном виде. Однако следующий этап будет проводиться в месте, где даже двадцатикилотонный взрыв не приведет к жертвам, а в Гатчине мы собирались только с большой осторожностью и по возможности точно повторить эксперименты Арутюняна.

Весь предыдущий вечер я стращал Капицу и Френкеля всякими ужасами, которые последуют, если молодые люди все-таки согласятся подписать соответствующие бумаги и получат допуск по высшей форме. Рассказал, что как минимум на десять лет они станут невыездными, да и потом заграничные поездки будут только с разрешения соответствующих органов. Просветил парней, что сразу с момента подписания они попадут под неусыпное наблюдение нулевого отдела ДОМа. Куда бы они ни направились, за ними будет таскаться охрана.

— Вот и хорошо, — усмехнулся Френкель, — значит, можно будет быть спокойными, что нас по крайней мере никто не ограбит.

— До этого вас так часто грабили?

— Нет, но дополнительная гарантия все равно не помешает. Так что не тратьте красноречие, Георгий Андреевич, судя по утренним газетам, оно вам в ближайшее время пригодится в Думе. Лучше давайте свои бумаги, а

то уже руки чешутся подписать что-нибудь этакое. Нас же все равно звал к себе Абрам Федорович, а у него в Радиевом институте порядки практически такие же. И почему вы нас называете по имени-отчеству? Как-то даже тревожно, честное слово.

— Это с чего так?

— Народная примета. Если канцлер разговаривает трехэтажным матом, то, может, оно еще и обойдется, но если вдруг стал преувеличенно вежливым — все. В ближайшее время придется посетить если не Виллой, то уж Колыму наверняка.

— Надо же, как интересно. Еще какими-нибудь похожими приметами не поделитесь?

— Пожалуйста. Если канцлер встал ровно в девять, то это к дождю, если проспал до десяти, то к урожаю. Зато если поднялся в семь, то это к войне, а в пять — к землетрясению. Про отход ко сну тоже есть, но я помню только одну. Если вы ляжете спать в одиннадцать вечера, то не миновать отпуска Думы.

Я глянул на часы — без семи одиннадцать, и махнул рукой:

— А, ладно, пусть живет. Сейчас вы как, пойдете к себе, ваши комнаты на втором этаже правого крыла, или составите мне компанию на парутройку бутылочек пива с астраханской воблой? На объект выезжаем завтра в десять утра.

Мы приехали туда в половине одиннадцатого, лаборант уже сидел у установки, и негромко тарахтел форвакуумный насос.

— Познакомьтесь, — представил я друг другу молодых людей, — Александр, Петр, Яков. Ну и ваш покорный слуга, с которым вы все уже знакомы. Временный коллектив по изучению феномена нетрадиционного туннелирования в сборе, можно приступать к работе.

ГЛАВА 9

Александр закрыл дверь в аппаратную на ключ, потом сдал его дежурному и направился к так называемому поселку. Пока он состоял из пяти двухэтажных двенадцатиквартирных домов, но уже рылись котлованы под новые постройки. Объект «Заря» в восьми километрах юго-восточнее Гдова в не таком уж далеком времени должен стать очередным закрытым наукоградом, которых и так имелось немало на просторах империи. Саша уже успел побывать в двух: Кучино и Осташкове (так его называли, хотя на самом деле объект располагался на острове Городомля). Александр был также в курсе о существовании мощного электронного НИИ в Каспийске. Правда, он не знал, что этот Каспийск находится на острове Николая I в Аральском море. Но тут уж ничего не поделаешь — режим секретности. Даже в самом Каспийске далеко не все знали, посреди какого моря стоит их остров.

Саша переоделся, сунул в карман бумажник с деньгами и паспортом, потом выкатил из гаража велосипед и неспешно направился по лесной тропинке к аэродрому, который был примерно в полукилометре от поселка. Его «чайка» стояла в Гатчине. В принципе вполне можно было купить и еще одну, но зачем? Ездить в Гдов в общем-то незачем, по объекту бессмысленно, тут и велосипед не нужен. И аэродром рядом, а там стоит Шашин личный «Тузик».

Еще в школе Александр иногда жалел, что в Союзе нельзя иметь свой самолет. Хотя, казалось бы, какие тут еще аэропланы, когда и автомобиль-то толком не купишь! Но почему-то трудности при покупке «жигулей» задевали Александра куда меньше, чем полная невозможность приобрести что-нибудь крылатое. В конце концов, тот же «запорожец» приобрести можно без особых проблем, а вот с самолетом натуральная труба. Прямо хоть сам строй! Саша бы и построил, но для этого ему нужно было родиться хотя бы лет на десять раньше, с начала восьмидесятых КГБ уже рассматривал самодеятельных авиаконструкторов как свою потенциальную клиентуру. А тут — пожалуйста. И стоит этот «Тузик» всего девятьсот восемьдесят рублей, причем его можно купить с трехлетней рассрочкой и первым взносом в триста пятьдесят, но при этом подписать обязательство раз в год отбывать недельные сборы, а в случае войны стать ночным бомбардировщиком или связником. Впрочем, этот самолетик не возбранялось купить и просто так, но тогда он обошелся бы в три тысячи.

Так что Саша выложил свою месячную получку, которую после покупки автомобиля все равно не удавалось растратить больше чем на треть, как приходило время следующей, и подписал бумаги на рассрочку платежей и свои обязательства. После чего за пятьдесят рублей еще два месяца посещал вечерние курсы, где его научили летать, и все. Вот он, его личный аэроплан, лети на нем куда угодно, только, разумеется, сначала сообщив об этом в режимный отдел.

Самое интересное, подумалось Саше, что в новом мире его должность называется точно так же, как и в старом — старший лаборант. И круг обязанностей вроде похож, но только за одним исключением. Там только считалось, что Саша является ответственным за бесперебойную работу всего, что находилось в его подвале. На самом деле кто угодно мог прийти и заявить, что вот это надо сделать вот так, — примерно как в случае с Кисиним и случилось. Ну и снабжение, конечно, оставляло желать лучшего, а уж про зарплату стыдно и вспомнить. Какая ответственность в восемьдесят девятом году могла быть за сто тридцать рублей в месяц?

Здесь же Александр получал триста пятьдесят, и это при куда большей весомости тутошнего рубля. Заведующий комплексом был чистым администратором. То есть Саша ему говорил, чего не помешало бы сделать, тот записывал это в блокнот и вскоре сообщал, когда оно будет готово. Правда, иногда Александра ненадолго занимал вопрос: а что с ним будет, если он, например, начнет халтурить? Но проверять не было ни малейшего желания. И вовсе не из-за жутковатой славы Георгия Андреевича. Лаборант достаточно пообщался с канцлером, чтобы понять: он всегда делает то, что обещал. Правда, иногда с фантазией, этого у него не отнимешь... Так вот, на прямой вопрос: «А вдруг не справлюсь?» — ответ был: «Чинить магнитофоны в „Октябрьскую“ вас возьмут и без моей протекции».

Да уж, взлетел я тут высоко, подумал лаборант, подъезжая к рулежной дорожке, где уже стоял его «Тузик». С самим канцлером за руку здороваюсь! И несколько раз удостоивался приглашения на вечерний чай или пиво. Впрочем, беседовать с Георгием Андреевичем всегда было интересно. Особенно запомнился первый разговор, когда канцлер разъяснил лаборанту некоторые тонкости реального устройства власти в Российской империи.

— Вот вы мне тут говорили про разделение властей, — заметил Найденов, обстукивая воблу о край полированного стола, — так ведь неужели не заметно, что оно у нас есть? Не на законодательную, исполнительную и судебную, реально такого и в двадцать первом веке не больно-то найдешь. Но почему вы решили, что это вообще единственная

возможность? Тут ведь важна не конкретика, а просто сам факт. И у нас есть совершенно четкое разделение, причем классическое, описанное Стругацкими. Помните: «Король по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку». Причем они специально подчеркивают, что это не ситуация «великий ум при слабом государе», несмотря на полную дебилность описываемого там короля. Это именно разделение властей, и у нас оно как раз такое и наличествует, причем при очень неглупом и волевом монархе. Император велик, светел, милосерден, отзывчив, доброжелателен и много чего еще. У меня все эти эпитеты даже записаны на специальной шпаргалке, а он их и так помнит. Ну а я — всё остальное. Очень удобно, между прочим. Сталин, например, в вашей истории вынужден был одновременно быть и великим, и добрым, и грозным, а это довольно утомительно и не всегда удается вовремя переключиться.

— И как, интересно, на самом деле выглядит ваша борьба добра со злом? — хмыкнул лаборант.

— Пожалуйста, могу рассказать о позавчерашней беседе. Приезжаю это я к величеству поужинать, а он, ложку до рта не донеся и мне не дав, начинает возмущаться: да с какой такой стати я буду миловать этого мерзавца, что ты мне за бумагу подсунул? Дали ему у тебя четвертак, и пусть сидит на здоровье, радуется, что не повесили! Это мы с ним про одного военпреда, попавшегося на откате. Пришлось напомнить, что у нас давно принято в честь тезоименитства кого-нибудь миловать, а остальные кандидаты еще хуже. Правда, обещание, что сниженный до червонца срок помилованному покажется далеко не медом, наш всемилостивейший государь с меня все-таки взял.

— Но тогда ваш образ немножко недоработан, — заметил лаборант, — я имею в виду анекдоты про Найденова. Рассказывают же, и не так чтобы редко, но случаев, чтобы кого-то за это посадили, нет.

— Почему же недоработан? Канцлер, конечно, тиран и душитель демократических свобод, но в чувстве юмора ему никто не отказывает и комплексом неполноценности он не страдает. Ему на всякую болтовню в общем-то начхать, так что все вполне в этот образ укладывается. Тем более что анекдоты вещь довольно полезная. Во-первых, половину из них придумывают в моем информбюро. Талантливо сочиненный и к месту запущенный анекдот по эффективности не уступает пропагандистской кампании в прессе, а уж если это делать в комплексе, то и тем более. Потом есть так называемые тестовые — это когда по скорости распространения и популярности анекдота можно судить о настроениях в обществе. Ну а

насчет посадок... По-моему, когда органы вместо работы начинают заниматься подобной ерундой, то это говорит сразу о двух вещах. Первая — у них недопустимо упал профессиональный уровень, если не могут справиться с ситуацией несиловыми методами. И вторая, обычно тесно связанная с первой, означает, что численность личного состава там недопустимо завышена, давно пора было разогнать лишних.

— Ладно, одну половину сочиняет ваше информбюро. А вторую кто? Недовольные.

— Разумеется, но не сажать же их за это? Общества без недовольных не бывает. К тому же сочиненное по велению души и от избытка юмора — оно редко носит чисто деструктивный характер. А вот случаи, когда сочинительство происходит за деньги, уже подлежат силовому пресечению. Но опять же не за анекдоты, а за те самые деньги или еще за что-нибудь. Как правило, безгрешные люди таким не занимаются, так что выбор есть.

— Машина к полету готова, — прервал воспоминания лаборанта дежурный механик. Саша занес было ногу, чтобы лезть в кабину, но вспомнил недавнюю выволочку от Георгия Андреевича и, вздохнув, приступил к так называемой «молитве», то есть обязательной перед каждым полетом проверке по утвержденным пунктам.

Шасси. Дренажный кран нижнего цилиндра. Рули горизонтальные и вертикальные. Элероны. Натяжение крепежных тросов. Зарядка аккумулятора, визуальный контроль наличия бензина и масла и отсутствия их протечек. На все ушло минут пять, и Александр, включив рацию, запросил у КДП разрешение на взлет.

— Можно, — послышалось в наушниках. Лаборант перекинул вниз тумблер зажигания, пару раз качнул рычажок подсоса и нажал кнопку стартера. Никаких «контакт! есть контакт!» тут не требовалось. Ровно затарахтел движок.

После короткого разбега самолетик поднялся в воздух и, резво набирая высоту, взял курс на Гатчину.

В полете Александр задумался: сообщать ли Георгию Андреевичу о письме, пришедшем от Кисина? Наверняка ведь его спецслужбы в курсе, а скорее всего, канцлер прочитал это творение раньше лаборанта. Но, пожалуй, не помешает все-таки из диспетчерской позвонить в секретариат и сказать, что такое письмо получено. В конце концов, Виктор Иванович в нем спрашивал, что нужно сделать, дабы побыстрее попасть на прием к канцлеру. Так почему бы и не выяснить это у самого Найденова?

— Борт сорок три двадцать? — раздался в наушниках голос гатчинского диспетчера. — Заходите по седьмому коридору, посадка на

полосе четыре-дубль.

— Понял, спасибо, — ответил Александр и, немного прибрав газ, двинул ручку от себя.

Сдав самолет аэродромной команде, лаборант позвонил в секретариат.

— Ждите, переключаем на кабинет, — последовал ответ, и вскоре в трубке раздался голос Георгия Андреевича:

— Прилетели на выходные? Вот и замечательно, тут Капица с Френкелем уже почти закончили работу на ВЦ. В понедельник или вторник все вместе сядем утверждать программу экспериментов, а пока гуляйте. Если интересно, можете приехать ко мне часов в десять вечера, я сегодня ужинаю у себя, а не в Зимнем. Заодно и прикинем, что вам ответить нашему общему знакомому.

Из диспетчерской лаборант отправился на автостоянку, где его ждала «чайка», и вскоре был на квартире, которую он снимал в Гатчине. Прошелся по пустым комнатам, хмыкнул, глянул на часы и решил, что до ужина с канцлером он, пожалуй, успеет съездить в Питер и выполнить запланированные культурные мероприятия: пообедать у «Донона», зря, что ли, столько читал про этот ресторан в исторических романах, после чего посмотреть в Александрийском театре «Три сестры».

Ресторан лаборанта не удивил ничем, а вот театр понравился. Во-первых, снаружи он оказался очень похож на Большой. Во-вторых, там замечательно играл чем-то похожий на Моргунова актер Давыдов, а в-третьих, удалось познакомиться с довольно интересной девушкой, бестужевской курсисткой Наташей, которую он после спектакля подвез домой на машине. Правда, вместе с матерью, так что никакого продолжения сегодня не последовало, но в том, что оно будет, Саша не сомневался. Однако теперь, хоть и неудобно, но придется снова спрашивать у Найденова, не из ДОМа ли его новая знакомая. После событий лета прошлого года у лаборанта образовалось нечто вроде фобии — в каждом встречном лице противоположного пола ему мерещилась агентесса. Но канцлер, узнав об этом, пообещал честно прояснить данный вопрос пять раз в год, и в текущем тысяча девятьсот пятнадцатом у лаборанта оставалось еще три неиспользованных раза.

— Вроде не из ДОМа, — усмехнулся канцлер, услышав вопрос Александра, — но точно смогу сказать завтра. Присаживайтесь, надеюсь, вам у «Донона» аппетит окончательно не отбило? И поделитесь впечатлениями о театре, а то, стыдно сказать, сам я был только в Мариинском, да и то с целью посмотреть, как там пляшет наша подопечная Кшесинская. Кстати, очень даже ничего, если интересуетесь, сходите, не

пожалее. А почему мне интересно ваше мнение про «Три сестры»? Хм, отчего бы и не рассказать. Тут все три величества, включая и мою собственную супругу, иногда любят пройтись по плебейским вкусам канцлера Найденова. И пиво-то он воблой закусывает, и в вопросах театральной жизни дуб дубом, и художников называет малярами, не говоря уж про поэтов. Поэтому полезно иногда блеснуть эрудицией, но не специально же тащиться в театр для этого! А ваше мнение мне ценно потому, что оно исходит от человека, выросшего в СССР и еще сохранившего взгляды конца двадцатого века.

— Наверное, не только на театр, — предположил лаборант.

— Совершенно верно, и ваши наблюдения про нашу жизнь мне тоже интересны. Иногда вы обращаете внимание на такие детали, которые местные не замечают из-за их вроде бы совершенной обыденности. А ведь одна из самых важных проблем любой власти — это разносторонняя и достоверная информация. Ну вспомните, например, что знал тот же Брежнев о жизни простого народа? Только то, что ему докладывали. О достоверности таких сведений лучше помолчать, учитывая характер его окружения. Но даже доклад честного и болеющего за свое дело чиновника всегда будет как минимум односторонним. У нас постоянным мониторингом занимаются комиссары, и мои, и императорские. Это взгляд уже с другой колокольни. Сравнивая комиссарские доклады с чиновничьими, можно получить первое приближение картины, но не более того. Для уточнения существуют народные контролеры, они развернут изображение применительно к своей кочке. Далее — будущие зарубежные агенты ДОМа и шестого отдела. Надо же им где-то тренироваться? Вот перед отправкой за границу они и работают по паре лет шпионами в своей стране. Им не ставится задача раскрывать заговоры или разоблачать врагов — только регулярная и объективная информация по обозначенным направлениям. Впрочем, отслеживание только что появившихся тенденций, не обозначенных в директивах, также приветствуется. Всякие ходоки к императору и мне тоже нет-нет да расскажут что-нибудь интересное, ими занимаются соответствующие отделы в наших секретариатах. И на всем этом фоне ваши наблюдения тоже неплохо смотрятся, можете мне поверить. Так что начинайте просвещать меня про театр. С чего он сейчас начинается — с вешалки или, как это и положено, все-таки с буфета?

Уже под самый конец беседы Саша вспомнил о письме Кисина.

— А, — рассмеялся Найденов, — так это он наконец посмотрел «Небесный тихоход». Как, вы еще не видели? Вот они, театры-то, до чего людей доводят. В общем, наш фильм был, мягко говоря, поставлен по

мотивам вашего. Ну очень по мотивам, так что Виктор Иванович сразу сообразил, что таких совпадений просто не может быть. И сделал очевидный вывод, что ваше с ним межмировое путешествие было отнюдь не единственным. Потом он три дня читал все, что смог найти о работе шестого отдела и контрразведки, и даже пытался расспросить товарищей по партии про ДОМ-2. Видимо, проникся, но сознаваться решил на самом высоком уровне. Действительно, пора, мне даже интересно, что этот тип собирается предложить.

— Наверно, организовать правящую партию для скорейшего претворения в жизнь всего, что только может понадобиться. — Саша отставил пустой стакан и закончил: — Ведь у вас же ее нет? С его точки зрения это вопиющая недоработка.

ГЛАВА 10

Теплым июльским вечером Виктор Иванович Кисин возвращался домой с работы. Пусть квартира и съемная, но за год он к ней привык и уже считал своим домом. В немалой степени этому способствовала приходящая домработница Аглая. Кисин получал уже не двадцать пять рублей и мог позволить себе прислугу, которая прибирала одно время совсем пришедшую в упадок после отъезда лаборанта квартиру, и уже полгода иногда делила с Кисиным постель. Да, ей было не двадцать лет, как тем девицам, что липли к Кобзеву словно мухи, а как минимум раза в два побольше, так ведь и Виктор Иванович тоже не мальчик. А учитывая, что до этого он ни разу не изменял жене, ситуация вообще казалась ему захватывающим приключением в духе фильмов про Анжелику.

Интересно, подумал Виктор Иванович, подходя к дому, ответит ли лаборант на его письмо? Живет-то он теперь в Гатчине, недалеко от резиденции канцлера, ему недолго занести прошение в приемную. Или придется все-таки посылать его обычной почтой?

Поднявшись на четвертый этаж, Кисин перевел дух перед дверью — этажи в доме были отнюдь не как в хрущевке, а лифта не имелось. Зашел в квартиру, скинул котелок, пиджак и прошел в большую комнату, которая после убийства Александра стала рабочим кабинетом. И замер как вкопанный.

Бумаги, которые он с утра оставил на столе в полном беспорядке, аккуратной стопкой лежали с краю. А точно в центре неизвестно откуда появился большой белый конверт. Ни адреса, ни марок на нем не имелось, и только в углу был оттиснут большой фиолетовый штамп «Уплочено». Впрочем, толком оценить его Виктор Иванович не смог, потому как не читал «Мастера и Маргариту».

Уже догадываясь, от кого пришло таинственное послание, и недоумевая только насчет штампа — вроде бы это слово пишется не так, Кисин взял конверт и, уняв дрожь в руках, вскрыл. Да, там действительно был канцлерский бланк, на котором сообщалось, что согласно просьбе господина Кисина В. И. ему назначено явиться на прием второго августа в девятнадцать тридцать. Кроме бланка в конверте обнаружился билет второго класса на скорый поезд Москва — Санкт-Петербург и план-карта Гатчины, где красными стрелками был обозначен путь от станции до одного из подъездов дворца.

Значит, через неделю надо брать отпуск за свой счет и ехать, подумал Кисин. Доведется ли вернуться? Некоторый оптимизм внушал билет — если бы Виктор Иванович был совсем не нужен канцлеру, его бы в конверт не положили. Тем более второго класса. Именно в таком они с Кобзевым доехали от Читы до Москвы. Что-то вроде советского купейного, но этих купе всего семь в вагоне, и они просторней. Правда, окна небольшие, но это не вызывает неудобства.

И вот второго августа около семи вечера Кисин подошел к обозначенному на плане подъезду Гатчинского дворца.

— Вам же назначено на полвосьмого, — заметил проверивший его паспорт охранник у входа, — так что лучше минут двадцать пять погуляйте в парке. Да, можно, а куда нельзя — вас все равно не пустят, не волнуйтесь.

Раза три обойдя небольшой зеленый квадрат с какими-то статуями меж кустов, названный охранником «парком», Кисин вновь подошел к дворцу, и на сей раз был запущен внутрь. Секретариат находился совсем рядом, а там дали провожатого до приемной.

Зайдя, Виктор Иванович с любопытством огляделся. Да, очень скромно, если не сказать большего. Комната площадью метров сорок имела десяток кресел у стены, причем у двух кожа была поцарапана, как будто ее кто-то драл когтями. Два низких столика с газетами и журналами и секретарь у двери — скорее всего, в сам кабинет. Больше в приемной никого не было.

— Подождите немного, у Георгия Андреевича посетитель, — сообщил секретарь и занялся какими-то бумагами. Но минуты через три встал и подошел к входной двери приемной.

В этот момент из канцлерского кабинета пробкой вылетел невысокий полный господинчик с заметно перекошенной физиономией, к тому же чем-то напоминающей пороссячью. Он промчался мимо Кисина, на бегу причитая что-то вроде: «Оговорили, вот святой истинный крест оговорили», и исчез за предупредительно распахнутой секретарем дверью.

Странно, подумал Кисин. Где же я его не так давно видел? Кажется, в редакции журнала «Коммунист». Точно, заведующий отделом экономической политики, он еще расспрашивал меня про наш институтский кооператив. Как там его — Тимур Егорович или наоборот? В общем, внук какого-то писателя. Но тут-то он как оказался? Наверное, это другой, просто очень похож, решил Кисин и услышал секретарское:

— Виктор Иванович, заходите.

Кисин зашел, сделал два шага, поднял глаза на стоящего у большого стола хозяина кабинета и с ужасом почувствовал, что у него отнимаются

ноги. Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять — перед ним олицетворенная ВЛАСТЬ. Именно так, всеми большими буквами! Раньше Виктору Ивановичу казалось, что сосед тестя по дому на Фрунзенской, опальный пенсионер Каганович преувеличивал, рассказывая, что лично он чувствовал, входя в кабинет Сталина. Ну не бывает таких людей, чтобы внушать трепет с первого взгляда. Но теперь понял — еще как бывает! И хотя глаза канцлера были скрыты за зеркальными очками, Кисин знал, что тот видит его насквозь. Хотелось одновременно и вытянуться по стойке смирно, и упасть на колени.

— Присаживайтесь. — Канцлер кивком указал на стул.

Кисину даже в голову не пришло вякнуть что-то про приличия, мол, неудобно гостю садиться первым. Ослушаться такого человека? Он сделал два шага на подгибающихся ногах и с облегчением плюхнулся на жесткое сиденье.

Некоторое время Найденов с еле уловимым интересом смотрел на него сверху вниз, а потом тоже сел напротив.

— Я вас внимательно слушаю.

Виктор Иванович попытался мобилизовать все, что у него осталось от самообладания. От того, как он сейчас себя поведет, зависит его судьба! Главное — докладывать все четко, коротко и... и... как еще, сейчас он вспомнить не мог. Но сглотнул и начал:

— В... в-ваше высочество, я пришел в целях сообщить, что не являюсь уроженцем России... то есть этой России, которая ваша... я из той, которая Советский Союз... случайно попал сюда в результате... — Тут он хотел продолжить: «Необдуманных действий лаборанта Кобзева», но наткнулся на взгляд канцлера и прикусил язык. Собрался с силами и выпалил: — В результате моей собственной ошибки, произошедшей от недостаточного знакомства с принципами работы установки нетрадиционного...

Чего именно, у Кисина из головы вылетело. Там почему-то вертелось слово «секса», но оно явно не подходило к ситуации.

— Готов искупить... — неуверенно проблеял он, чувствуя, что говорит явно не то, но молчать будет еще хуже.

— Я знаю, как вы оказались в этом мире, — подтвердил канцлер, — так что можете рассказывать дальше. Кстати, папку с докладной запиской «Размышления о партийном строительстве в Российской империи» вы забыли в приемной. Ничего страшного, ее содержание нам тоже известно. И вы, значит, желаете предложить свои услуги в этом направлении?

Кисин с надеждой глянул на канцлера. Кажется, это его чем-то заинтересовало... Ну правильно, не может же такой человек не видеть, что

предлагаются вполне разумные решения, подтвердившие свою правильность многолетней историей великих свершений Советского Союза! И что предлагающий их... Тут Кисин замер, не в силах продолжить даже в мыслях. Тем более что совершенно ясно — никакой особой тайны они для собеседника не представляют.

— Чем вы занимались в партбюро? — последовал тем временем вопрос.

— И... идио... идеологической работой.

— Ясно. Кто ваши родители?

— Отец был прокурором Черемушкинского района, это...

— Знаю. То есть ваш папа — юрист? — Да.

— А мама, наверное, русская, — неизвестно чему усмехнулся канцлер. — Тогда минимальные требования к партийному вождю у вас действительно соблюдены. Но именно что только минимальные, к сожалению.

Виктору Ивановичу показалось, что канцлер его с кем-то сравнивает. И пока сравнение не в его пользу... Как доказать, что это... нет, не ошибка, такие люди не ошибаются. Как дать понять, что не все зависит от каких-то личных данных. Главное — готовность! Господи, как?

Он с надеждой поднял глаза на собеседника и в который раз обомлел. Только что перед ним сидел человек, олицетворяющий собой незыблемую, мудрую и безжалостную власть. С которым никому в здравом уме не пришло бы в голову не то что спорить, но и просто без должного рвения исполнять любые его приказы. Так вот, этот человек исчез. Сейчас перед Кисиным был старший товарищ, доброжелательный, умный и опытный, хоть и немножко строгий. И он смотрел на собеседника с искренним участием, пониманию чего совершенно не мешали никуда не девшиеся зеркальные очки.

— Вот именно, — кивнул канцлер, — вам предстоит доказать готовность к решению сложных задач. И сделать это я вам предлагаю следующим образом. Да, мы умеем перемещаться между мирами, причем осознанно, а не случайно, как это вышло у вас. Но и ваш случай представляет собой определенный интерес. Поэтому, пожалуйста, постарайтесь вспомнить все, что вы слышали об Арутюняне. Затем — людей, которые могли знать про него еще что-то. Знакомых, друзей и недоброжелателей этих людей. И так далее, вплоть до самых мелких подробностей и самых глупых сплетен. Жить вы пока будете во дворце, но ваша свобода не ограничивается. Можете гулять по Гатчине или даже Питеру, это не возбраняется. Прекрасный город, очень рекомендую

посетить. Разумеется, в сопровождении. Надеюсь, вы понимаете необходимость этого и не станете на меня обижаться?

Кисин истоиво закивал.

— Вот и замечательно. Вам выделяют магнитофон и стенографисток. Если вам что-либо потребуется, говорите им. И не стесняйтесь, потому что иначе, отвлекшись мыслью на что-нибудь постороннее, вы невзначай сможете забыть какую-нибудь важную деталь, а это ни к чему. Вы меня поняли?

Кисин вскочил, потому что с последней фразой старший товарищ исчез, и сейчас на него холодно смотрел тот, кого Виктор Иванович увидел, входя в этот кабинет.

— Так точно! — с энтузиазмом воскликнул он.

— Я так и думал. Идите, господин Кисин, и помните — мы на вас надеемся.

Спиной вперед, не в силах оторвать глаз от великого канцлера великой империи, Виктор Иванович допятился до двери и с облегчением вывалился в приемную.

Шагая вслед за неразговорчивым молодым человеком, которому было поручено проводить его в апартаменты, Кисин испытывал небывалый душевный подъем, чего с ним не случалось с самого рождения. Вот он, шанс! Понятно, почему про канцлера ходят столь противоречивые слухи: то он простой и добрый дядя Жора, заступник народа, то глумливый циничный палач, одним росчерком пера отправляющий тысячи невинных на страшный Виллой, откуда возвращаются единицы. Разумеется, все они имеют под собой основание — этот человек может изобразить из себя кого угодно, вплоть до лучшего друга всех детей и физкультурников. Но ему, Кисину, он счел нужным продемонстрировать свою истинную сущность! Именно истинную, потому что изобразить такое невозможно. Что это, как не знак высокого доверия? Которое обязательно надо оправдать, потому что иначе...

Нет, решил Виктор Иванович, о таком нельзя даже думать. Ведь в чем главный талант любого руководителя? Ставить подчиненным только те задачи, которые им по силам! И канцлер, безусловно, обладает им в должной мере, иначе просто не может быть. Разумеется, надо постараться и вспомнить как можно больше, потому как знал Кисин действительно довольно много. И он оправдает доверие! Небось лаборанту тоже задавали эти вопросы, но что он мог ответить, о чем рассказать? Что где лежит в его подвале, и не более того. Разумеется, канцлер сразу понял, к кому нужно обратиться за информацией. И он ее получит, а затем...

Ведь не зря же его высочество согласился с принципиальной важностью вопросов партийного строительства! И не надо смущаться, что он, Кисин, здесь безродный новичок. Канцлер не боится поднимать на самый верх верных и преданных, не обращая ни малейшего внимания на их происхождение. Вон, георгиевский магнат Фишман, перед которым и в Москве трясется половина чиновников, — а как же, генеральный комиссар. В нашем мире никто про него ничего не слышал, а здесь — на тебе. С такой фамилией! И такой рожей, прости господи! За что его поднял из грязи и приблизил к себе канцлер? Неважно. Потому что его, Кисина, он приблизит за безграничную преданность и готовность выполнить любой приказ. И недалек тот день, когда...

Виктор Иванович представил себе этот момент. Вот он идет в черном мундире с серебряными молниями и дубовыми листьями в петлицах, а вокруг него — незримый, но от этого только еще более значительный ореол силы и власти. Разумеется, это всего лишь малая толика силы и власти канцлера, но мала она только по сравнению с ним, а для прочих людишек... Кисин отдавал себе отчет, что в покинутом им СССР он ни при каких условиях не получил бы и десятой части тех возможностей, что вдруг открылись перед ним здесь.

— Ваши комнаты, — отвлек его от возвышенных мыслей голос провожатого.

Когда мой визитер покинул кабинет, я еще минуты три приходил в себя. Нет, ну каков фрукт! Сходить, что ли, руки вымыть? Хоть и не здоровался с ним. Правильно Гоша хотел на него полюбоваться, экземпляр весьма интересный. Ничего, наверное, и в записи наша беседа будет смотреться неплохо. Как там писал Лермонтов? «Да, были люди в наше время». Вот именно. Мало того что были, так ведь никуда и не делись за двадцать лет! Разве что парочка села, так это в порядке исключения. Причем сидят и пишут, заразы, статьи и чуть ли не книги, изображая из себя узников совести. Почему-то у нас в империи что на лесоповале, что в алмазном карьере никому после смены и в голову не приходит заниматься эпистолярным искусством.

Но каким бы он ни был, а пользу действительно может принести немалую. Потому как нам обязательно нужно точно знать, жив или уже нет доктор физико-математических наук Арутюнян. И если жив, то где сейчас его искать.

ГЛАВА 11

Примерно через час после приема партийного деятеля из восемьдесят девятого года я прибыл в Зимний — показать Гоше записку и заодно поужинать. Почему-то она не произвела должного впечатления на величество, хотя основные моменты с моей точки зрения там получились очень неплохо. Заинтересовал его несколько другой вопрос.

— Вот объясни мне такую вещь, — начал он. — Я уже который год слышу, что у нас в России есть какой-то великий и ужасный канцлер, он же Гатчинский коршун.

Но сколько ни приезжал в Гатчину — ни разу никакого ужасного коршуна не видел! Там только ты сидишь, да и то не всегда. И кошки по коридорам носятся. Опять же сорок минут назад в мой секретариат звонят — к вам выехал канцлер. Ага, думаю, вот оно. И что? Опять приехал дядя Жора. Но ведь судя по восторгу на физиономии твоего Кисина, он видел нечто совсем другое! Почему же я, внимательно просматривая весьма качественную записку, не могу заметить ничего даже отдаленно похожего?

— Будешь под руку говорить, когда в ней вилка, стану ужинать у себя, а к тебе приезжать только в сортир, — пообещал я, приступая к бифштексу. — Ну что за манера решать мировые проблемы, толком не похрав и даже пива не выпив! Вот и не видишь великого канцлера, хотя он очень даже есть.

После чего последовал примерно десятиминутный перерыв, за время которого я управился с ужином. И, открыв пиво, заметил:

— Интересно, когда тебе надоест подсовывать мне стаканы? Это же не водка, в конце концов, а пиво, которое надо пить прямо из бутылки. Ну и относительно великого канцлера. Ты думаешь, что Кисин его вот прямо так, без всякой подготовки, взял и увидел? Фигушки, это не такое простое дело. Сколько времени одна из лучших Танечкиных специалисток по внушению подсознательных реакций, старший лектор Зверюгина ему мозги настраивала под предлогом мытья полов и всего прочего!

— Значит, это ему заранее установку сделали, тогда понятно. И очки ты не снял из соображений окончательно его не доконать? А то ведь как глянет на них, так и обмирает. Боялся, что от твоего прямого взгляда он вообще в обморок хлопнется?

— Величество, ну я же тебе все-таки не Вольф Мессинг, взглядом кого-то гипнотизировать. У нормальных специалистов для этого

используется блестящий шарик на ручке. Или даже хорошо отполированная чайная ложка, а ему Аглая дала установку на очки. Их же тут, кроме меня, почти никто не носит, зеркальные-то, установок вакуумного напыления мало и они под контролем. Ну и мундир, понятно, тоже шел до кучи в образе.

— А как же ты в очках смог взглядом что-то такое изобразить, что бедный Кисин прямо на глазах переходил от ужаса к восторгу и обратно?

— Вот как раз без них у меня точно ничего не получилось бы, я с людьми умею только языком разговаривать. Ну или кулаками, в особо исключительных случаях. Тут же требовалось всего лишь поворачивать голову так, чтобы он видел в очках то свою перекошенную рожу, то освещенное закатом окно, то люстру с куском потолка. Уж этому-то я за одиннадцать лет своего канцлерства научился, чай, этот хмырь далеко не первый, с кем велись подобные беседы. А установки на такие картины ему были даны заранее.

— Тогда не понимаю, зачем все эти сложности. Не проще ли было его сразу допросить под гипнозом — и все?

— Если бы нам от него требовался конкретный ответ на один вопрос, то да. Но нам же нужно абсолютно все, что он хоть теоретически может вспомнить! А для этого клиента нужно привести в соответствующее состояние, что и было сделано. Когда энтузиазм у него малость ослабнет, придется повторить сеанс, ничего не поделаешь. Хотя, конечно, я ожидал более скромного эффекта.

— Наверное, все эти твои фокусы отвечали потребностям каких-то сторон его души, — предположил Гоша. — Вот только я не уверен, что лучших.

— А мне кажется, что именно их. Ну чего еще приличного могло в нем пробудиться? Тут хоть человек загорелся рвением. Направить его в нужную сторону — и все, даже после окончания операции с Арутюняном этого Кисина можно будет куда-нибудь пристроить.

— Начальником лагеря, к примеру.

— Да ты что, это же очень ответственная должность, у Виктора Ивановича мигом половина заключенных разбежится, а оставшиеся сядут писать книжки против нашего кровавого режима. Нет, подберем ему что-нибудь попроще, где нельзя напортачить, но об этом можно будет подумать и потом.

— Это хорошо, что ты все-таки собираешься подумать, — заметил Гоша, — потому что кем бы он ни был, но сказано — мы в ответе за тех, кого приручили.

— Я, что ли, его тебе приручал? Тоже мне, нашел дедушку Дурова. Сам он приручился, потому что давно хотел, а мы просто направили этот процесс в конструктивное русло. И хватит, ну его в зад, этого Кисина, мне из-за него сегодня даже пиво кажется каким-то кислым.

— Хватит так хватит, — согласился Гоша, — тем более ты знаешь, отчего я про приручение вспомнил? Недавно «Маленького принца» перечитал, и даже как-то жалко стало, что у нас такой книги не будет.

— Вполне возможно, что и будет. За Сент-Экзюпери сейчас присматривает целая группа, чтобы его биография поменьше отличалась от той, что была в другом мире. Воздушную экскурсию ему устроили еще в двенадцатом году, точно как там. Заранее уже Ренэ де Соссин ищем, правда, пока никак не можем найти. Если и потом не найдем, придется соображать, где взять замену. В смысле, в каком именно отделе. Так что я все-таки надеюсь, что такой великий писатель будет и у нас. Полного совпадения книг вряд ли стоит ждать, но это не так страшно. Наверняка даже лучше что-нибудь напишет, потому как в побежденной стране писательские таланты почему-то расцветают ярче. Там он оказался в такой ситуации только в сорок лет, а здесь — уже. Но вот с Ремарком, боюсь, мы тут пролетаем. Не новую же войну ради него устраивать! А без нее в лучшем случае получится нечто чуть выше среднего, хотя интересно будет посмотреть, что именно. Ну и давай перейдем к основной теме сегодняшней встречи — нужна твоя санкция.

— Бери, — пожал плечами Гоша, — тебе ее в устном или письменном виде? В принципе, конечно, неплохо было бы узнать на что, но это не обязательно.

— На расширение наших иномирных операций до территории Азербайджана. Подготовка агентов в целом закончена, а как только мы в очередной раз запустим время в двадцать первом веке, к гостившему у нас думцу придет наш человек и потребует поделиться бакинскими связями, они у него есть. Мы же выцарапали именно эту сволочь не только за выдающуюся мерзость натуры, хотя и этот мотив присутствовал, а потому, что он паразитирует на близких к нефтянке кругах.

— Разумеется, делай что считаешь нужным. Кстати, а можно тебе задать небольшой такой вопросец типа теста?

— Про кошачью бумагу из Штатов?

— Ну вот вечно так, захочешь сделать тебе сюрприз, а ты, оказывается, уже в курсе. Я же это письмо полчаса назад получил из рук в руки, когда твои орлы его прочитать-то успели?

— Недели три назад, в Штатах, когда оно только писалось. Правда, это

был черновик, так что интересно будет посмотреть, не добавили ли чего. А кто привез? По дипломатическим каналам его передавать отказались, насколько я в курсе.

— Ну хоть чего-то не знаешь, — довольно откинулся на спинку стула Гоша. — Один не очень известный, но с моей точки зрения вполне приличный американский писатель, Сетон-Томпсон. Будет свободное время, почитай, рекомендую.

— Это он кому не очень известный, тебе, что ли? Да в Советском Союзе на его книгах выросли десятки поколений юных натуралистов! И даже я, хотя юннат из меня не вышел. Значит, сам вот так взял и привез? Вот ведь незадача какая...

Это письмо явилось хоть и несколько запоздавшей, но зато бурной реакцией на мою дезу о том, что нашими крылатыми ракетами управляют специально обученные кошки. После смерти Черчилля небольшая часть его дневников попала в руки американцев и была опубликована. Ничего особо интересного там не содержалось, но надо же к чему-то прицепиться! Вот и докопались до кошек. Сначала просто копили возмущение, но где-то полгода назад организовали международный кошкозащитный комитет и начали агитацию за давление на Россию. Чтобы, значит, та перестала принудительно забривать милых зверьков в свой ИВВФ, где их ждет мученическая смерть, а разрешила свободную эмиграцию кошек на Запад. Данное движение было поддержано Альперовичем, потому как распространение оно получило только в южных штатах, а всякое, хоть даже и самое слабое, подобие нагнетания напряженности между Севером и Югом нами весьма приветствовалось.

— Так чего же здесь плохого, что письмо привез именно Сетон-Томпсон? — не понял император.

— Я же надеялся, что курьером будет или совсем простой и ничего не понимающий кошкозащитник, или кто-нибудь из Управления стратегических служб. Тогда можно было бы с каменным выражением на морде объяснить, что все это гнусные и лживые измышления врагов, а если собеседник усомнится, пообещать засунуть его в ракету вместо кошки и запустить. Теперь же подобные алгоритмы не годятся. Ты ему когда ответ обещал?

— На днях, точной даты не называл. Да, с ним придется поуважительней... Слушай, а почему бы тебе не заявить, что среди кошек очень популярен кодекс самурая? И они относятся к людям снисходительно только потому, что не видят в них даже слабого подобия настоящего сегуна. Но когда увидят — их существование наконец-то приобретет истинный

смысл. Отдать жизнь за хозяина! Сможет твой Рекс изобразить из себя что-нибудь этакое? То, что ты сможешь прикинуться тем самым сегуном, я не сомневаюсь.

— Да, пожалуй, в этом что-то есть. Причем показать лучше не одного Рекса, а вместе с детьми. Правда, их всего пять, в сумме число будет какое-то неправильное. Хотя если в команду добавить Рыжика, получится как раз семь самураев, то есть оптимальное количество. И зря ты насчет него сомневаешься — да, он у нас, мягко говоря, не Спиноза. Но команду «Фас!» знает отлично и выполняет не задумываясь, с огромным энтузиазмом. А орет как! Не слышал? Ну это ты много потерял. Почти как сирена у пикировщика. Хорошо хоть редко, но для такого случая мы его попросим продемонстрировать вокал.

— Меня не забудь позвать на этот цирк, — усмехнулся Гоша, — но вообще-то не знаешь, чего это они возбудились именно сейчас?

— А ты вспомни, что в январе было в Ливии.

По Ялтинскому договору двенадцатого года Ливия становилась зоной интересов Германии. Тут, пожалуй, не помешает сделать небольшое отступление.

Представьте себе, что кто-то всю жизнь недоедал. Не то что голодал на грани смерти, а просто питался небольшими количествами простой и не очень качественной пищи. Что будет с этим человеком, если вдруг предоставить ему возможность есть без ограничений, причем продукцию лучших поваров? Пусть он и все понимает, но, один черт, поначалу обожрется. И только намучившись запорами и поносами, приобретет хоть какую-то сдержанность в еде, это в самом лучшем случае. Обычно же средний индивидуум в такой ситуации спохватывается лишь тогда, когда обнаруживает, что отныне он может лицеизреть свое хозяйство только в зеркале, а напрямую мешает брюхо.

Так вот, с момента своего образования Германская империя находилась в состоянии довольно жесткого сырьевого и территориального голода. Поэтому, как только по результатам войны были получены огромные и богатые территории, она со всем пылом, забыв о сдержанности, ринулась их осваивать. И если с Алжиром у них хоть с трудом, но что-то получалось, то в Ливии немцы откровенно увязли. Все три до того собачившихся друг с другом повстанческих движения объединились и не выпускали немцев за пределы хорошо укрепленных гарнизонов, а в последний год провели несколько удачных штурмов, отчего и без того небольшая контролируемая Германией территория еще сократилась. Не последнюю роль в этом играли английские военные советники, присутствующие там в немалых

количествах. Кайзер слал гневные ноты Эдуарду Седьмому, но тот отвечал, что Англия тут ни при чем. После войны на островах голодно, опять же высокая безработица, особенно среди офицеров. Вот они и ищут себе службу частным порядком. Если бы его величество Вильгельм Второй финансово поспособствовал решению данной проблемы, то ее наверняка можно было бы снять, заверял кайзера Эдик. А пока у Великобритании не хватает денег даже на положенные по закону мизерные военные пенсии.

Видя бедственное положение союзника, Россия послала в Ливию три эскадрильи модернизированных «Похухолей», вооруженных крылатыми ракетами «воздух — земля» последнего поколения. И несколько лагерей повстанцев было уничтожено, благодаря чему немцы сначала восстановили статус-кво, а потом даже смогли организовать два новых форта. Англичане же, посмотрев на применение этих ракет, сделали вывод, что объяснить их эволюции в воздухе телеуправлением невозможно. А наличие там пилота не объясняет точность ночных ударов, да и размеры этих ракет отменяют всякую мысль о том, что там может поместиться человек. И, значит, в числе прочих отрабатывалась кошачья теория. Кроме того, в ближайшее время противник получит новую порцию пищи для размышлений. Один сбежавший в Уругвай московский анархист скоро выпустит свою разоблачительную книгу «Голова профессора Доуэльского», которую по мотивам соответствующего романа Беляева накорябал коллектив георгиевских авторов под присмотром Фишмана.

— Ладно, — сказал я, вставая, — придумаем что-нибудь специально для Сетона-Томпсона. Спокойной ночи, мне пора к себе.

Однако придумывать почти ничего не пришлось. Стоило мне зайти в свое жилое крыло, как я был встречен супругой.

— Научил Настю в шахматы играть? — озадачила меня вопросом Мари. Причем по ней можно было заметить, что случилось нечто экстраординарное. — Но ведь со мной ей неинтересно, с Алешей тоже — выигрывает. А сам с ней почти не играешь! Так она сегодня вечером села с Рексом. Он у нее выиграл, представляешь себе?!

— Ну подумаешь, выиграл, не такой уж у нас дочь великий гроссмейстер.

Но тут, хоть и с некоторым опозданием, я врубился.

— Как с Рексом — в шахматы? С этим котом?!

— У нас что, в Гатчине есть еще какой-то Рекс? — вполне резонно осведомилась Мари. — Именно с ним!

— Да как же он фигуры переставлял?

— Настя им шарфики из войлока сделала.

— Может, он просто двигал фигуры наобум, а ты это приняла за игру? Мари задумалась. Сама она знала, как ходят, и не более того.

— Вроде он ходил правильно, — неуверенно сказала она.

— Где это было?

— В гостиной.

— На столике у окна? Тогда должна была получиться хорошая запись, я, пожалуй, прямо сейчас схожу. Ты со мной?

— Зачем, когда я это всего два часа назад видела своими глазами! Говорила ведь, что Рекс умнее половины здешнего народа! А ты не верил, так сходи и посмотри.

Когда я пришел в аппаратную и попросил прокрутить двухчасовой давности запись из гостиной, дежурный техник улыбнулся:

— Хотите посмотреть, как дочка играет? Сегодня она что-то была не в ударе. А вот Рекс — молодец! Королевский гамбит он провел просто отлично, приятно было посмотреть.

Чувствуя, что у меня потихоньку трогается крыша, я уставился на экран. Сомнения в том, что Рекс двигал фигуры осознанно, исчезли сразу. Он именно играл, и причем весьма неплохо, примерно как Настя. А вот она сегодня играла заметно хуже своего обычного уровня. Мат на двадцать четвертом ходу, это же надо! Хотя стоп...

Я попросил прокрутить этот кусок еще раз. Теперь я анализировал только игру, отвлекшись от состава игроков. Белые с войлочными шарфиками развивали партию ну точно как Настя! У нее уже появился свой стиль, который вполне можно было узнать. А вот черные вели себя просто никак.

Просмотрев запись в третий раз, я наконец понял, в чем тут дело, и облегченно вздохнул. Весь смысл игры для Рекса заключался в том, чтобы понять — какую фигуру и куда надо переставить, чтобы это совпало с Настиными желаниями. То есть это были не шахматы, а Настин спектакль, где она вела и черных, и белых. А для Рекса — угадайка. Но все равно, силен хвостатый! Да и Настя тоже, вон чего придумала. И, значит, вопрос, что именно показать Сетон-Томпсону, прояснился сам собой.

ГЛАВА 12

Обычно мой рабочий день начинался со встречи с дежурными секретарем и референтом. Каждый представлял мне обзор событий за прошедшие сутки, уже расфасованный по папкам «Нехорошо», «Катастрофично» и «Все остальное». Секретарь отвечал за открытые источники, в основном прессу и народный контроль, а референт — за не совсем открытые. Вовсе уж секретные доклады я получал напрямую, как правило, от Танечки или Алафузова. Такой порядок сложился сам собой, исторически, потому как первое время, только став канцлером, я обычно начинал день с вопроса своей команде: «Ну-ка, чего у нас тут случилось непоправимого и какую из этого можно извлечь пользу?» Ибо извлечь ее из благоприятного события сможет любой дурак. Правда, он скорее всего извлечет не всю возможную пользу, но это уже другой вопрос.

Сегодня у обоих молодых людей, ждавших моего появления в приемной, в руках было по две папки — «нехорошая» желтая и «остальная» зеленая, то есть катастрофических событий за прошедшие сутки не усмотрел ни секретариат, ни отдел референтов, иначе присутствовали бы и красные папки.

Естественно, я начал обзор с желтых. Что интересно, там описывалось в общем-то одно и то же: опять проворовались народные избранники уездного уровня, на котором у нас практически вся власть была выборной. В папке от референта описывалось три случая, в секретарской — два, но зато один был рассмотрен только тут. Речь шла о воровстве, которое было вскрыто народными контролерами, а комиссары проморгали. Ничего страшного, бывает, так что поиска виновных пока не предвидится, а вот внутреннее расследование — действительно ли невнимательность была бескорыстной — произойдет обязательно. Об этом уже стояла соответствующая закорючка, такие вещи давно решались автоматически, без моего участия.

Однако здесь пора что-то делать, подумал я. Ибо исключения, конечно, случались, и не единичные, но все-таки, как правило, служба народного избранника проходила следующие этапы. Только заняв должность, он еще не воровал, но и работал не очень эффективно в силу недостаточной опытности. Потом опыт приходил, и избранный начинал трудиться на благо народа так, что просто любо-дорого было смотреть. Правда, при очень внимательном взгляде иногда получалось заметить, что в процессе своего

служения избирателям слуга народа самую малость, почти незаметно подворовывает. А иногда не получалось, то есть он делал это незаметно без всяких «почти». Это, так сказать, было золотое время народных избранников. Но с той же неотвратимостью, с коей за осенью следует зима, за вторым этапом депутатской деятельности следовал третий. Гад начинал не подворовывать, а воровать, отдавая этому занятию все силы своей души. Разумеется, вскоре начинался четвертый, заключительный этап — на Колыму или Вилую. В большинстве случаев все эти метаморфозы укладывались в три года, при сроке депутатских полномочий в четыре. То есть конфиската даже не всегда хватало на организацию внеочередных выборов.

После обзора шло предложение из народного контроля — снизить срок полномочий до двух с половиной лет. Мол, тогда в депутатской службе будет только первый этап, «золотой» второй и в худшем случае самое начало третьего.

Нет, прикинул я, разоряться на частых выборах — это не наш метод. Да и вряд ли урезанным окажется этап беспардонного воровства, более вероятно, что будет сильно сокращен второй, который мы условно считаем лучшим, вот и все. Тут нужно что-то другое. Например, вместо безусловных выносить условные приговоры.

У нас такое практиковалось в Конституционном суде, но здесь нужно подойти к вопросу творчески. А возможно, потом и подкорректировать документы для КС. Итак, что такое условный приговор? В Федерации это в основном лазейка для тех, у кого деньги-то есть, но на полную отмазку или не хватает, или просто душит жаба. Так что вроде бы человек получает срок, и ему ставят условие — больше ни-ни! А то действительно отправим отсиживать. Ну не бред ли? Мы сделаем не так. Раз человек согрешил перед обществом, он должен это как-то компенсировать. Один вариант — сам в карьер на Вилую, России нужны алмазы, а экскаваторов у нас еще очень мало. Имущество, естественно, под конфискацию. Но, как любит повторять Гоша, всякому надо дать возможность проявить лучшие стороны его души. В данном случае обвиняемому предложат условное осуждение, и дальше уж ему решать, соглашаться или готовиться к ближайшему этапу. Ибо приговор потому и будет называться условным, что потребует выполнения чего-то очень непростого, но в принципе возможного. Выполнил с блеском — судимость снята, имущество не конфискуется, плюс государство платит за выполненное задание. Завалил его — или утроение срока, или сразу веревка. Ну и промежуточные варианты, понятно.

Причем для депутатов все будет очень просто. Если проворовавшийся выберет условный срок, то он остается на своем месте, но подписывает бумаги, что отныне его взаимоотношения с государством будут осуществляться на внесудебной основе. То есть сразу через седьмой отдел. И далее он трудится без выходных, отпусков и права хоть на полдня покинуть свой уезд, зная, что за ним теперь гораздо более пристально следят и что курирующему комиссару ничего не придется доказывать, подозрений вполне хватит. По окончании срока полномочий параллельно с выборами электорат по десятибалльной шкале оценивает деятельность своего предыдущего избранника. Если он наберет единицу — избирательная кампания заканчивается торжественным повешением. Десятку — приговор отменяется, снимается арест с имущества, все наворованное возвращается, ну и плюс доплата за неиспользованные отпуска и выходные.

Но вот бездумно переносить эту систему на верхние эшелоны власти не следует. Ибо на уездном уровне некоторый популизм не повредит, а вот Дума, скажем, в идеале должна заботиться не о сиюминутном, а о долгосрочных перспективах развития страны. Правда, утверждать, что сейчас она у нас активно занимается именно этим, мог только самый оголтелый оптимист, да и то спяну. Но покажите мне хоть один парламент в мире, про который можно, не кривя душой, сказать, что он в поте лица работает на будущее своей страны? Не получится, причем без разницы, у нас такое искать или в двадцать первом веке.

Здесь я почувствовал, что мой законотворческий порыв иссякает. И дабы зря не насиловать организм, сделал несколько пометок и отложил бумаги про всенародно избранное ворье в специальную папку, где содержались документы, которым по тем или иным причинам надо было вылежаться. Пустить сок, образно говоря. После чего отпустил референта, а сам отправился к Танечке — выпить кофе и послушать какую-то новость средней интересности, о наличии которой говорил мигающий зеленый светодиод на моем табло.

— Шеф, — встретила меня директриса ДОМа, — вчера вечером я взяла на себя смелость порекомендовать Никонову двухмесячное послушание в монастыре. С целью повышения молитвенной квалификации. В ближайшее время он обратится к вам с просьбой на эту тему.

— От те раз, — дивился я, — ему мало знания, сколькими пальцами и в какую сторону следует креститься?

— Дело в том, что эксперимент с возможными отрицательными

последствиями воздействия портала на организм, оказывается, увенчался некоторым успехом. Но точно о его результатах я узнала совсем недавно.

Я припомнил — действительно, было такое, на одной из наших первых межмировых встреч, еще до войны. Тогда Никонову сказали, что путешествие через портал может нанести некоторый ущерб здоровью, типа расстройства желудка или легкой экземы.

— Мои девочки еще полгода назад обратили внимание, — продолжала Татьяна, — что Петр Сергеевич перед отбытием в тот мир старается ничего не есть не меньше суток. Ну он мне и признался — действительно, при возвращении к себе его мгновенно прохватывает сильнейший понос. Я в ответ посоветовала молиться перед переходом искренне, от души, а не просто стоять и ждать, когда монахи кончат бубнить. И добавила, что в случае особо истовой молитвы воздействие портала может даже сменить знак на положительный. Так вот, не так давно у него прямо перед переходом случилось обострение геморроя, и это, видимо, подвигло страдальца к повышенному молитвенному рвению. И каково же было его изумление, когда после перехода все симптомы как рукой сняло! А монахи с моей подсказки ему сообщили, что так можно вылечить не только геморрой, а вообще что угодно. Вот он и проникся.

— Замечательно, — в предвкушении потер руки я, — умеете вы, Танечка, с утра поднять настроение! Я, пожалуй, прямо сейчас позвоню отцу Антонию.

— Да, я так и думала, что в качестве монастыря вы порекомендуете именно Высоцкий, — улыбнулась директриса.

Дело было в том, что жизнь послушников у отца Антония была отнюдь не сахар, а нечто вроде курса молодого бойца. Подъем — в полшестого, с шести до семи утренняя служба, потом два часа работ на стройке. Снова служба с десяти до часа. Обед (завтраков в монастыре не практиковалось), после которого получасовой отдых. Снова работы до шести вечера. Потом — служба, после нее ужин, затем снова служба до десяти. Полчаса личного времени и отбой.

Причем среди послушников уже попадались персоны из достаточно высоких слоев общества. Ибо мало того, что отец Антоний имел заслуженную славу подвижника, так ведь все кому надо знали: он может в любой момент без доклада зайти хоть к императору, хоть к канцлеру и сказать им все, что про них думает. Правда, он никогда этой возможностью не пользовался, но вот этого-то почти никто и не знал. От наших предложений занять какие-нибудь посты в руководстве церкви он категорически отказался. А когда я, малость подготовившись, с помощью

цитат из Евангелия попытался поколебать его упорство, он, улыбнувшись, заметил:

— Георгий Андреевич, церковная риторика и светская дипломатия — это разные вещи. Поэтому лучше давайте перейдем на более привычную для вас почву. Наверняка ведь вы помните, что сказал Козьма Прутков по данному поводу?

— «Всякий необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте», — подтвердил я.

— Вот именно. И мое место — иеромонах в монастыре. Даже не настоятель — отец Пантелеймон с этой ношей справляется лучше, чем мог бы я, — и уж тем более не какой-то еще более высокий чин. А по мере сил помогать вам в ваших начинаниях, идущих на пользу России и церкви, мне никто не мешает.

Так что я позвонил в Серпухов и попросил, чтобы отец Антоний, как освободится, связался со мной. Ибо кабинета у него не было, в своей келье он только ночевал, а искать его надо было либо на богослужении, либо на стройке. Ну или в библиотеке.

Однако вовремя Никонов озаботился своим здоровьем, размышлял я после беседы с Татьяной у себя в кабинете, потому как уже имелись доклады о некотором недоумении клиента: да когда же его наконец начнут шантажировать? Объем доказательств супружеской неверности уже перевалил за гигабайт и продолжал увеличиваться. Однако Петр Сергеевич зря надеялся, что я стану применять столь грубые и потому неэффективные методы. Во-первых, не очень-то оно ему и страшно, иначе бы он так не подставлялся. А во-вторых, вербовка хоть сколько-нибудь ценного человека возможна только при наличии положительной мотивации. Отрицательная же должна играть сугубо вспомогательную роль, а в принципе можно прекрасно обойтись и без нее.

Тут, конечно, меня могут спросить: «И что же ты не применил такие размышления к недавно гостившему в гатчинском подвале думцу?»

«Ну вы и даете, — потрясенно разведу руками я в таком случае. — Да чего же в этом ползучем гаде можно найти ценного? Надо будет, наловим хоть десяток такой же мерзости, в Федерации это не дефицит».

А вот Никонов представлял собой куда более привлекательный кадр. Во-первых, чисто по своим человеческим качествам — у него в характере не было потребности самоутверждаться за счет унижения других, это мы уже проверили. Да, разумеется, на пример бескорыстного слуги своего народа он не тянул совершенно, но поиск идеала вообще является довольно неблагоприятным занятием, а уж искать его мало того что в верхних

эшелонов власти, так еще и в постсоветской России — это надо быть уже совсем дебилом. В общем, Петр Сергеевич вполне устраивал нас таким, каков он есть, и надо будет попросить отца Антония обратить на него особое внимание. Не в том смысле, что создать какие-то тепличные условия — да пусть его там хоть замордуют до полусмерти, если это поможет научить нашего гостя молиться. Ибо молитва есть один из лучших способов сконцентрироваться на желаемом, отринув в сторону все остальное. А вот после того, как Петр Сергеевич на своей шкуре почувствует все возможности портала по улучшению состояния организма, с ним можно будет поговорить и более предметно.

Наша встреча с представителем Федерации в Российской империи состоялась через день. Я пригласил Никонова пообедать, причем не в столовую и даже не в свой кабинет, а в наши с Мари апартаменты.

— Всего второй раз за месяц с семьей обедаешь, — не упустила случая попенять мне супруга, — и опять не просто так, а в целях произвести на кого-то впечатление! Ладно, на прошлой неделе привел Сетон-Томпсона, все-таки Настеньке с ним было интересно. А сейчас кого?

— Никонова.

Мари сразу посерьезнела.

— Готовишь ему какую-то пакость?

— А это уже от его поведения будет зависеть.

— Хорошо, — кивнула Мари. — Настенька, наверное, опять будет играть в шахматы с Рексом. Зрелище, конечно, совершенно убойное, мне так до сих пор не по себе, хоть и знаю, в чем тут дело. А что требуется от меня?

Я объяснил.

— Ты бы еще за минуту предупредил! — возмутилась супруга. — Ладно, пожалуй, успею, в крайнем случае опоздаю немного.

И она исчезла, а через сорок минут меня известили о прибытии Петра Сергеевича.

Первое, что он увидел, войдя в гостиную, был небольшой столик, за которым Настя с Рексом играли в шахматы. Рядом сидели четырехлетний Андрейка с Цезарем, сыном Рекса и Светлой, и с интересом наблюдали за партией.

— Дочь, к нам гости! — сообщил я Насте.

— Пап, ну еще минут десять, и я у него наконец-то выиграю! Вы не обидитесь? — обратилась она уже к Никонову. — Папа вас пока пивом напоит.

Рекс пренебрежительно мяукнул и двинул своего офицера. Настя

обхватила голову руками — ход был весьма интересный.

В отличие от первого раза, теперь она научилась играть одновременно и за черных, и за белых, разыгрывая не лишние изящества партии. На одну из них сейчас потрясенно смотрел Никонов.

Через десять минут они действительно закончили — правда, получилась ничья. Кажется, Петр Сергеевич начал понемногу приходить в себя, но тут ему был нанесен куда более мощный удар. Открылась дверь, и в комнату вошла молодая красавица, одетая в простое платье без всяких украшений, что только подчеркивало ее неотразимость.

— Дорогая, — обратился я к ней, — позволь представить тебе уполномоченного от Федерации Петра Сергеевича Никонова. Петр Сергеевич, познакомьтесь, это моя супруга. Ее величество Мария Федоровна Найденова-Романова.

— Очень приятно, — кивнула Мари и протянула руку для поцелуя.

Никонов стоял столбом и офигевал. То, что я выгляжу довольно молодо для своих лет, он заметил давно, но ведь это еще неизвестно, когда я на самом деле родился. Однако тут-то все очень даже известно! Разумеется, он уже видел фотографии и портреты Мари, но мало ли что там можно изобразить. И сейчас он обалдело смотрел на неприлично молодую женщину, зная, что на самом деле ей шестьдесят шесть лет.

Пауза затягивалась, так что мне пришлось сказать «Гм!». Никонов опомнился и приник губами к протянутой ему руке. Это, кстати, давало куда более точную информацию о возрасте дамы, чем лицо или фигура. Правда, рассматривать руку надо внимательно, но он ведь именно этим и занялся. Ишь как глазенки-то к переносице сошлись! Смотри, смотри, Мари и по рукам дашь не больше половины ее возраста, уж я-то знаю. Однако, блин, долго он там еще будет слюнявить руку моей жены?! Уже вторая минута пошла! Тоже мне, дорвался, донжуан недоделанный.

— Гмм!!! — куда выразительней, чем в первый раз, произнес я.

Никонов отлип от руки и, бормоча что-то вроде: «Ваше величество, я потрясен», отступил шага на два.

Вот так, голубчик, мысленно резюмировал я, теперь ты с превеликим энтузиазмом будешь таскать со станции кирпичи для отца Антония. Или бревна с Нары. Она хоть и совсем рядом с монастырем, но почти на сто метров ниже него, так что незабываемые впечатления тебе гарантированы.

ГЛАВА 13

Всё, подумалось мне при заходе на посадку в Гатчине, сегодня больше никаких дел, до восьми сижу в кабинете и горжусь собой, потом ужинаю с семьей, а величество, если его совсем любопытство замучит, пусть приезжает в гости. И все равно придется потерпеть, потому что потом я не меньше часа проведу с Настей и Андрейкой. Ну а уж после этого, пожалуй, и расскажу, что, оказывается, мозги у меня вовсе не покрылись плесенью от непрерывного администрирования, изредка прерываемого плетением интриг.

Ручку на себя, «Тузик» мягко касается полосы всеми тремя точками и останавливается точно напротив ждущего у конца полосы автомобиля. Обычное дело, прилетел какой-то курьер, их тут иногда случается и по паре десятков на день. То, что это не курьер откуда-то там, а канцлер с объекта «Заря», знают очень немногие. Те, кому положено. Работа у них такая — охранять того самого канцлера.

Придя к себе, я налил в кружку чаю, надкусил бутерброд и приступил к выполнению задуманного. Как они офигели, Капица с Френкелем, когда не какой-нибудь паршивый атом водорода, а чуть ли не целый миллиграмм золота мало того что телепортировался на три метра от установки, так еще и финишировал точно в регистраторе! Какими скачками эти молодые гении потом неслись от бункера, из которого мы дистанционно управляли экспериментом, до установки! Когда я степенно подошел туда же, они уже устали ругаться и потребовали у меня объяснений или хотя бы гипотез.

— Где-то здесь, кажется, было пиво, — высказал я первую из них. — Случаем, не припомните, где именно? Ну раз оно в холодильнике с образцами, то, Петя, не будете ли вы так любезны его достать? Спасибо, и себе берите, в двух словах все объяснить не получится. Итак, в вашей теории все было замечательно, кроме одного. Все расчеты исходили из наличия в нашей вселенной какого-то условного центра, координаты которого или неопределенны, или как минимум неизвестны.

Гении покивали. Да, основу их теории составляло именно допущение, что наше пространство тоже вариантно, причем со знаком плюс, то есть объем любого тела, измеренный изнутри, будет больше, чем он же, но измеренный снаружи. Просто вблизи условного центра эта разница бесконечно мала, а по мере удаления от него она потихоньку увеличивается. Следствием из этого допущения являлось предположение о

наличии еще какого-то пространства, в котором наша вселенная занимает весьма небольшой, но все же не бесконечно малый объем. И частицы прыгали из камеры именно в это внешнее пространство, после чего возвращались обратно. Или не совсем обратно, как в случае с гостями из восьмьдесят девятого года. Вот только теория Френкеля с Капицей неплохо предсказывала расстояние переброса, но не могла абсолютно ничего сказать о его направлении.

— Так вот, — продолжил я, — мысль моя проста, аки мычание. Предположим, что координаты условного центра действительно неопределенные. То есть он может быть и на обратной стороне Луны, и в десяти парсеках от нас, и вообще хрен знает где. И все эти точки нам равно фиолетовы в том смысле, что не дают никакой базы для расчетов. А в каком случае вся ваша математика вырождается в простенькое уравнение, которое недолго решить и в уме? Правильно, это если центр нашего пространства находится вот здесь.

Я потыкал пальцем в установку и закончил свою мысль:

— Значит, я и задал режимы, исходя из вот такого допущения.

— Но как это может быть — мы что, его всякий раз формируем сами? — усомнился Френкель.

— А я знаю? Мне просто так считать было проще, и все дела. Никакой другой вариант обсчету вообще не поддавался. Вы же здесь физики-теоретики, вот и думайте. Но это потом, а сначала надо составить новую программу экспериментов, исходя из только что зафиксированного факта.

Я отставил пустую кружку и с некоторым сожалением отвлекся от приятных воспоминаний. Пожалуй, до ужина с семьей можно успеть и маленько поработать, так что из сейфа были извлечены бумаги о проворовавшихся депутатах. Прочитав их еще раз, я наложил резолюцию:

«Исходя из изложенного выше видения условного осуждения, рассмотреть вопрос об увеличении срока депутатских полномочий до пяти лет».

Потому как если тот самый депутат вдруг ведет себя бескорыстно, то вряд ли он на этом надорвется за лишний год, хотя, конечно, ему станет чуть труднее. Зато в противоположном случае у него появится время поработать над искуплением вины. И наконец есть и еще одна группа, этих подвигает на воровство приближение окончания срока. Мол, депутатствовать-то остается совсем мало, а я почти ничего не успел! С такими тоже получится положительный момент — они пустятся во все тяжкие на год позже.

Вечерний визит к семье начался для меня с возмущенного вопроса

Андрейки:

— Пап, почему Настин Рекс умный, а мой Цезарь глупый? Потому что он пушистей, да?

— Так, — заинтересовался я, — и чем же тебе не нравятся его умственные способности?

— В шахматы играть не умеет!

— А ты его учил?

— Так ведь и я не умею, — признался сын.

— Ну вот видишь, а чего же ты тогда хочешь от кота. Кто его учить-то будет, Светлая? Но ловить мышей и прятаться под диваном она его давно научила.

— Чтобы он хотя бы кивал, как Рекс, когда с ним Настя разговаривает! А Цезарь только головой мотает.

— Вдруг это потому, что ты не говоришь ему ничего, с чем можно согласиться? — предположил я. — В общем, коты, конечно, бывают и умнее своих хозяев. Но совсем умные этого не показывают! Чтобы зря не обижать человека. Может, и тут так? Ты подумай, а лучше сам учись постарательней.

Когда мы уложили детей спать, Мари поинтересовалась:

— Как там твой Никонов себя чувствует, подействовало на него наше представление?

— Еще как! Он теперь кирпичи на строящуюся колокольню таскает. До второго этажа — по лестнице, а дальше до самого верха по лесам. Очень полезное занятие, особенно для тех, кто боится высоты.

— Не упадет?

— Ну если сразу не упал, то теперь уже вряд ли. Кстати, в процессе наблюдения выяснилась интересная вещь. Он, как на леса вылезет, тут же начинает читать про себя «Символ веры», это Танины девочки по губам увидели. Как раз до верха ему и хватает, если не филонить.

— Вот уж действительно поразительные вещи иногда происходят в мире, — заметила супруга. — Неужели человеком станет? Хотя вряд ли, ведь он потом все равно вернется к себе и придет в прежнее состояние.

— А вот это мы еще посмотрим, — пообещал я. — То есть вернуться-то он вернется, но кем станет — это пока еще вопрос. Однако над ним работают.

— Это понятно. И все же — зачем этот тип нам вообще нужен? После победы в мировой войне надобность в их технологиях для нас сильно уменьшилась, как я понимаю.

— Не совсем правильно понимаешь, — заметил я. — Почему та война

вообще началась? Да потому, что наши противники чувствовали себя в силах победить. Правда, это оказалось ошибкой, но они того не знали. А если бы у нас тогда было такое оружие и такая армия, как сейчас? Сидели бы тихо и изобретали всякие дипломатические методы воздействия. Но ведь противоречия между странами никуда исчезнуть не могут, и в будущем возможны новые войны. Не менее разрушительные, чем в том мире. И способ избежать их я вижу только один — быть многократно сильнее любого вероятного противника. Это, если так можно выразиться, задача ближнего плана. Однако ведь есть и еще одна. Читала всякую фантастику про апокалипсис? Типа метеорит размером чуть не с Луну прилетит или какая-нибудь чума из космоса. Вполне возможное дело, динозавры-то как раз от такого и померли, а ведь поживучей людей были. Так вот, пока мы по космическому времени отстаем от того мира, это дает нам фору. Например, случится у них какая-нибудь бяка в двенадцатом году, как хором обещают всякие экстрасенсы, шарлатаны и писатели. У нас будет время подготовиться. Ну а со временем станет наоборот, и тогда тот мир будет последним убежищем, если нашему придется туго. Тоже с форой во времени. Так что хотя бы из этих соображений надо усиливать наше влияние там, чем я помаленьку и занимаюсь.

На этом наша беседа была прервана сообщением о прибытии его величества. Гоша, как воспитанный сын, сначала зашел к матери, тем более зная, что и я нахожусь у нее. И минут пятнадцать рассказывал ей о Вовочке и Костике, пока она не сжалилась:

— Да ладно, идите, по лицу вижу, случилось что-то.

— Действительно случилось, — подтвердил император, когда мы оказались у меня в кабинете. — Даже как-то неудобно, но я сейчас совершенно не в настроении обсуждать твои научные достижения. Вот, почитай, это лично мне пришло из народного контроля.

Я взял бумагу и по мере прочтения все больше убеждался — дело серьезное.

Сразу после войны в наших руках оказался сбежавший было в Париж Путилов — бывший председатель совета директоров одноименного завода. Естественно, его тут же посадили. Дали немного, всего пять лет, из соображений потом добавить, если понадобится. И действительно понадобилось, потому как часть его капиталов все-таки оказалась в Штатах, и появление не то что там, а вообще на свободе еще и их владельца было нежелательно. Понятно, что все делалось в строгом соответствии с законом, на внесудебную процедуру вновь вскрывшиеся обстоятельства, по которым сидельцу собирались добавить срок, не тянули.

Курировалось же это дело императорским комиссариатом. Так вот, в поданном мне императором документе доказательно утверждалось, что приговор был зачитан судьей по бумажке, пришедшей именно оттуда.

То есть случай и в самом деле был вопиющий. Ведь как все это должно происходить? Разумеется, приговоры по делам государственной важности действительно пишутся в соответствующих конторах, это и ежу понятно. Причем такое происходит далеко не только у нас. Но потом-то все должно идти совсем не так! Судья обязан выучить свой приговор если и не наизусть, то близко к тексту. Потом курирующий комиссар проведет как минимум одну репетицию, а мои так меньше чем двумя не обходились никогда. Одновременно производится предварительное ориентирование прессы. И только тогда, когда придраться уже абсолютно не к чему, начинается открытый процесс в лучших традициях независимого судопроизводства. А тут? Сплошная халтура, все подряд шито белыми нитками так, что даже противно смотреть.

— И что будем делать? — поинтересовался император.

— Ты со скорбной мордой на лице сообщишь, что твои комиссары действительно допустили противозаконные деяния, что нехорошо. А потом этим делом займусь я и наглядно объясню, чего именно тут было не так и как надо на самом деле. С соблюдением как законности, так и гласности. Чтобы ни у кого и тени сомнения не осталось, за что именно этих деятелей прессуют. Охренеть, до чего у тебя в комиссариате народ обленился! Уж куда там репетиции проводить — на место съездить и то в лом, бумажки шлют. И это в то время, когда у нас на Колыме треть золотых приисков простаивают из-за нехватки рабочей силы. Кстати, начну я именно с директора, сразу предупреждаю.

— Да я понимаю, — грустно сказал Гоша, — что иначе нельзя, рыба гниет с головы. В твоём комиссариате тоже что-то подобное было в восьмом году. Но можно к тебе обратиться с просьбой? Если будет возможность, ограничься в отношении директора сроком. Пусть живет.

— А это уже исключительно от него будет зависеть. Сможет доказательно наговорить про себя на червонец — пусть сидит на здоровье, я не против. А если не сможет, то чего это я за него буду отдуваться, искать, где там он согрешил и в чем именно? За государственный счет, между прочим. Нет уж, инфаркт обойдется не в пример дешевле.

— Вот-вот, мне почему-то так и подумалось. А если я материально компенсирую усилия твоих сотрудников по сбору доказательств? Из своих личных средств и в двойном размере. Ведь это именно с моей подачи он сел в свое кресло!

Я подошел к сейфу, достал бутылку фишмановки и две стопки, а потом сходил к холодильнику за плавленным сыром. Разлил водку, порезал сыр покполам и пояснил в изумлении взирающему на мои действия величеству:

— Сейчас произойдет знаменательное событие, которое нельзя не отметить. Впервые за одиннадцать лет службы канцлер возьмет взятку! Причем не от кого-нибудь, а сразу от императора, я такой. Так что пей и не волнуйся, найдут мои орлы, за что посадить твоего директора.

— И вот еще что, — сказал я, когда мы выпили и закусили. — Помнишь, я предлагал тебе официально вменить нашим комиссариатам в обязанность присматривать друг за другом? Как-то ты тогда не очень проникся, а зря. Сейчас по этому направлению работает собственная безопасность, но одна она может что-то и пропустить. Как вот тут взяла и пропустила, например. А народный контроль в силу своих особенностей реагирует только на уже свершившиеся факты! Что не есть идеально, возьмем хотя бы рассматриваемый случай. Тут не в скандале дело, хрен с ним, он не первый и не последний. А если бы у Путилова срок кончался? Пришлось бы выпускать. Хорошо, конечно, что у нас есть время для подготовки нового процесса, однако там никакого запаса уже не будет. Кроме того, нельзя не учитывать и такой аспект. Разумеется, в процессе расследования моим комиссарам придется основательно вникнуть в работу твоих. И такое может показаться дискриминацией тем сотрудникам, которые и близко тут замешаны не были, а это нехорошо. В предлагаемом же мной варианте никаких дискриминационных моментов нет. Государственные комиссары шерстят императорских? Это пункт такой-то их служебной инструкции, аналогичный есть и в уложении об императорских комиссарах.

— Да, — отставил пустую стопку Гоша, — получается совсем как у твоих любимых классиков: «Слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми».

— Ага, — подтвердил я, — мне тоже одно время казалось, что это рабочая формула государственного устройства. Но потом, вникнув поглубже, понял — все три пункта недостижимы. Кроме того, первый вреден, второй не нужен, а третий избыточен. Хотя сколько-нибудь полная реализация первого пункта приведет к невозможности совершенствования законодательной базы. Потом — если даже и предположить, что в какой-то отрезок времени не будет происходить абсолютно никаких нарушений, это всего лишь спровоцирует остановку прогресса — ну не бывает его без выхода за рамки или флажки. Наконец, кому и на кой хрен надо, чтобы

стуком и слежкой занимались все подряд? Да и через одного тоже ни к чему. Для этого, между прочим, способности нужны, а в идеале даже талант. Поэтому вполне достаточно того, что это будут делать люди, которым подобное вменено в обязанность служебной инструкцией или наказом избирателей. А стучать в свободное от основной работы время можно и просто из любви к искусству, для этого никакие специальные постановления не требуются. Но зато в информбюро уже пишется что-то вроде краткого руководства для любителей данного дела. Вот только пока неясно, куда этот опус приткнуть. В серию «Популярно о профессиях» не годится, весь смысл стука в том, что он идет на чистом энтузиазме. Пока остановились на «Домашние увлечения и хобби», но что-то меня гложут сомнения.

— И правильно, — усмехнулся император, — потому как подобный труд надо выпускать в серии брошюр по гражданской обороне. Как там она у тебя называется?

— «Это должен знать каждый», — машинально ответил я и добавил, чуть подумав:

— Надо же, кажется, в твоей идее действительно что-то есть. Видишь, хоть какая-то польза от всей этой истории появилась, и то хлеб. Улучшилось твое настроение или как? Ну а раз «да», то могу наконец рассказать, чего мы с ребятами сегодня добились на объекте «Заря».

ГЛАВА 14

— Можно, — сказал Кобзев, отводя взгляд от экрана. — Вылезаем.

Команда экспериментаторов, состоящая, кроме старшего лаборанта, собственно ответственного за установку, из Петра Капицы и Якова Френкеля, двинулась к выходу из бункера. Требовалось сначала просто посмотреть, а потом исследовать, в каком виде в приемной камере образовался очередной объект телепортации — большая зеленая муха в герметичном контейнере. Сам контейнер выносил перенос нормально, это было проверено в предыдущем эксперименте.

Когда они прошли примерно треть из разделяющих лабораторию и бункер управления четырехсот метров, с неба донесся шум мотора.

— Георгий Андреевич летит? — поинтересовался Френкель.

— Да, — подтвердил лаборант, — он еще утром звонил, что собирается нас навестить.

Действительно, когда троица уже подходила к лаборатории, на дороге от аэродрома послышался треск мотоциклетного мотора, а через полминуты показался и сам канцлер на АРНе.

— Добрый день, — поприветствовал он молодых людей, — и как там поживает ваша многоуважаемая муха? Только не говорите, что вы замучили бедное животное. Ее же жалко будет, а в моем возрасте вредны сильные эмоции.

— Сами точно не знаем, эксперимент только что закончился, — хмыкнул лаборант, открывая тяжелую дверь. — Но по телевизору она вроде ничего так смотрелась. Во всяком случае, лапами шевелила. Заходите, вон она, в приемной камере.

В отличие от передающей, эта камера находилась не в вакууме, так что скоро лаборант уже протягивал канцлеру стеклянный цилиндр с шевелящимся насекомым внутри.

— Да зачем она мне, — отмахнулся он, — а в передающей что было?

— Вакуум улучшился на полторы десятых. То есть в месте промежуточного финиша он был явно лучше, чем в нашей камере. Если зона переноса действительно представляла из себя сферу диаметром пять сантиметров, то тогда он там вообще близок к абсолютному. Ладно, мне муху надо к биологам отнести, это недолго.

К лаборатории с установкой имели право приближаться только трое экспериментаторов и канцлер. Ну и император, если ему вдруг вздумается

посетить объект «Заря».

— Можете на моем мотоцикле, — предложил канцлер. И, когда лаборант с мухой уехали, поинтересовался у Капицы с Френкелем:

— Жалоб на начальство нет?

— На какое именно?

— На непосредственное. Впрочем, если вам и во мне что-то не нравится, тоже можете выкладывать до кучи.

— Нет, Саша весьма квалифицированный техник, и как начальник он тоже нас вполне устраивает. А к вам мы пока еще толком не присмотрелись, больно уж редко и ненадолго вы тут появляетесь.

— И не говорите, но в ближайшее время по-другому никак не выйдет. Я и сегодня-то к вам только на часок залетел, а потом обратно. Эскизы большой установки у вас в каком состоянии?

Суть вопроса состояла в том, что размер зоны переноса вообще-то мог варьироваться в довольно широких пределах, но для обеспечения хоть сколько-нибудь приличной точности старт должен был происходить в вакууме. То есть имеющийся прибор годился для телепортации объектов размерами не более дециметра по любому из измерений.

— Этим у нас Саша занимается, — пояснил Яков, — вон, кстати, он тарахтит обратно. Что-то нарисовал, но тут в любом случае нужна серьезная инженерная проработка.

Через час с небольшим канцлер улетел, а на «Заре» началась подготовка к следующему этапу — перебросу уже не на три метра, а на двенадцать, и не какой-то там мухи, а полноценной мыши.

Спустя неделю экспериментаторы пришли к выводу, что все возможное из имеющейся установки выжато. Нет, она могла оперировать и куда более массивными объектами, но Найденов строжайше запретил формировать зоны переноса крупнее семи сантиметров в диаметре. Потому как в случае существенного превышения этого параметра в зону могла попасть и часть камеры, а в этом случае теория предсказывала лавинообразное и неконтролируемое развитие процесса. В чем, собственно, Александр убедился на своем опыте год с небольшим назад. Попытки же увеличения дальности пока не были теоретически обоснованы, Капице и Френкелю требовались консультации с серьезными математиками.

И вот лаборатория опечатана, за учеными прилетело две «Пчелки», и на «Заре» остался только взвод охраны. Лаборант, как начальник, покидал объект последним, на своем личном «Тузике».

В Гатчине Александра снова ждала пустая и чуть запылившаяся за время отсутствия хозяина квартира — обзаводиться приходящей прислугой

лаборант не хотел. Во-первых, можно не сомневаться, в какой конторе эта самая прислуга будет получать свое настоящее жалованье, а не копейки от Саши. А во-вторых, он считал, что всякая вещь, пусть это даже будет грязный носок, в порядочном доме должна лежать там, где ее положил хозяин. Иначе все равно получится бардак, в котором регулярно станет пропадать что-то важное. Потом, правда, находиться — когда оно станет уже и на фиг не нужно. То, что внешне эта ситуация покажется идеальным порядком, на самом деле сделает ее даже хуже.

Впереди было два выходных, а затем лаборанту предстояли неоднократные визиты на Путиловский завод, где по его эскизам и техзаданию должны были сначала сделать рабочие чертежи механических деталей большой установки, а потом и изготовить их.

Александр достал из почтового ящика скопившуюся там за время отсутствия стопку газет. Так, старые можно отложить, все равно самое важное уже было по радио. Так, а это сегодняшняя? Очень интересно, чего это там вдруг пишут про Путиловский завод? А, так это в контексте его прежнего фактического владельца, но все равно интересно. Тут и выступление Георгия Андреевича есть? Вообще-то его лучше слушать вживую или в хорошей записи, как, например, Райкина, но ладно, и газетная публикация сойдет.

Почти всю вторую страницу «Ведомостей» занимало описание скандала с новым процессом Путилова. Причем сам факт, что приговор был заранее написан в императорском комиссариате, не вызвал у авторов материала никакого особого удивления, и они явно предполагали, что читатель будет с ними солидарен. Ну в самом деле, это же не карманная кража, ограбление инкассаторов или недотягивающее до государственного уровня мошенничество, чтобы всю демонстрировать независимость российских судов! А подрыв обороноспособности империи — при соучастии Путилова на вооружение чуть не была принята целая серия непригодных пушек. Так что в материале присутствовало даже некоторое недоумение: мол, а чего это ему тогда так мало дали? Были и гипотезы о причинах такой непонятной мягкости. Первая заключалась в предположении, что на следствии было продемонстрировано доселе невиданное и неслыханное раскаяние, от глубины которого расчувствовался даже ко всему привыкший Найденов. Вторая напоминала: суд состоялся сразу после победного окончания мировой войны, а значит, вполне могла иметь место определенная эйфория. Наконец третья гипотеза заключалась в том, будто бы в этот день канцлер встал не с той ноги.

Далее приводилась речь Найденова на пресс-конференции,

состоявшейся вчера утром. Мельком глянув на общий вид материала, лаборант увидел несколько пометок «смех в зале». Он уже знал, что такое в описании выступлений канцлера появляется только тогда, когда этот самый смех фиксируется именно тем микрофоном, в который говорит оратор. То есть к описываемому процессу больше подходит слово «ржание».

Ну-ка, заинтересовался лаборант, чем это там Георгий Андреевич веселит народ? Ага, он отвечает репортеру «Труда»:

— Говорите, давление на суд? А вы можете одним словом охарактеризовать произошедшее?

— Могу — это недопустимо!

— Хотя слов получилось и два, я полностью к ним присоединяюсь. Готов подписаться под каждой буквой! И кто тут на кого давил: вы на меня или я на вас? Так и с судьей. Никто на него не давил — просто его мнение совпало с имеющимся у императорского комиссариата. Кстати, в отличие от нас с вами, не дословно, ибо судья зачитал текст с ошибками. Но вот то, что комиссариат выразил свое мнение столь коряво, не есть хорошо и будет сопровождено оргвыводами.

А ближе к концу канцлер кратко подытожил и заданные ему вопросы, и свои ответы на них.

— Господа, — сказал он, — суть всех сегодняшних и многих других взаимных недопониманий в том, что все знают слова «правительство», «государство» и «монархия». Однако четкого и принятого всеми определения этих понятий нет, а едва ли не у каждого есть свое мнение, что это такое и как оно должно работать. Так вот, позвольте познакомить вас с точкой зрения его императорского величества и канцлера. Ее относительная ценность не в том, что она более правильная, а в том, что планомерно воплощается в жизнь. Итак, правительство — это всего лишь наемный управляющий при народе. Его задача — организовать жизнь по правилам, способствующим наилучшей жизни этого самого народа. Однако в истории не было ни одного случая, когда это удавалось сделать без государства, которое мы определим как аппарат принуждения, необходимый правительству для выполнения его функций. Так вот, всегда и во всем мире, включая и самые что ни на есть оголтелые демократии, правительство срастается с государством, образуя касту. Ее еще иногда называют правящей элитой. И тот, кто по идее должен быть наемным управляющим, становится господином. Одни ведут себя честно, то есть заявляют народу: как я сказал, так и будет! Веревка для несогласных всегда найдется. Другие создают специальные структуры, именуемые демократическими институтами, которые убеждают народ, что он, оказывается, заказывал

правительству именно то, чем оно осчастливит его на следующей неделе.

— Не берусь судить, что хуже, — продолжил канцлер после недолгой паузы. — Но наша с его величеством работа заключается в попытке улучшить ситуацию с помощью третьей силы, то есть монархии. Это еще одна каста, но совсем маленькая и стоящая над первой, то есть правительством-государством.

А ведь действительно, подумал лаборант, почему мне неприятно наличие прислуги в моем доме? Да потому что она, образно говоря, должна вести себя как правительство, то есть спросить у меня, как я себе представляю порядок и сколько буду за это платить, а потом поддерживать именно его. Но я боюсь, что прислуга поведет себя как государство, причем демократическое — то есть тихой сапой сделает все как ей удобнее, а денег выжмет столько, сколько посчитает нужным. Исходя из этого прислуга от дяди Жоры куда предпочтительней. Если он прикажет ей не борзеть, а ведь так обязательно и будет, то она и поведет себя соответствующе. Или окажется мгновенно замененной. Ага, дальше Найденов говорит как раз про это — необходимо обеспечить относительную открытость управляющей элиты. Ибо сама она стремится к состоянию абсолютно замкнутой касты, и только стоящая над ней монархия способна поддерживать как приток свежих людей, так и вылет несвежих, то есть ротация происходит в обе стороны. И данный процесс является одним из примеров того, каким способом человек может покинуть элиту. Да, но ведь и без него ясно, что особым разнообразием эти способы не отличаются. Хотя нет, все тот же неутомимый репортер «Труда» задает канцлеру именно этот вопрос.

— Вот к чему приводит отсутствие в вашей газете раздела светской хроники, — усмехнулся канцлер. — Может быть, кто-нибудь из представителей изданий, где она есть, расширит кругозор коллеги и расскажет, какое событие произошло четыре месяца назад?

На просьбу Найденова откликнулся представитель «Ведомостей» и на память зачитал заметку о том, что великий князь Андрей Владимирович подал заявление о выходе из великих князей. Оно удовлетворено, князю Андрею Романову установлен пенсия три тысячи рублей в год, вместо двухсот тысяч, которые он получал за приставку «великий» перед своим титулом. В настоящий момент он со своей женой Матильдой, урожденной Кшесинской, проживает в Южной Франции.

— Вот видите, — подытожил канцлер, — ряды элиты можно покинуть и так. Однако инцидент с Путиловым продемонстрировал, что не все понимают: данный путь годится для всех. Чиновник от четвертого класса и

выше возвращается под сень конституции, уйдя в отставку и подписав обязательство не принимать более никакого участия в политической жизни страны в течение пяти или десяти лет, в зависимости от ранга. Предприниматель — отдав то, что было нажито при помощи политики, и, естественно, подписав аналогичное обязательство. Первый пункт Путиловым уже выполнен. Правда, не так чтобы совсем уж добровольно, но в соответствующих инстанциях было принято решение его зачесть. Алексею Ивановичу предложили подписать соответствующее заявление, но он впал в раздумья. И императорский комиссариат на них прореагировал, но, как многие уже заметили, несколько неуклюже. Однако теперь этим делом занимается государственный, и я надеюсь, что у него выйдет лучше. Впрочем, подписать обязательство еще не поздно, и тогда фигурант выйдет на свободу через полтора года. Или даже раньше, если подаст императору просьбу о помиловании.

Тут канцлер отпил воды из стакана и продолжил:

— Господа, позвольте под занавес нашей сегодняшней встречи обратиться к вам с просьбой, тем более что в моем затруднении в какой-то мере виноваты вы, то есть пресса. Суть в том, что месяц назад какой-то купец из Мариуполя подал на меня в суд. Я, честно говоря, пока еще не поинтересовался, чем именно нанес ему ущерб, который он оценил в триста тысяч, но это знают в моем юридическом отделе, который и предоставит адвокатов на процесс. Так вот, прочитав ваши материалы, обиженный вдруг почему-то решил отозвать свой иск. Это зря, ведь сам он к правящей элите не относится, а дело вовсе не является государственным. Я уже собрался было отправить к нему человека, чтобы тот разъяснил положение дел, но сейчас подумал, что подобное может быть неправильно понято. Не взять ли вам на себя эту миссию? Опубликовав и прокомментировав то, что я вам сейчас сказал.

Лаборант отложил газету. С Путиловым стало более или менее ясно, с эскизами корпуса установки оно и раньше так было, осталось подумать о ее названии и назначении. Ибо в Российской империи существовал порядок, согласно которому всякое секретное изделие обязано было иметь легенду о своем предназначении и соответствующее ей наименование. Саша хмыкнул, припомнив, как тут называются радары. И ведь в некоторых документах они еще по инерции проходят как медицинское оборудование, хотя с войны минуло уже три года.

Когда он спросил Найденова, как назвать проектируемую установку, тот развел руками:

— Саша, ну неужели даже это должен решать канцлер? Вы автор, вы и

думайте. Легенда обязана соответствовать ее параметрам и объяснять, почему данный проект курируется на самом верху.

Ага, задумался лаборант, сами по себе вакуумные камеры, правда, куда меньших размеров, тут используются для приготовления сублимированных продуктов. А какой продукт может иметь горячее одобрение со стороны канцлера? Вот-вот, так и запишем. У нас же объем три с половиной куба? Значит, это будет УСП-3500. Установка для производства сублимированного пива. Загружаешь в нее сырье, а на выходе процесса получают маленькие коричневые гранулы. На литр воды три штуки и сто граммов спирта — получаем темное крепкое. Две и пятьдесят граммов — светлое. Ну а одна гранула вовсе без спирта даст безалкогольное пиво.

ГЛАВА 15

В конце сентября мне позвонил отец Антоний.

— Добрый день, Георгий Андреевич, — начал он, явно улыбаясь так, что это чувствовалось даже по телефону, — спешу вас обрадовать. Ваш пессимизм снова оказался необоснованным, и господин Никонов имеет заметные успехи в постижении основ православия. Он просит вас позволить ему задержаться в монастыре еще на две недели сверх срока.

— Да хоть на два месяца! — проявил я широту натуры. Надо же, за такой короткий срок пробудить что-то в душе потомственного комсомольского работника — это надо уметь. Причем перед пробуждением эту самую душу требовалось еще и найти! Задача нетривиальная, но для отца Антония не первая такого плана.

Во времена моей далекой молодости, когда я служил в армии, меня удивляла организация политработы в войсках. Ладно, что в большинстве своем замполиты нудно и косноязычно бубнили что-то по бумажке, но ведь это делалось с утра, сразу после завтрака! Неужели их начальство ни разу не слышало поговорку «сытое брюхо к ученью глухо»? И не знало, что с утра у человека превалирует критическое восприятие, а ближе к вечеру оно меняет знак?

Если вы сомневаетесь в этом, попробуйте, например, перед ужином написать какой-нибудь стих. Перед самым сном его перечитайте — скорее всего, вам покажется, что написано очень даже ничего. Кого-то даже посетит нескромная мысль, случаем, не поэт ли он. А потом утром гляньте на свое творение. Ставлю десять против одного, что оно вам покажется беспомощным и корявым бредом. И единственное, чего вы найдете в этой истории положительного — что никому свои каракули не показали.

Всю эту прикладную психологию прекрасно знали в монастыре, и поэтому душеспасительные беседы с послушниками там проводились вечером, после того как спасаемые души за день набегаются с кирпичами и бревнами, причем некоторые еще и по лесам строящейся колокольни. И поговорка про сытое брюхо тут не работала, ибо питание в монастыре было двухразовым чисто номинально. Обед — да, он представлял собой основательную трапезу. Но вот после ужина аппетит в лучшем случае оставался на прежнем уровне, однако чаще даже немного усиливался.

А то, что падавшие от усталости послушники могли заснуть прямо на вечерней службе, — ничего страшного, чай у нас не католицизм с

протестантством, где прихожане сидят, как в театре. Наши послушники на удивление быстро постигали умение спать стоя, с открытыми глазами и периодически крестясь при этом. В таком состоянии внушение работало даже эффективней, чем если бы объекты были выпавшими и отдохнувшими.

— К нам как-нибудь залететь не собираетесь? — поинтересовался отец Антоний в конце беседы.

— Надо бы, — признал я, — и, пожалуй, где-нибудь через недельку действительно наведуся. Но неофициально, то есть никому про это говорить не надо и всяких парадных мероприятий готовить тоже. Я даже мундир надевать не стану.

Действительно, давно пора навестить друга Борю, да и с Тринклером тоже не помешает пообщаться, подумал я, кладя трубку. А то что-то там у них с лопатками для турбин до сих пор не слава богу, может, и замечу чего свежим взглядом. Опять же не помешает познакомиться с жемчужиной Бориной литературно-негритянской бригады, супружеской парой Плешаковых. Первые два романа про Джонни Смуглого муж накропал один, и получилось так себе. Зато потом он, узнав, что его труды никто в России издавать не собирается, а нужны они исключительно для американского рынка, предложил в качестве переводчика свою жену. По словам Бори, дама оказалась просто находкой. Мало того что в ее переводе мужнины творения, хоть и оставались донельзя примитивными, все же приобрели некоторый шарм, так она еще и взяла на себя обязанность по поддержанию на должном уровне вдохновения у творца! Ибо в трезвом виде он писать вообще не мог. Но зато приняв стопку, не мог остановиться, так что спустя две-три страницы писатель нажирался до выпадения в осадок. Теперь же под присмотром жены он уверенно выдавал по двенадцать машинописных страниц в день, и его половина утверждала, что эту цифру можно довести и до пятнадцати. Правда, в таком случае творца придется питать не смирновкой, а фишмановкой, в связи с чем заботливая супруга подала письменное заявление об увеличении расценок. В общем, суммарный тираж творческого дуэта Плешаковых, известных в Америке под скромным псевдонимом Том Клэнси, уже подходил к миллиону, а бесстрашный борец за либеральные ценности Джон Сварти потихоньку становился если не национальным героем, то явным кандидатом на него.

Итак, в самом начале октября я и оказался в воздухе, в сопровождении еще одной «Пчелки» взяв курс на Георгиевск. Вообще-то у меня были сомнения: а не поехать ли на поезде, потому как начало октября было по нашему календарю, а по европейскому октябрь уже перевалил за середину.

Погода стояла мерзкая, и, хотя мои «Пчелки» много чем отличались от стандартных, большого энтузиазма предстоящий перелет не вызывал. Но как раз в это время где-то в районе Пскова шел внеплановый ремонт путей, поезда еле тащились, и раньше чем через неделю улучшения ситуации не предвиделось. Так что я все-таки решил лететь, причем первым пилотом, как обычно на этом знакомом мне до последнего кустика маршруте.

Однако техника есть техника, и где-то за Вышним Волочком температура правого движка бодро поползла вверх. В принципе «Пчелка», как и ее военная сестра «Выхухоль», вполне могла лететь и на одном моторе, но зачем в мирное время устраивать подобный экстрим? Тем более что требовалось не просто лететь, а с набором высоты, потому как над Москвой облачный фронт поднимался на шесть с половиной километров. В результате разговора с диспетчером я принял решение садиться в Твери. Да, Москва лучше хотя бы тем, что там у меня есть дом, но до нее еще полчаса лета, да и больно уж гадостная там сейчас погода. Ничего, и в Твери мне вряд ли придется ночевать на вокзале подумал я и уменьшил газ, опуская нос машины для захода на посадку.

«Пчелка» нырнула в облака, а за спиной что-то забубнил в свою рацию старший группы охраны. Вообще-то ничего внештатного в ситуации не было, инструкции имелись для посадки на любом аэродроме по маршруту, а также на большинство подходящих площадок, так что я сосредоточился на пилотировании. Второй пилот сидел на связи с тверскими диспетчерами.

— Прошли дальний привод, — сообщил он мне, — нижняя кромка облачности восемьсот метров.

Ага, значит, совсем скоро мы увидим землю, прикинул я, чуть подрабатывая штурвалом. И действительно, через минуту в разрывах облаков замелькали какие-то рощицы, потом река, и вскоре самолет вышел на посадочную прямую.

В строгом соответствии с инструкциями наш прилет никакого ажиотажа не вызвал, у конца рулежной полосы нас ждал дежурный выпускающий, который и проводил гостей в диспетчерскую. Там мне сказали, что машины от местного шестого отдела будут минут через пять. Я обратил внимание: несмотря на мерзкую погоду, две «Пчелки» явно готовятся к вылету, и получил ответ, что это рейсы в Калязин и Углич, где погодные условия чуть лучше здешних, а пилоты имеют первый класс и опыт полетов над Атлантикой. Тверь была одним из первых губернских центров, где мы начали организовывать местные пассажирские авиалинии.

А потом приехали алафузовские сотрудники. Старший из них, ротмистр, доложил мне, что имеется готовый к выезду тепловоз, а вот с

салон-вагоном, принадлежащим местному губернатору, придется обождать, он будет подан примерно через два часа. Я хотел было спросить: неужели в Твери не нашлось простого вагона или даже теплушки, ехать-то тут всего часов семь, но передумал. В конце концов, я ведь не говорил, что куда-то спешу, и вместо этого поинтересовался:

— К отправке в Гатчину у вас что-нибудь есть?

— Срочного — ничего, — последовал вполне ожидаемый ответ, ибо важные сведения всегда отправлялись немедленно, — а к текущей отправке в понедельник подготовлено четыре доноса на губернатора и бумага об открытии театра.

— Доносы ложные или дурацкие? И почему про театр надо писать именно мне?

— Два — и ложные, и дурацкие. Два других совершенно правдивые и хорошо написанные, но они про супружескую неверность. Один от мужа любовницы губернатора, другой от ее подруги. А про театр мы решили поставить вас в известность потому, что вместо актеров там кошки.

— У вас открылся театр кошек? — удивился я. — Не знаете, когда там представление? Все равно делать нечего, пока вагон не приехал.

— Начало дневного спектакля через пять минут, это будет «Отелло», — сообщил старший группы. — Места для вас на всякий случай уже должны быть забронированы, но к началу мы точно не успеем.

— Тогда поехали, — предложил я, залезая в руссо-балт «Престиж». — Насколько я помню, все равно в этой пьесе самое интересное в конце.

— Ну там у них не совсем Шекспир, — усмехнулся ротмистр.

— То есть не английское, а какое-то местное Отелло? Ничего страшного, если мне что-то будет непонятно, спрошу. Так что двигаемся обычным порядком, без спешки.

Перед театром я полюбовался на афишу, извещающую, что тут идет пьеса В. Шекспира в художественной обработке М. К. Наливайко «Отелло», однако раздел «В ролях» отсутствовал. Мы подъехали как раз ко второму, заключительному акту, и сразу прошли на какой-то балкончик чуть сбоку от сцены, который тут назывался словом «ложа».

А ничего так, думал я, смотря за развитием сюжета. Правда, Дездемона какая-то не очень — только и умеет, что лежать в пеньюаре на трехспальной кровати и томно мурлыкать. Отелло смотрелся куда лучше — черный, как ночь, котюра в галстук и красных трусах до колен, или как там у кошек называется следующий после таза сустав. Но все-таки чувствовалось, что актер он не драматический, а скорее оперный — пластика отменная, голосина как у пожарной сигнализации, а больше

ничего и нет. Кассио тут являлся эпизодическим персонажем, который время от времени выходил на сцену и мелом рисовал на небольшой школьной доске букву «икс» — наверное, потому что был математиком. А держалось все действие на Яго. Увидев его в первый раз, я офигел. Из-за кулис на задних лапах вышел здоровенный манул! Они же вроде толком даже не приручаются? Наверное, все-таки полукровка, но какой колоритный, однако. И как играет! Может, и не совсем как Смоктуновский Гамлета, но если и хуже, то очень ненамного. Когда он с таинственным выражением на своей брюзгливой морде зашипел что-то на ухо Отелло, того чуть не сдуло со сцены. Даже я удивился, как это у него получилось. Да, открытый баллон, пожалуй, зашипит не хуже, но ведь там полтора атмосферы! А от одного его негромкого мява у Дездемоны шерсть встала дыбом. Талант, определенно талант.

В общем, после финала, в котором две белых кошечки внесли транспарант «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?», и потом Отелло, встав в красивую позу, орал на весь зал, изображая раскаяние, а его жена валялась лапками кверху, я пошел познакомиться с М. К. Наливайко — соавтором Шекспира и владельцем этого театра. Михаил Карлович, увидев меня, растерялся совсем ненадолго, а потом мы с ним к взаимному удовольствию побеседовали. Когда я спросил его о дальнейших творческих планах манула, собеседник смутился.

— Мы тут с Тимофеем отрабатываем еще один образ, вот только... понимаете, при желании в нем можно усмотреть некую политическую окраску, чего не хотелось бы...

Разумеется, я заверил артиста, что не буду усматривать ничего подобного, и он быстро поставил на полу маленький низкий столик. Потом вышел, но минут через пять вернулся, пятясь задом и приговаривая:

— Пожалуйста сюда, ваша светлость, пожалуйста...

За ним вошел манул Тимофей. Был он в расстегнутом черном кителе с молниями и дубовыми листьями в петлицах, на голове имел фуражку с высокой тульей, а на носу — зеркальные очки. Подойдя к столу, он сел за ним и положил лапы одну на другую, ну точно как я. Поднял на меня равнодушный взгляд и со скукой в голосе осведомился:

— Мр-р-нняуу?

— Класс, — восхитился я. — И где вы тут, Михаил Карлович, видите политику? Великолепное проникновение в образ, и все. Насчет гастролей в Питере не думали? Вот и замечательно, я обязательно еще раз схожу полюбоваться мастерской игрой вашей труппы. А Тимофей перед спектаклем может вот в этом своем образе объявить, что данное

представление одобрено канцлером. Кстати, потом и насчет политики можно будет чего-нибудь придумать. Мало ли, в Думе там выступить или перед дипломатами, например. В качестве моего личного уполномоченного. И раскройте мне напоследок тайну — откуда у него зеркальные очки?

Оказалось, что у владельца театра есть брат, работающий инженером в судоремонтных мастерских, и в основном он там занимается электросваркой. А в свободное время что-то изобретает. Сделал вот из резака прибор, которым можно напылять одни металлы на другие и на стекло. Он, кстати, финансово поддержал Михаила Карловича, когда тот только собирал свою труппу, а теперь, наоборот, театр дает неплохие сборы, а брату нужны деньги на доработку своего изобретения.

— Он что, хочет сделать все сам?

— Не то что хочет, но так получается. В мастерских такая установка не нужна.

Я взял кошачьи очки и рассмотрел повнимательней. Да, качество напыления для атмосферной установки очень высокое, ничего не скажешь.

— Передайте ему, что на Георгиевском моторном заводе большая нужда в подобных специалистах, — попросил я. — Даже не спрашиваю, сколько он получает в своих мастерских, но в Георгиевске выйдет больше. Кроме того, там вообще положительно относятся к изобретателям, даже если те придумывают что-то в данный момент не животрепещущее.

Тут мне в голову пришла еще одна мысль.

— Но давайте снова вернемся к вашему театру, — озвучил ее я. — Наверняка ведь у вас есть вполне определенные трудности, связанные с тем, что кошки не всегда играют в полную силу, а некоторые сценки вообще удаются раз-другой, и все?

— И не говорите, — вздохнул собеседник, — видели бы вы, какие находки иногда случаются на репетициях! Но вот повторить их удастся далеко не всегда. Я даже хотел купить киносъемочное оборудование, но больно уж оно дорогое.

— А зачем все делать самому? Чтобы снимать кино, существуют киностудии. В том же Георгиевске, например, она есть. Попробуйте для начала сделать киноверсию вашей траговки Шекспира, деньги я вам выделю. Ну а потом можно будет замахнуться и на что-нибудь более эпохальное. «Анну Каренину», например, снять. Или «Преступление и наказание». Вы сами прикиньте, какой из Тимофея получится замечательный Порфирий Петрович! Да у него любой Раскольников сознается через пятнадцать секунд и без всяких мозгокрутных рассуждений. А этот, пегий, кого он играл, я что-то не очень понял?

— Родриго, — просветил меня несколько обалдевший от разворачиваемых перспектив кошачий Станиславский.

Кто это такой, я вообще-то не очень представлял, до знания Шекспира наизусть мне всегда было очень далеко. Но заострять внимание на таких мелочах не стал и продолжил:

— Вот-вот, а с каким неподражаемым французским акцентом он мявкал! Мундир ему покрасивше, и получится вылитый Андрей Болконский.

ГЛАВА 16

Интересно, подумал я, когда мой мини-поезд лязгнул единственной сцепкой и остановился на задворках Георгиевского грузового терминала. Саму цитату помню, а откуда она, не представляю. «За окном шли дождь и рота красноармейцев». За окном действительно шел дождь. И снег. А Тринклер с Полозовым никуда не шли, они стояли и ждали моего выхода. Причем, если бы меня встречал кто-то один, можно было бы посомневаться, о чем именно со мной хотят поговорить в неофициальной обстановке, но раз пришли оба, то размышлять тут особенно не о чем.

— Как я понимаю, вы решили составить мне компанию за ужином? — уточнил я сразу после приветствий. — Тогда поехали. Кстати, хочу намекнуть, что завидовать нехорошо. Тем более такому пожилому человеку, как граф Цеппелин. У вас же все впереди, какие ваши годы! Или я ошибаюсь и вы хотите поговорить со мной вовсе не на тему предполагаемого кругосветного перелета?

— Нет, Георгий Андреевич, не ошибаетесь, — вздохнула живая легенда русской авиации, коей являлся бывший аэродромный казачонок, а ныне генерал-майор и кавалер чуть ли не полного комплекта орденов империи, ас-истребитель Миша Полозов. — Ну как же так, мало того что первый трансатлантический перелет слили англичанам, так теперь и в кругосветный пойдет Цеппелин!

— Дедушка старый, пусть слетает, — еще раз напомнил я, — и кроме того, первый бортинженер там будет наш.

— Ага, и второй штурман японец. Ну не то это, совсем не то!

Первый перелет через Атлантику в этом мире действительно совершили англичане. В принципе уровень развития авиации позволял сделать это еще в десятом году, если не раньше, но тогда все были заняты подготовкой к войне и на посторонние вещи не отвлекались. Но сразу после ее не очень радостного для себя окончания англичане решили поднять национальный дух и устроили этот перелет.

Он представлял самую настоящую авантюру. Взяли старый «либерейтор», еще с неубирающимся шасси, потому как новые к тому времени уже утонули или сгорели. Во все свободные пространства напихали эрзац-бензобаков и полетели. Перегруженная машина каким-то чудом оторвалась от земли и только где-то в районе Азорских островов смогла преодолеть километровый рубеж высоты. Малейшая непогода на

маршруте стала бы фатальной, не говоря уж о неполадках в любом из четырех движков, но англичанам повезло.

В какой-то мере перелет действительно способствовал поднятию национального духа, но немножко не в ту сторону. Экономика Англии после года войны и полугода бомбежек на фоне морской блокады пребывала в коллапсе, продукты и товары повседневного спроса распределялись по карточкам, и уровень жизни, мягко говоря, был весьма невысок. В такой обстановке нам не составило большого труда найти и простимулировать недовольных, которые завопили о приоритетах в экономике. Мол, в столь тяжелые времена, когда голодают дети, преступно вбухивать огромные средства в не сулящие немедленной отдачи проекты.

Бред, конечно, этот перелет произошел на чистом энтузиазме и чуть ли не на личные деньги участников, но признаться в таком правительству не могло. И вынуждено было слушать вопли о том, что вместо бомбардировщиков надо выпускать дюралевые миски с вилками, а вместо танков — садово-огородный инвентарь. Тогда, мол, страну в ближайшие же времена ждет невиданное процветание. Во всяком случае, слово «конверсия» средний англичанин слышал уже много раз.

Однако у графа Цеппелина разыгралось самлюбие, и он выступил с идеей беспосадочного кругосветного перелета, которая встретила горячую поддержку у кайзера. Россия, ясное дело, не смогла остаться в стороне и предложила свою помощь. В частности, поставку магниевых сплавов. Их производство мы наладили заранее, в преддверии появления реактивной авиации, а особого спроса на эту продукцию пока не было. Опять же — криогенное оборудование, потому как граф собирался восполнять неизбежную в полете утечку гелия водородом, запас которого в жидком виде предполагалось иметь на борту дирижабля. Нам оно тоже было нужно для магнитопланов, работы над которыми вышли уже на стадию условно летающих макетов. Ну а тринклеры повышенной экономичности лишними в любом случае не будут.

В моей пристройке к дворцу главкома ИВВФ великого князя Михаила нас уже ждал стол, накрытый на три персоны, однако только одна из них отдала должное искусству поваров, а Полозов с Тринклером с плохо скрываемым нетерпением ждали, когда же я наконец наемся.

Полозов в настоящий момент работал летчиком-испытателем в Георгиевске, потому как уходить с летных должностей он не хотел категорически, а высшей из них — командира полка, он достиг уже давно. Всю войну Миша командовал первым ИАП, сформированным из лучших асов России и направляемым туда, где в данный момент командованию

было необходимо полное господство в воздухе. Неплохо, надо сказать, командовал, но в значительной мере это была заслуга его начштаба, который практически полностью взял на себя все наземные дела полка, оставив Полозову только тренировать своих летчиков в воздухе и водить их в бой.

Увидев, что я отодвинул последнюю пустую тарелку, Михаил встрепенулся и начал:

— Георгий Андреевич, «Гриф» тип 4, который сейчас заканчивает государственные испытания, при небольших доделках пригоден для кругосветного полета!

— Со своей дальностью в восемь тысяч, которую, если насовать в машину дополнительных баков, можно максимум удвоить, но не более того? — усомнился я, наливая себе чая. — Беспосадочного все равно не выйдет. И даже с одной посадкой не получится.

— Выйдет, если лететь по шестидесятой параллели, — не согласился Полозов.

— Миша, — вздохнул я, — ты ведь от меня скоро пятнадцать лет как слышишь одно простое правило. Если тебе в голову пришла необычная мысль, первым делом надо довести ее до логического завершения. Ну чем тебе так понравилась именно шестидесятая параллель? Лети по восьмидесятой, тут и «Гриф» не нужен, тем более доработанный, а вполне хватит стандартной «Страхухоли». Или по восемьдесят девятой, там кругосветку вообще можно будет устроить хоть на «Тузике».

— Ну зачем нам нужны дутые рекорды? — продолжил я, отпив чая. — Пусть ими другие развлекаются. Но вот организовать перелет, который будет действительно иметь большое практическое значение, в ближайшее время придется, причем, Миша, именно тебе. Густав, конечно, тоже поможет. Итак, берешь стандартный четвертый «Гриф», разве что с моторами,отрегулированными на повышенную экономичность в ущерб мощности. Взлетаешь в Найденовске и через Северный полюс летишь на Аляску. Там берешь на борт пять тонн груза, заправляешься и через все Штаты дуешь в Мексику. Потом точно так же обратно.

— А что за груз? — не понял Миша.

— Да хрен его знает, придумаем что-нибудь. Подарок, например, к годовщине их революции. Главное, чтоб все знали — он весит те самые пять тонн, это я беру на себя. Ну а что именно такой вес имеет наша новая эфирная бомба, кому надо и сами узнают. Смысл перелета понятен?

— Так точно! — чуть не вскочил обрадованный генерал-майор.

— Кстати, когда над полюсом будешь пролетать, можешь сбросить

вымпел с надписью «Здесь был Миша». И не прыгай ты на стуле, а лучше чаю попей.

В общем-то насчет целей предполагаемого полета я говорил правду. Следовало показать американцам: то, что на Аляске мы в полном соответствии с договором о ее продаже не базируем стратегическую авиацию, ровным счетом ничего не значит. Надо будет, она там появится меньше чем через сутки после принятия такого решения.

Проблема состояла в том, что в мировой войне Америка, конечно, получила чувствительный щелчок по носу, но не понесла заметных потерь ни в людях, ни в промышленности. И уровень жизни в Штатах был достаточно высок, так что ничего подобного английским конверсионным настроениям там организовать не удалось бы при всем желании. Значит, следует действовать наоборот, то есть создать условия для вбухивания в оборону непропорционально больших средств. А уж если эти средства окажутся потрачены зря, выйдет и вовсе замечательно. Альперович уже начал подбирать команду, которая вскоре завопит о необходимости создания всеамериканской системы ПВО, непроницаемой для наших стратегических бомбардировщиков. Понятное дело, что это окажется очень недешевым удовольствием. А рассчитана эта программа будет на десять лет, то есть система обороны от самолетов нормально заработает как раз к появлению у нас первых баллистических ракет. Это, так сказать, планы, исходящие из несомненных постулатов. Ну а если наша возня с нетрадиционным туннелированием в обозримое время позволит нам перебрасывать не граммы на десять метров, а тонны на в миллион раз большее расстояние, то произойдет утечка информации о наших ракетах, причем специалисты по противоракетной обороне у Альперовича будут готовы заранее.

Однако все это будет не скоро, а пока Михаилу Полозову предстоит совершить очередной беспримерный подвиг, только и всего. А что немцы первыми облетят вокруг света — ничего не поделаешь, Россия не собирается конкурировать с Германией в области межконтинентальных дирижаблей, и такая задача пока под силу только им. Впрочем, тут есть еще один нюанс. Если мы хотим длительных нормальных отношений с Германией и Японией, не надо постоянно подчеркивать, что мы впереди во всем. Пусть и они почувствуют себя равноправными партнерами, а то получается как-то не очень. Что ни научно-техническое достижение, то из России. Пусть хоть рекорды ставят, полезное дело. Как бы это поделикатнее намекнуть японцам, что первое ныряние в Марианскую впадину навечно останется в памяти восхищенного человечества?

Следующим утром я снова принимал пищу не в одиночестве — на завтрак был приглашен Никонов. Я вообще-то вопреки пословице о том, что завтрак надо съесть самому, обед разделить с другом, а ужин отдать врагу, с утра всегда ел мало, часто обходясь чашкой кофе и бутербродом. Ну а сегодня мне были приготовлены макароны. Однако кроме них на столе было и до фига всего прочего, в диапазоне от сосисок из Ярославля до волжской стерляди под хреном.

Никонов не обманул моих ожиданий и не стал с голодным урчанием набрасываться на жратву, хотя до отсутствия аппетита ему явно было даже дальше, чем мне до принятия идеалов либерализма. Он осмотрел стоящее на столе изобилие, вздохнул и выбрал невзрачный капустный салатик. Поначалу я подумал, что это какая-то разновидность бравады, но потом вспомнил, что сегодня пятница, и чуть не подавился макарониной. Вот это я понимаю, настоящая крепость в вере!

— Берите сосиски, они постные, из сои, — предложил я гостю.

Никонов кивнул, пододвинул к себе тарелку и, перекрестившись, приступил к трапезе.

Выглядел он, надо сказать, очень неплохо, и перетянутый ремнем подрясник, с моей точки зрения, шел ему даже больше фирменного синего костюма. Исчезло брюшко, чуть ввалились щеки, так что товарищ выглядел явно помолодевшим. Очень, оказывается, это полезное для здоровья занятие — таскать кирпичи на колокольню и при этом не обжираться деликатесами, а питаться в умеренном количестве простой пищей. Причем, что ценно, помогает и без всякого портала.

Когда с завтраком было покончено, я сообщил своему гостю:

— Скоро вам возвращаться к себе, и не будете ли так добры согласовать с кем требуется создание на Селигере медицинской диагностической лаборатории? Хотя у нас и другие методы, но я давно заметил, что на стыке разных наук часто получаются интересные результаты. Понятно, что там ваше здоровье и так находится под наблюдением, но, учитывая разницу во времени, результаты могут сильно запаздывать.

Петр Сергеевич согласился и, попрощавшись, отправился обратно в монастырь, где он собирался пробыть еще неделю. А потом сходит в свой мир, затем обратно, и изменения в его организме будут зафиксированы квалифицированными специалистами на лучшем оборудовании двадцать первого века. Интересно, каков будет их вердикт?

Ответ на этот вопрос я получил в самом начале нового, шестнадцатого года. Никонов после двойного прохода через портал, сопровождаемого

молитвой об улучшении его драгоценного здоровья, неделю пожил на Селигере, где его ежедневно обследовали — наблюдали, так сказать, динамику процесса. Впрочем, положительный результат можно было заметить и простым глазом, так что теперь оставалось ждать реакции самого Петра Сергеевича. Однако он сразу по окончании обследования умотал в Федерацию, но зато с Селигера пришла радиограмма, что доктор Гришанов из диагностической лаборатории выражает настойчивое желание встретиться с руководством Российской империи. Вскоре он уже сидел у меня в кабинете.

Я вообще-то не очень доверяю первому впечатлению о людях, хотя оно довольно часто оказывается правильным. Доктор мне не понравился сразу, но я решил не спешить и кивнул:

— Слушаю вас.

Видно было, что гость волнуется, но, как мне показалось, не из-за самого факта встречи с канцлером, а по какой-то другой причине.

По мере речи моего гостя неприязнь потихоньку возрастала, и наконец я прихлопнул по столу ладонью и прервал поток его красноречия:

— Стоп! — После чего где-то с минуту смотрел ему в переносицу, отчего он малость поубавил апломба, и продолжил: — Хочу надеяться, что произнесенная вами речь является всего лишь следствием прискорбного недопонимания обстановки, потому как в ином случае это может быть только выходящей за рамки допустимого наглостью.

Доктор заерзал. Кажется, он лишь сейчас соотнес слухи и сплетни о Гатчинском коршуне с сидящим напротив него человеком.

— Подданство империи на дороге не валяется и кому попало не дается, — как можно более ледяным тоном сообщил ему я. — Его еще надо заслужить, и даже это не так просто. И уж тем более нелегко заслужить допуск к технологиям, представляющим государственную тайну. Поэтому ваши заявления о том, что вы на это согласны, при желании можно рассматривать как издевательство.

А все-таки, думал я, чего это его так корежит? Да, сейчас-то он малость испугался, но ведь в начале встречи страха не было. Тогда что? И, следуя внезапно возникшему наитию, спросил с преувеличенным равнодушием:

— Ваш диагноз?

Доктор вздрогнул и, запинаясь, сказал несколько слов на латыни. Ничего, беседа пишется, так что найдется кому перевести, а пока я кивнул:

— Понятно. Как ни банально это звучит, но я могу лишь напомнить вам, что ваше будущее в ваших же руках, а выводы делайте сами.

— Я их уже сделал, — привстал гость, — и прошу извинить за неудачное начало нашего разговора. Но есть ли возможность попытаться заслужить ту честь, о которой вы только что говорили?

— Разумеется.

— Тогда скажите, что для этого нужно сделать, вы же понимаете, что времени осталось не так уж и много!

Ага, подумал я, вон, значит, что следует из твоей латыни. Рак у тебя, СПИД или еще что-нибудь? Да и ладно, мне-то какая разница.

— В империи вообще не принято терять время, — обнадежил его я, — и сейчас вас проводят к одной даме, которая обрисует вам, как можно заслужить и подданство, и допуск.

— Г-графиня Князева? — икнул доктор.

Небось Никонов разболтал, подумал я и посоветовал:

— Отвыкайте от потусторонней привычки задавать ненужные вопросы. Необходимое вам сообщат в любом случае, а знание лишнего часто бывает чревато непоправимым ущербом для здоровья. Я вас более не задерживаю, господин Гришанов.

ГЛАВА 17

В конце февраля Никонов вернулся и озвучил такие новости, из-за которых очередной ужин в Зимнем произошел в расширенном составе, то есть при участии еще и Маши. В принципе и присутствие Мари тут не помешало бы, но как раз в это время она пребывала в Ирландии. Как минимум две недели в год страна должна иметь возможность лицезреть свою королеву, решили мы в свое время, и сейчас моя супруга находилась в очередной командировке.

Первой взяла слово Маша:

— Я, конечно, понимаю, что в любом случае наше решение будет носить политический характер. Но, не вдаваясь в тонкости, что конкретно здесь первично, политика или экономика, хочу сразу заявить вот что: халява — зло! И давайте исходить из того, что их премьер будет таскать наши кирпичи отнюдь не бесплатно.

— Тогда почему мы ничего не взяли с Никонова? — усмехнулся Гоша.

— Потому что это была рекламная акция. Ну и насчет «ничего» я бы не была столь категорична, вон дядя Жора как улыбается многозначительно.

— Вообще-то это не наши кирпичи, а монастырские, — напомнил я.

— Совершенно верно, а монахи — они же... блин, опять слово забыла, больно уж редко приходится его произносить... бессребреники, вот. И, наверное, еще нестяжатели. Так что наш долг — не дать им продешевить, мне так кажется.

— Что, мне сочинить преysкурant — почем перенос одних носилок на метр по горизонтали и по вертикали? В миллионах, судя по всему.

— Тьфу, — с чувством поведала мне Маша, — дядя, кому тут нужен твой паршивый миллион? Да и не на базаре мы, чтобы отдавать товар в обмен на какие-то мятые бумажки. В общем, а не пора ли моему департаменту расширить сферу своих операций и на ту сторону портала? Ведь то, что я там буду никому не известным игроком, имеет не только минусы, но и плюсы. А от наших пациентов потребуется помочь с легализацией наших средств там, ну и краткосрочные кредиты при необходимости.

— Думаешь, твоих навыков, полученных на финансовых операциях тут, хватит и для потусторонних махинаций? — усомнился Гоша.

— Разумеется, нет. И поэтому нам снова потребуется

благожелательный нейтралитет эрэфовских властей. Придется завербовать какое-то количество соответствующих специалистов. Абсолютно чисто, без всяких подстав, чтобы они добровольно согласились принять участие в игре нашими деньгами. В случае удачи им, разумеется, будет выплачен немалый процент. И, что для многих важнее, представится возможность существенно улучшить свое здоровье. Более того, я считаю необходимым ввести в контракт пункт о предоставлении имперского подданства, если кто пожелает. Ну а в случае неудачи — увы. Вместо процента — фи́га, а вместо поправки здоровья — расплата частью его на Колыме или Вилюе, где они будут отрабатывать нанесенный ущерб. Кино какое-нибудь про тамошнюю жизнь у нас, я думаю, найдется, чтобы вербуемые лучше представляли себе варианты своего будущего.

— Надеешься найти достаточно желающих? — с сомнением хмыкнул Гоша.

— А ты на дядю Жору посмотри, он явно не сомневается, что таковые будут. Желающие рискнуть найдутся всегда, а нам надо только выбрать из них лучших. И шансы на успех не так уж малы, ведь наших реальных возможностей там никто представлять не будет. Ну и потом мы сможем за пару секунд их времени выдавать решения, прошедшие всестороннюю экспертизу здесь, причем без всякой спешки. Наконец, сразу заработать особо много денег я и не планирую, для начала хватит трех или даже двух с половиной миллиардов.

— Рублей? — на всякий случай счел нужным уточнить я.

Племянница с сожалением глянула на меня и обратилась к Гоше:

— Дорогой, позволь сделать тебе замечание. Твоему канцлеру жалование не индексировалось аж с четвертого года! Вот он периодически и впадает в крохоборство, скоро пятерки начнет стрелять до получки. Дядя Жора, при чем тут какие-то чужие и к тому же очень мелкие рубли? Ты лучше подумай над тонкостями предстоящего вербовочного процесса. У твоего прошлогоднего гостя из Думы есть знакомые в банковском бизнесе?

— Все у него есть, у паскуды. Да и он у нас не единственный источник, так что ты можешь начинать придумывать, как будешь тестировать ораву желающих поиграться в твои игры. Их лояльность — в моей компетенции, а вот профессиональные качества придется определять тебе.

Действительно, думец не был ни единственным, ни первым нашим источником сведений об «элите» Федерации. А не так давно к ним присоединился доктор Гришанов, из которого сведения хлынули ну прямо настоящим водопадом. Татьяна даже задумалась — больно уж ситуация

показалась ей похожей на поведение наших агентов, внедряемых под видом беглецов от тоталитаризма. Те тоже начинали фонтанировать секретами, причем в основном говорили правду. И в этом разливанном море чистой, ничем не замутненной истины совершенно тонула та маленькая и незаметная деза, из-за которой, собственно, и был затеян весь сыр-бор.

Однако я склонялся к мысли, что доктор искренен с нами. Потому как единственным пробелом в его энциклопедических знаниях о болячках эрэфовского руководства являлось состояние здоровья двух первых лиц — об этом он не ведал почти ничего. Зато персоны, начиная от спикера Думы и ниже, были им подробнейше описаны: доктор шпарил наизусть чуть ли не все истории болезни целиком. Это, кстати, тоже говорило в его пользу, то есть подтверждало внезапность решения переметнуться к нам. Если бы его готовили заранее или даже он сам занимался этим, сведения наверняка были бы представлены в виде электронной базы данных. Ну а пока кабинет, выделенный Татьяной для работы с доктором Гришановым, с каждым днем все больше напоминал регистратуру районной поликлиники.

Впрочем, в сложившейся ситуации был еще один нюанс. Перед тем как нас посетит премьер, недавно гостивший в гатчинских подвалах думец отправит своего помощника в Баку. Там этот помощник оставит в заранее выбранном месте небольшой кубик с одной стеклянной гранью, после чего Азербайджан наконец-то сможет посетить группа наших агентов. Их подготовка завершилась, а расследование, проведенное в Москве на основе полученных от Кисина сведений, позволяло надеяться, что доктор Арутюнян жив. Во всяком случае, он был жив в девяносто шестом году.

— Так что спешки устраивать не надо, — поставил я в известность королеву. — Сначала пусть наша группа вернется из Баку, а уж потом начнем искать подходящих тебе людей. Мне нужно двое тамошних суток.

Собственно, при некоторой удаче можно было обернуться и быстрее. Ведь требовалось всего лишь узнать, как сейчас зовут Сергея Гайковича! Потому как по нашим сведениям он по крайней мере в девяносто шестом году находился в России. Но под именем какого-то своего знакомого из Баку, который сгинул там во время известной резни за полгода до развала Союза.

— А без него у тебя что, совсем ничего не получается? — счел нужным уточнить Гоша.

— На днях будет готов отчет, приезжай в Гатчину и читай. Все попытки телепортировать что-то на расстояние более пятнадцати метров приводили только к тому, что объект исчезал. А где появлялся — неизвестно. У наших молодых гениев пока творческий кризис, они только

руками разводят, так что свежий взгляд от автора открытия точно не помешает. Но это так, в порядке предварительного раскатывания губ — еще неизвестно, найдем ли мы доктора, и захочет ли он с нами сотрудничать.

Мы нашли его на исходе вторых суток тамошнего времени и в середине мая шестнадцатого года по нашему календарю. Однако насчет дальнейших действий у Татьяны возникли сомнения, которыми она и поделилась со мной:

— Понимаете, шеф, наш клиент малость тронулся рассудком, и потребуется дополнительное время для завершения операции. Он же вообще не разговаривает с людьми, а только со своей кошкой.

— Видео есть? Давайте.

Я взгляделся и вслушался. Что ж, ситуация понятна. Сергея Гайковича держит на этом свете только его кошка. Люди ему глубоко неинтересны, материальные блага в общем-то тоже. Животное, кстати, у него не из банальных — вон какая морда умная. И как минимум треть того, что ей говорит хозяин, она понимает!

— Танечка, — остановил воспроизведение я, — ситуация отличается от наших планов только тем, что вместо одного объекта вербовки их имеется два. То есть группа, а при вербовке группы основные усилия надо прилагать к ее лидеру. Надеюсь, у вас нет сомнений, кто тут играет эту роль?

Татьяна все поняла сразу.

— Да, со специалистами по кошкам у нас действительно туго... кроме вас, собственно, вообще никого нет. Решили действовать лично? Тогда мне нужна неделя на обеспечение вашей безопасности.

Пятиэтажка на окраине Сергиева Посада ничем не отличалась от своих сестер-близняшек, кроме разве что более ухоженного двора. Жильцы обоснованно считали, что с дворником им повезло: тут работал старый полусумасшедший еврей, потерявший семью в Сумгаите и сам чудом выбравшийся оттуда. Он почти ни с кем не разговаривал, кроме своей кошки, но работником был очень старательным.

Старик действительно любил кошку — единственное родное ему существо в этом мире, и ненавидел зиму. Причем это было связано не только с ним. Кошка имела довольно короткую шерсть и сильно мерзла, но не желала оставаться в дворницкой, когда старик работал.

В прошлом году зима была теплой и малоснежной, а в этом — сплошные морозы и непрерывные метели. Легко ли с утра до ночи убирать сугробы в семьдесят лет? Старик сильно подозревал, что до весны ему не дотянуть, а что тогда будет с Фирой? Она ведь просто не захочет жить! И

теперь старик пытался объяснить своей кошке, что с его смертью жизнь для нее не кончится. Фира внимательно слушала, но было видно, что она не согласна с хозяином.

Старик встал и потянулся к лопате. Что-то сегодня сердце трепыхается даже хуже, чем вчера... Кошка возмущенно мяукнула.

— А что делать? — вздохнул старик. — Если я не буду чистить снег, меня отсюда выгонят. Да и неудобно, я же обещал. А если даже старый Нейман перестанет выполнять свои обещания, то что станет с нашим и так не лучшим миром?

Старик уже больше пятнадцати лет не вспоминал, что когда-то его звали Сергей Арутюнян. Тот человек исчез в Баку, а здесь доживает Яков Нейман, да и то лишь потому, что он нужен своей кошке Фире. Чего, кстати, она там заметила такого уж интересного?

А Фира смотрела на приближающегося к ним мужчину средних лет. Что-то в нем было неправильно, и она не могла понять, что именно. Лишь когда он подошел на пару шагов и улыбнулся ей, Фира сообразила, в чем тут дело.

С ее точки зрения, люди делились на три категории. Первая, самая малочисленная — хорошие и слабые. Как ее друг, он же хозяин. Вторая, таких людей больше всего — плохие и слабые. Наконец, имелась третья разновидность, плохие и сильные. К счастью, их было совсем немного, но каждый по возможной вредоносности не уступал сотне из второй группы. Один Аслан из соседнего дома чего стоит!

Но незнакомец явно относился к той группе, о наличии которой в природе Фира до сих пор не подозревала. Он был хороший и сильный. Причем очень сильный, рядом с ним Аслан смотрелся бы весьма бледно и совсем не страшно.

Старик пребывал в полном недоумении. Что случилось, если его Фира, которая считает большую часть людей недостойными внимания существами, а меньшую просто боится, так вьется вокруг этого странного прохожего? И, кажется, он даже понимает, что она хочет ему сказать!

Я действительно это понимал, причем и без помощи сидящего за пазухой Рекса. Начав с неуверенного мяуканья, кошка быстро повысила градус беседы до истошного мява. Она вопила, что работа убивает старика, а бросить ее он не может, потому что не дают плохие люди. Они сильные, но ведь ты сильнее! Помоги хозяину, он хороший, в-ввя-яууу!!!

Кошка Фира была права в своей оценке ситуации, но я не стал заострять на этом ее внимание. А судя по тому, с каким удивлением взирал на нас бывший доктор физматнаук, у меня появился шанс поговорить и с

ним.

— Вы, конечно, понимаете, что мне пытаются втолковать ваша многоуважаемая кошка, — начал я. — Не волнуйтесь, мне тоже все понятно. Более того, я нахожу ее требования весьма своевременными и разумными.

В этот момент Фира заткнулась на полувзмыве и в обалдении уставилась на верхнюю часть моей куртки. Так и есть, Рекс все-таки высунулся. Пока наружу торчали только глаза и уши, но он ворочался, пытаясь пролезть выше.

— Замерзнешь, тут ведь минус десять, — шепнул я ему.

— Простите, не понимаю, — как-то неуверенно сказал Арутюнян.

— Это вы простите, но в то, что вы не понимаете свою кошку, мне поверить ну никак невозможно, — возразил я. — И ведь она права — тяжелая физическая работа никоим образом не идет вам на пользу. Не хотите сменить место службы? И жительства заодно.

Старик молча опустил на скамейку, а Фира запрыгнула ему на колени и заурчала.

— Ладно, — сказал он через некоторое время. — Прежде чем рассказывать, что и почему вам вздумалось мне предложить, ответьте вот на какой вопрос. Эти люди, хоть и из каких-то своих соображений, в тяжелые времена дали нам с Фирой кров над головой и возможность заработать себе на кусок хлеба. Как будет выглядеть мой уход с моральной точки зрения?

— Безукоризненно, — заверил его я. — Эти достойные люди получают практически невозможное — за неполные пять тысяч в месяц и закуток в подвале, громко именуемый «дворницкой» — настоящего дворника. Который и не пьет, и не притащит сюда толпу своих родственников и знакомых из какой-нибудь горной солнечной республики, и очень ответственно относится к своим обязанностям. Согласитесь, что один раз жильцы действительно нашли такого человека — вас, но вряд ли им также повезет снова. Это, так сказать, одна сторона. Вторая — у человека, про которого я говорю и которого хочу предложить на ваше место, была очень непростая биография, и сейчас он был бы рад начать новую жизнь, а я — помочь ему в этом.

Моя речь являлась чистой правдой, ибо у полевого агента ДОМа с пятнадцатилетним стажем простой биографии быть не могло по определению. И он, разумеется, будет рад выполнить очередное задание, то есть начать какую-то там по счету новую жизнь, на сей раз в городе Сергиев Посад Российской Федерации.

— Нет, никакого криминала, — продолжил я, — и документы у него в порядке. Ну как, сделаете доброе дело?

— Простите, но что вы хотите предложить нам с Фирой?

— Жизнь в таком месте, где никогда не бывает зимы, например. У меня, знаете ли, имеется дача на Канарах. Кому за ней смотреть, там есть, но на этой даче живут кошки. Вы же понимаете, их мало вовремя кормить и поить, с ними надо общаться, иначе они могут одичать, чего не хотелось бы. А сам я в силу занятости бываю там довольно редко. Как вам такая перспектива?

— А если через год или два вы передумаете и просто выкинете нас со своей дачи?

— Я вам даю слово, что даже если и передумаю, то никуда не выкину, вы так и останетесь жить, где жили, пока сами не захотите чего-нибудь иного. Неужели жильцы этого дома вам гарантировали такое?

— Нет, конечно, — вздохнул старик. — В принципе я, конечно, согласен. Когда собираться? И кто вы, если не секрет?

— К чему тянуть? Вон стоит моя «газель», в Москву поедem прямо сейчас. А насчет того, кто я... зовут меня Георгий Найденов. В числе прочего и миллионер, как вы уже наверняка догадались. Ну а где и кем я работаю — это лучше не рассказывать, а показать, сами все увидите примерно через час.

ГЛАВА 18

Старик жил в Гатчинском дворце уже месяц и с удивлением замечал, что он, кажется, даже молодеет. Исчезла донимавшая его всю зиму аритмия, прекратились постоянные боли в спине, и даже, что удивительно, каким-то непонятным образом немного улучшилось зрение. Во всяком случае, теперь очки ему требовались только для чтения совсем уж мелких текстов.

Месяц назад они с Фирой сели в «газель», которая быстро вывезла их из Сергиева Посада и свернула на какую-то проложенную трактором колею в придорожном лесу. Не успел Нейман удивиться, как день снаружи неожиданно погас, будто его выключили, а «газель», только что натужно буксовавшая в снегу, вдруг мягко прокатилась по неизвестно откуда появившейся асфальтовой дорожке и встала. Найденов открыл дверь и пригласил старика:

— Мы в общем-то приехали. Можете глянуть, куда именно.

«Газель» стояла на дорожке в каком-то ухоженном парке. Вокруг была летняя ночь, а метрах в двухстах впереди возвышалась ярко освещенная громада дворца.

— Думаю, что вы слышали про «Розу мира» Андреева, — улыбнулся Найденов, — и вот вам иллюстрация к основным ее постулатам. Это другой мир, не ваш. Тут тоже есть Россия, но это империя, а не федерация. А я — государственный канцлер этой империи. То, что впереди, это моя резиденция, Гатчинский дворец. Начиная с этого момента вы, а также уважаемая Фира — мои гости, и можете пребывать в этом статусе столько, сколько вам заблагорассудится. Предложения относительно Канар остаются в силе, но они необязательны к исполнению. Может быть, в новой обстановке зима покажется вам не таким уж злом, тем более что до нее тут еще не меньше пяти месяцев.

Из-под куртки у него вдруг выбрался мелкий и какой-то облезлый кот, прыгнул на землю и, подняв мордочку, что-то вопросительно мявкнул канцлеру.

— Да беги, беги, раз не терпится, — махнул рукой Найденов. Кот вдруг подмигнул Фире, отчего та так и села на задние лапы, а он, задрав хвост, умчался вперед по дорожке.

— Н-нам идти туда? — спросил потрясенный старик, показывая в сторону дворца.

— Если хотите прогуляться теплой ночью по парку, то пожалуйста, — пожал плечами хозяин резиденции, — а вообще-то эта «газель» сейчас едет прямо к нужному подъезду.

Почти весь следующий день заняло оформление всяких бумаг, причем не только на старика, но и на Фиру тоже. Правда, с этим помог мальчик лет двенадцати по имени Алеша. К вечеру чуть не падающий от переживаний Нейман наконец вернулся в свои две комнаты и разложил на столе свои и Фирины документы.

Паспорт. Справка о благонадежности. Обязательство о неразглашении. Служебное удостоверение с указанием должности «воспитатель персонала К» — это все его. Алеша уже пояснил, что так называются дворцовые кошки общим количеством двенадцать штук. Кстати, за это даже полагалось жалованье — семьдесят пять рублей в месяц. Притом что бесплатная столовая во дворце работала круглосуточно, и даже Фира тоже могла ее посещать на общих правах, а ни за жилье, ни за коммунальные услуги платить не требовалось вовсе. У Фиры пока были только справка и обязательство. Два дня старик маялся бездельем, а на третий не выдержал, нашел дежурного по этажу и, ошалев от собственной наглости, потребовал у него метлу, совок и ведро.

— Да зачем это вам? — изумился дежурный и, кажется, хотел что-то добавить, но старик чувствовал, что его непонятно откуда взявшаяся смелость с минуты на минуту исчезнет, поэтому не дал закончить:

— Вы видите, что здесь написано в графе «Должность»? Воспитатель! А воспитывать можно только трудом и личным примером, и мне жаль, если вы до сих пор этого не понимаете.

После чего замер, из последних сил стараясь не вжать голову в плечи. Однако дежурный вдруг сказал: «Извините, не подумал», — и исчез, а через три минуты было принесено все требуемое плюс дворницкий фартук.

И вот почти весь июнь старик со своей кошкой занимались тем, чем и в Сергиевом Посаде летом, — утром и вечером подметали участок, а днем Фира бегала по нему и, если видела где бумажку или еще какой мусор, тут же хватала его и тащила в ведро. Впрочем, мусора тут было примерно на два порядка меньше, чем на предыдущем месте службы.

Однако чем дальше, тем чаще его посещали воспоминания из, казалось бы, навсегда забытой прошлой жизни. Уже не раз он ловил себя на том, что обращается к себе как к Сергею Арутюняну. Но ведь Сергея же убили, убеждал себя старик, убили те, кого он считал своими друзьями и единомышленниками! И гнал из памяти воспоминание о том, как у него было не меньше минуты, чтобы объяснить убийцам их ошибку, но он не

сделал ничего. В результате погиб случайно оказавшийся в Баку его московский знакомый, художник издательства «Наука» Яша Нейман, довольно похожий на Сергея, а избитый Арутюнян, очнувшись на следующий день, узнал, что его жены и сына тоже нет в живых.

Следующие полгода он просто не помнил. Вроде бы кто-то смог доставить его в Москву, где он долго валялся в больнице, причем с Яшиным паспортом. Кажется, после травматологии его хотели перевести в психиатрию, но тут грянул путч, за ним развал Союза, и всем стало не до полупомешанного одинокого инвалида. Может, он так и доживал бы свой никому не нужный век в Яшиной квартире, но на его беду она была хоть и однушкой, но большой, и не в хрущобе где-нибудь на Дмитровском шоссе, а в сталинском доме на Ломоносовском проспекте. Так что одним хоть и не прекрасным, но, к счастью, все же летним вечером к нему явились гости и вежливо попросили расписаться тут, тут и тут, после чего уматывать, и чем дальше от Москвы, тем лучше. Человек, теперь считающий себя Яковом Нейманом, даже немного удивился великодушию своих визитеров, когда ему действительно дали уйти, а не убили прямо в квартире. Впрочем, аналитический ум ученого быстро решил эту нехитрую задачу: ведь тогда пришлось бы возиться с трупом. Кроме того, даже в те лихие времена за убийство можно было при определенном невезении и сесть.

Всю ночь Яков куда-то шел, рассудив, что если всегда идти, не останавливаясь, то в конце концов силы кончатся, он упадет и спокойно умрет. Но почему-то умирать в Москве ему не хотелось. К утру он вышел из города и только порадовался, что вокруг наконец-то не асфальт и бетонные коробки, а хоть и загаженный, но лес, где можно наконец-то упасть, как вдруг услышал какие-то плачущие звуки, а вскоре нашел и их источник — привязанного к дереву и полумертвого от голода котенка. Как радовался Нейман, что он, в последний раз выходя из дома, неизвестно зачем взял с собой Пакст с недавно купленными молоком и хлебом!

Вот так и началась их совместная жизнь с кошкой Фирой, продолжавшаяся уже шестнадцатый год.

Но в самом конце июня произошло событие, которое поставило точку на раздвоении личности старика. Он увидел проходящих по коридору дворца троих молодых людей, причем каждый ему кого-то напоминал! Кого именно? Что касается первых двоих, он вспомнить так и не смог, но вот третий был вылитым лаборантом Сашей. Нет, помотал головой Сергей Гайкович, этого не может быть. Ему же сейчас должно быть почти пятьдесят, а только что прошедший парень практически такой, каким я его запомнил с конца восьмидесятых. Нет, показалось, это не он.

Но продолжать думать о себе как о Якове Неймане старик больше не мог. Он вернулся в свою комнату, сел на диван и стал ждать Фиру.

Когда кошка вернулась с очередного обхода, она была поражена видом своего друга и хозяина. Ведь вроде все наконец-то стало хорошо, старика никто не заставляет выходить на мороз и сутками напролет разгребать снег, а в столовой просто великолепно кормят. Но почему он выглядит так, будто вернулись те страшные времена? Или он заболел?

— Что мне делать, Фира? — потерянно спросил он свою кошку. — Найденов считает меня Нейманом, но ведь на самом деле я Арутюнян. Или ты думаешь, что он это знает? Да, наверное, ты права. Но ведь всего остального он знать не может! Как быть?

У кошки по этому поводу не было ни малейших сомнений: раз случилось что-то плохое, надо идти к Хорошему Сильному Человеку. Он помог тогда, когда ни у нее, ни у старика не было никакой надежды, поможет и сейчас. Тем более что Фира уже знала, где его искать в этом огромном доме.

— Наверное, Фира, ты права, — вздохнул старик и подошел к телефону, которым он еще ни разу не пользовался. Некоторое время с сомнением смотрел на аппарат, ища наборный диск, и, не найдя, снял трубку.

— Коммутатор, — услышал он женский голос.

— Девушка, не подскажете, как можно позвонить господину канцлеру? — неуверенно спросил Арутюнян.

— Ждите, соединяю.

После чего в трубке что-то щелкнуло, потом прошли два длинных гудка, и раздался голос Найденова:

— Добрый день, Яков Рудольфович, рад вас слышать. Или у вас что-то случилось?

— Да... то есть нет... то есть все-таки да... могу ли я с вами поговорить не по телефону?

— Разумеется, — тут же ответил канцлер, — я как раз собирался сходить пообедать, а зайти к вам по пути в столовую мне нетрудно. Ждите, буду минут через пять.

Этих пяти минут старику хватило только на то, чтобы придумать первую фразу, которой он и встретил канцлера.

— Господин Найденов, я не Нейман.

— Знаю, — кивнул канцлер и, сев на диван, начал гладить запрыгнувшую ему на колени Фиру. — Вы Сергей Гайкович Арутюнян.

— Но вы не знаете, что я трус и преступник! — почти выкрикнул

старик.

— Нет, Сергей Гайкович, — возразил Найденов, — вы и ни то, и ни другое. Вы просто жертва. Двойная — своей наивности и людской подлости. И если со второй справиться довольно просто, то с наивностью — увы. Даже у меня иногда что-то такое проскальзывает, это я вам говорю по секрету.

— Вы считаете, с подлостью бороться легко?

— Ну «легко» и «просто» — это все-таки несколько разные понятия. А в общем-то да — чего же такого особо сложного в эвтаназии? Прекрасно помогает, между прочим, лично я не слышал ни об одном рецидиве. Хотя, конечно, есть и несколько менее гуманные методы.

— Как... — начал было Арутюнян, но осекся. Ведь он хотел сказать: «Как же вам легко живется с подобными убеждениями!», но посмотрел на своего собеседника и понял, что говорить такое было бы глупо и несправедливо. Так что старик помолчал и закончил совсем не так, как собирался: — Как же вам, наверное, тяжело жить!

— А жить вообще тяжело и очень вредно для здоровья, — усмехнулся канцлер, — так что давайте лучше вернемся к вашим проблемам.

— Наверное, вы вышли на нас с Фирой не случайно, — помолчав, начал Сергей Гайкович. — Вы искали в том мире физиков? Если да, то в моем случае вы ошиблись. Я бывший физик. Настолько бывший, что мне уже просто не успеть снова стать настоящим.

— Знаете, я тут как-то незаметно сделал несколько дел, в начале которых был твердо уверен, что завершить их не успею. Теперь начал новые, про которые думаю то же самое. Но сейчас, правда, допускаю, что могу и успеть, ибо в мире иногда случаются поистине удивительные вещи. Не хотите ли, кстати, послушать рассказ об одной из них?

Старик слушал Найденова и с удивлением чувствовал, что он, оказывается, ничего не забыл. В голове сразу возникло уравнение Шредингера для поведения частицы в установке нетрадиционного туннелирования, потом различные варианты его решения...

С некоторым трудом Арутюнян заставил себя продолжать слушать канцлера. Так что получается, он не ошибся, и встреченный в коридоре молодой человек действительно был его бывшим лаборантом Сашей? Интересно, а кто тогда остальные два, их ведь тоже явно приходилось когда-то видеть.

— Капица и Френкель, — пояснил Найденов, — просто очень молодые, вы их такими не видели даже на фотографиях. Сейчас они как раз

и занимаются эффектом Арутюняна.

— Он что, так уже официально называется?

— Разумеется, а как его еще было назвать — ну не эффектом же Кисина, в самом деле!

Сергей Гайкович засмеялся.

— Да уж, это надо же такому случиться — из партбюро и сразу к вам! Кстати, можно обратиться с просьбой, если еще не поздно? Насколько это допустимо, обойдитесь с ним помягче. Он личность хоть и достаточно неприятная, но все-таки сравнительно безвредная.

— А никто его и не репрессировал. Служит помаленьку и даже, кажется, счастлив, в меру своих возможностей. Но тип действительно не из самых симпатичных, тут вы правы. Кстати, насчет имен. В принципе вы можете тут фигурировать и под своим собственным, но это не очень желательно из соображений секретности. Впрочем, если настаиваете...

— Да нет, что вы. Меня устроит любое.

— Значит, остаетесь Яковом Рудольфовичем Нейманом. Естественно, вам предлагается принять участие в продолжении работ по изучению эффекта Арутюняна. Именно предлагается, вы имеете полное право отказаться, даже не утруждая себя объяснением причин, и абсолютно никаких санкций это не вызовет. Но в случае согласия имейте в виду одну не очень приятную вещь. Разумеется, в вопросах применения вашего открытия у вас будет довольно весомый голос. Но не решающий, таковой на данный момент имеется всего один, и он у меня. Сколько времени нужно вам на раздумья?

— Да нисколько, пожалуй, не нужно. Я понимаю, с чем связано ваше предупреждение об использовании результатов — они могут быть применены против бывшей моей страны. Но я ей больше ничего не должен. Она дала мне образование и возможность заниматься любимой работой, но потом лишила всего и дважды пыталась убить. Мы квиты. Я ничего против нее не имею и, повторяю, ничего ей не должен. В общем, я согласен.

— Спасибо. А насчет страны... Сергей Гайкович, давайте оставим расплывчатые формулировки политикам, сами же будем применять точные термины. Страна — это территория, на которой живет народ, управляемый элитой. Так вот, к собственно территории у нас никаких претензий нет. К народу, за исключением, разумеется, некоторого неизбежного количества козлов, мы относимся хорошо, а к отдельным его представителям так и очень хорошо. Ну а элита — тут, конечно, насчет приятного отношения говорить трудно, это да. Кстати, в первый раз вас пытались убить именно шестерки элиты, а во второй — козлы из народа, которым очень хотелось в

эту элиту попасть. Думаю, что к сегодняшнему дню им это удалось. Если хотите, могу узнать точно, с последующим восстановлением справедливости.

— Нет, что вы, — даже немного испугался старик, — не надо! В конце концов, без их вмешательства я бы остался в той квартире и к настоящему времени, скорее всего, умер, а главное — Фира бы тогда точно погибла в лесу. Очень вас прошу иметь в виду и этот аспект ситуации.

— Да не до них нам сейчас совершенно, хрен с ними, пусть живут! Ну а если вдруг наши пути пересекутся по их инициативе, лично прослежу, чтобы и упомянутая вами положительная сторона деятельности этих господ не была забыта. Например, перед исполнением приговора каждому вручат денежную премию и почетную грамоту за участие в спасении кошки.

Найденов ушел, перед этим подарив ноутбук и в двух словах объяснив, чем он отличается от знакомого ученому по прежней жизни эй-ти двести восемьдесят шестого. Старик, которого теперь снова звали Яков Нейман, никак не мог прийти в себя от очередного поворота судьбы, столь же неожиданного, как и предыдущие. Фира тоже была занята — она героически пыталась за один присест съесть всю черную икру, подаренную ей канцлером, но пока находилась довольно далеко от победного завершения этого процесса.

Перед уходом Георгий Андреевич сказал, что завтра ближе к вечеру Неймана посетит лаборант Саша, а дня через три они все слетают на объект «Заря». И теперь старый ученый, который буквально с каждой минутой чувствовал себя все более и более молодеющим, внимательно изучал файлы с результатами всех проведенных на «Заре» экспериментов. Затем он постарается составить в голове какую-то общую картину, и только после этого можно будет начинать смотреть, что именно предлагают Капица и Френкель в качестве теории, объясняющей эффект Арутюняна.

ГЛАВА 19

Как-то раз в папке, с утра представленной мне дежурным секретарем, оказалась довольно любопытная новость из Центральной Франции. Когда секретарь ее озвучил, я поначалу не врубился и переспросил:

— Простите, кто там съел пудю, какую и зачем?

Однако мое недоумение было быстро рассеяно. Оказалось, что речь идет о мини-самолете «небесная блоха», то есть по-французски «пудю съель».

Я с интересом просмотрел материал. Оказывается, это Сантос-Дюмон вернулся к активной жизни! Вот оно, еще одно подтверждение народной мудрости «раньше сядешь — раньше выйдешь».

В вашем мире он строил свои самолеты «Демуазель» до десятого года, когда попал в очень серьезную аварию. Он так и не смог оправиться от ее последствий и навсегда покинул авиацию, а вскоре и Францию.

Здесь же он разбился еще во втором году, испытывая самолет нормальной схемы, то есть с хвостом сзади. Вообще-то мысль была совершенно правильной, но в те времена никто, кроме меня, не знал, что такое штопор.

При всех своих недостатках самолеты схемы «утка», моими стараниями считавшиеся тогда эталоном аэроплана, в штопор не могли войти принципиально, чего бы ни вытворял пилот. Вот Сантос-Дюмон и грохнулся, но, однако, сумел выздороветь и вернуться в небо. В войну он работал на фирме «Депердюзсен», выпускавшей какие-то невразумительные гибриды разведчиков с ночными бомбардировщиками. Собственно, эти самолеты вошли в историю не из-за своих выдающихся летных данных, а благодаря глушителям на моторах. Однако они были не очень эффективными, и вместо рокота самолет в полете издавал какие-то не очень приличные звуки, отчего наши летчики и наземные службы быстро сократили его название до «пердюзика».

И вот теперь Сантос-Дюмон решил вновь организовать свое дело и разработал предельно простой самолет. Собственно говоря, это был скорее мотодельтаплан, потому как он не имел ни фюзеляжа, ни хвостового оперения, а только полужесткое стреловидное крыло и гондолу с пилотом и двигателем под ним. В качестве мотора использовался движок от нашего мотоцикла АРН-3, довольно популярного во Франции из-за своей невысокой цены. Ибо даже такие дешевые автомобили, как «Форд-Т» или

«чайка», были не по карману массовому покупателю только что проигравшей войну страны. По этой же причине авиация там находилась в предсмертном состоянии. А Сантос-Дюмон обещал, что в массовом производстве его «блоха» будет стоить не больше мотоцикла. Правда, для достижения заявленного результата требовались вложения, заметно выходящие за финансовые возможности французско-бразильского авиатора.

Я задумался. В голове опять всплыла совершенно иррациональная мысль, впервые посетившая меня еще четырнадцать лет назад, когда я получил более или менее подробные сведения о проектируемом самолете. Его принципиальная штопорная неустойчивость была ясна с первого взгляда — центровка ровно на трети хорды плюс ненормально маленький киль не оставляли практически никаких шансов на успешное завершение программы испытаний. Поэтому, зная привычку Сантос-Дюмона самому испытывать свои творения, я не очень высоко оценивал его шансы выжить в процессе полетов на новой машине. Одно короткое письмо от меня могло радикально изменить ситуацию, но дальше-то что? Франция научилась бы делать самолеты нормальной схемы как минимум на три года раньше, чем это было при моем невмешательстве. В результате к войне они были бы более совершенны и могли нанести нашим солдатам куда больше вреда...

Так что я ни минуты не сомневался в правильности своего решения, но неприятный осадок от него все равно остался. Наверное, это было связано с тем, что при личном знакомстве Сантос-Дюмон произвел на меня очень хорошее впечатление. И теперь, через четырнадцать лет, я снова чувствовал себя не то чтобы виноватым, но и не на сто процентов правым. Однако то, что где-то в глубине моего организма затрепыхалось нечто, напоминающее совесть, вовсе не должно обязательно стать поводом для каких-либо действий. Будет сильно мешать — придушу. Потому как я давно уже не частное лицо и для любых телодвижений желательно иметь более серьезные основания, нежели просто душевный порыв. А вот выпить кофе по этому поводу можно, авось в процессе пережевывания бутерброда и родится мыслишка-другая.

Итак, начал припоминать я, что там у нас сейчас происходит в Центральной Франции со столицей в городе Лионе? Обычная послевоенная депрессия, и даже не такая сильная, как, например, в Германии после Версальского мира по ту сторону портала. Ну безработица, это да. Инфляция, но довольно умеренная — франки считают тысячами, а не миллионами или килограммами. Молодежь, конечно, мается и пытается найти какой-то особый путь, про это мне в прошлом году даже доклад

представляли. Собственно, тогда и случился массовый завоз наших мотоциклов во Францию — с целью способствовать организации там чего-то вроде американского байкерского движения.

Я хмыкнул. Движения пока не получалось, и причина лежала на поверхности. Ведь что такое «харлей»? Длина — во! Ширина — почти такая же. Хрома с одного мотоцикла хватило бы на выплавку нескольких тонн легированной стали. Звук опять же тоже немаловажный фактор. Ну и цена как у двух «фордиков», потому как даром такие вещи не даются.

На фоне этих монстрообразных механизмов наш АРН смотрелся мелко и невзрачно. И байкер на нем выглядел жалкой пародией на американского, а молодежь — она вообще-то очень чувствительна к таким вещам.

Так, а если вместо мотоцикла предложить им летающую машину по той же цене? И соответствующую идеологию. Что-нибудь типа: «Только в небе мы свободны»... Нехай сбиваются в стаи и летают за пивом!

Вообще-то никаких экономических причин развивать легкомоторную авиацию у Франции не было. У нас другое дело, в России полно мест, куда по земле просто так не доедешь. Или доедешь за недельку-другую. В Японии «Тузики» были популярны среди тех, у кого имелась необходимость часто перемещаться между островами, а вот в Германии частные мини-самолеты как-то не прижились. И во Франции с ее неплохими дорогами и весьма умеренными расстояниями мотоцикл, тем более с коляской, будет более эффективным средством передвижения, чем самолет. Ну так это и замечательно — типа их в небо зовет не корысть, а... а... ладно, потом специалисты придумают, что именно.

Так что самое время материально поддержать воспрянувшего бразильца. И никаких прикрытий изобретать не надо, потому как лучшим прикрытием является чистая правда. Мол, старый пень Найденев вспомнил молодость, как он с Сантос-Дюмоном летал вокруг Эйфелевой башни, расчувствовался, прослезился и тряхнул мошной.

Одной из основных задач нашей внешней политики в отношении стран бывшей Антанты являлось недопущение образования мировой валюты, на роль которой потихоньку начинал претендовать доллар. Для успеха американцам нужны были три вещи. Первая — высокая конкурентоспособность их промышленности, чтобы за этот доллар действительно можно было не очень дорого купить стоящие вещи. Вторая — доверие к этой валюте. Тут, как это ни странно, все было неплохо отчасти благодаря нам — ведь кризис седьмого года был в зародыше придушен стрельбой из пушки по окнам моргановского кабинета! Да и после войны инфляция в Штатах уложилась в какие-то жалкие шестьдесят

процентов. Здесь уже определенная заслуга принадлежала Альперовичу.

Но эти два условия совершенно недостаточны для завоевания мира долларом. Нужны еще мощные вооруженные силы со средствами доставки, то есть флотом. Потому как без них могут возникнуть затруднения с не очень понятливыми клиентами.

Однако первые два условия необходимы только на момент завоевания позиций. А потом хватит и одного третьего! Посмотрите на Штаты двадцать первого века. Что, их промышленность так прямо и вне конкуренции? Ага, держите карман шире. Или доллар пользуется абсолютным доверием? Да тоже не сказать чтобы уж очень. Но третье условие продолжает выполняться, так что мало кто рискует возмущаться сложившимся положением дел.

Все это отлично понимали в САСШ нашего мира, и поэтому там сейчас шло лихорадочное восстановление флота и перевооружение армии.

Во флоте основной упор был сделан на авианосцы и противолодочные корабли. И тех, и других строилось много, что, по нашим прикидкам, скоро должно было вызвать экономические трудности в невоенных отраслях. Однако пока Штаты как-то справлялись, и даже пытались завалить своими дешевыми товарами разоренную войной Европу. Но получалось это не очень.

Австрия, вошедшая в состав Рейха, была предметом особой заботы Вилли. То есть в ней практически не наблюдалось ни инфляции, ни разрухи, ни безработицы, и немецкие товары там были вне конкуренции.

Как ни странно, с английским рынком у амеров тоже возникли трудности. Правда, к ним приложил руку некто Найденов, но его действия были вполне логичны и даже в какой-то мере этичны.

Вопреки всеобщему заблуждению, после войны в Англии подорожало не все. Журналюги, например, подешевели просто до неприличия! И если до войны покупка самого захудалого репортеришки обходилась как минимум в три тысячи фунтов, то теперь акулы пера средней известности и полторы тысячи считали вполне приличной суммой. Причем фунт подешевел раз в двадцать и продолжал свое движение вниз!

В общем, некоторая часть журналистов была нами проспонсирована, и в прессе поднялся вселенский хай. Мол, мы воевали с русскими, это да. Но они были честным противником! Нормально содержали пленных, а иногда их и просто отпускали, не препятствовали своим благотворителям оказывать Англии продовольственную помощь, ну и так далее. Американцы же просто предали нас в самый решающий момент! А теперь лезут со своими продуктами и машинами, которые, кстати, не лучше и не

дешевле русских.

Самое интересное, что вопили не только проплаченные нами мастера печатного слова. Имелись и бескорыстные энтузиасты, причем не в таких уж малых количествах. Судя по всему, им тоже хотелось денег. Так что сейчас информбюро анализировало их творчество на предмет художественных достоинств. Те, которые пишут хорошо, литературно и убедительно, вскоре будут поставлены на довольствие. А бездарями и халтурщиками пусть занимается Пакс, к настоящему времени и при некоторой нашей помощи ставший в Англии кем-то вроде серого кардинала при Эдуарде Седьмом. Сэр Эндрю уже сообщил нам, что не может оставить ситуацию без внимания и в ближайшее время должен будет хоть кого-нибудь арестовать.

В осколках же Франции дела обстояли так. Две коммуны, Парижская и Марсельская, в прошлом году приняли решение объединиться в Коммунистическую конфедерацию, но пока там шел подготовительный период. В обоих этих государствах наши позиции были довольно сильны с момента их образования. А вот Центральная Франция, по площади вдвое превосходящая обе коммуны, вместе взятые, тяготела к Америке.

Значит, пускай тамошняя молодежь приобщается к небу, решил я и быстренько написал распоряжение в экономический отдел. Пусть подсчитают, в какие суммы выльется моя ностальгия по далеким временам зарождения авиации, какая их часть будет истрачена просто так, а какая со временем даст прибыль.

Надо сказать, что к моему заданию в экономическом отделе отнеслись творчески, и уже сразу после обеда оттуда последовал звонок с вопросом: обязательно ли Найденов должен впасть в сентиментальность именно на посту канцлера Российской империи? Или он может это сделать, пребывая принцем-консортом Ирландского королевства? И дальше они кратко разъяснили, какие экономические выгоды могут последовать из того, что концерн по производству массовых сверхлегких самолетов будет совместным ирландско-французским предприятием.

После недолгого размышления я согласился, что в такой постановке вопроса действительно что-то есть, и не только в смысле экономики. В конце концов, антирусские настроения в Центральной Франции пока еще имеются, хотя по интенсивности они несравнимы с антинемецкими. А вот антиирландских нет абсолютно! Наоборот, иногда встречаются признаки симпатии к этой стране.

Во Франции не обижались на Штаты за сепаратный выход из войны, потому как он случился тогда, когда французам стало уже глубоко по

барабану, кто там с кем еще воюет. А вот на англов они обиделись, когда те вместо участия в защите Парижа от коммунаров и вообще борьбы с немцами вдруг драпанули через Ла-Манш. Поэтому известия об ирландской революции были встречены с определенным злорадством. Помимо этого было некоторое время довольно модно поддерживать мятежный остров хотя бы на словах.

Получается, что мне придется сопровождать супругу во время ее очередного заезда в свое королевство. В общем-то оно и пора, независимо от этой небесно-блошиной истории, ибо был я там всего один раз, на коронации, да и то весь визит уложился в шесть часов. Решено, съезжу, а то ведь даже как-то неудобно. Я же хоть и консорт, но все-таки тамошний принц, даже простенькая корона есть. Зарплата, правда, на этом посту больно уж смехотворная, однако совсем забывать Ирландию из-за этого не стоит. И подарков побольше захватить, чтобы народ ждал следующего приезда с нетерпением! Правда, у Бори Фишмана мизерные объемы производства, так что его продукт перепадет только некоторым достойным. Ну а остальные вполне удовлетворятся продукцией господина Смирнова, который тут прекрасно обходится без всяких «фф» в конце фамилии. Да, и пусть в экономотделе прикинут, хватит ли на, скажем, двухдневный праздник одного танкера или сразу заказывать больше? С закуской все просто. Подсчитать, сколько ее потребуется до первого стакана, а потом прекрасно пойдут и изделия Ярославского мясо-колбасного завода «Деликатес».

Только на этом моя мысль не остановилась. Ведь Сантос-Дюмон родом из Бразилии! Вот уж не знаю, кем он там был — судя по состоянию, привезенному во Францию, кем-то вроде юного плантатора. Однако может и его тоже посетить ностальгия? Еще как. А в той Бразилии действительно по земле передвигаться довольно затруднительно, это отметили еще наши десантники в самом начале века, когда они там вразумляли местных резиновых царьков. Так пусть предприятие будет трехсторонним, с участием и Бразилии тоже. Ибо что-то больно уж активно штатовцы лезут в европейские дела, как будто им на соседнем материке ну вовсе нечем заняться. Хотя как возмущались, когда японцы начали помаленьку укореняться в Чили на предмет разработки тамошней селитры и прочих даров недр. Пытались даже организовать там какое-то национально-освободительное движение, но у японцев уже имелось свое, антиамериканское, которое этих новых объявило наймитами капитала и помаленьку начало вырезать. На том амеры и успокоились, правда на всякий случай устроив в соседней Аргентине очередной переворот с

посадкой на трон своего президента.

Надо признать, что такой особой нужды в натуральном каучуке, каковая имелась в начале века, сейчас уже не было, потому как научились делать искусственный. Но у натурального пока все-таки есть некоторые преимущества, так что совсем списывать его рано. Кроме того, в Бразилии растет бальса, и в этом бизнесе мы вовсю присутствуем еще со времен «Пересветов» и «Варриоров», которые были построены из нее чуть не наполовину. Правда, с тех пор бальсовых самолетов никто не производил, и спрос заметно упал, но это дело поправимое.

Пусть Сантос-Дюмон изобретет что-то вроде англо-канадского бомбардировщика «москито» конца Второй мировой войны. Этот практически цельнодеревянный самолет, построенный с широким использованием бальсы, был невидим для тогдашних радаров! А что такое наши хероскопы, амеры уже знают и даже сами пытаются сотворить нечто подобное. Значит, делает Сантос-Дюмон бальсовый самолет, но не «москито», это будет слишком жирно, а нечто вроде Як-4. То есть машину, похожую и на самолет-разведчик, и на скоростной бомбардировщик, но не пригодную ни к чему, кроме показухи. На этом аэроплане какой-нибудь отмороженный на всю голову воздушный хулиган вторгнется в наше воздушное пространство, и ни один метровый радар его не обнаружит! Прото, что нарушителя прекрасно увидят Борины сантиметровые криптовизоры, хоть и на меньшей дистанции, мы скромно промолчим. Зато устроим скандал со снятием верхушки ПВО и грозным рыком канцлера... Ох, как после этого спрос-то на бальсу подскочит!

Когда я прикинул все эти нюансы, мне даже стало самую малость неудобно. Ведь я уже несколько лет и не вспоминал о Сантос-Дюмоне, а он взял и придумал вон сколько интересных вещей разом.

ГЛАВА 20

Александр Кобзев закрыл папку и убрал ее в сейф. Да, насколько он способен это понять, исследование пока в тупике и в ближайшее время никаких прорывов в изучении эффекта Арутюняна не предвидится. А вот в чем там затык — для понимания этого Сашины знания были совершенно недостаточно. Причем поначалу, когда теорию разрабатывали Капица с Френкелем, было еще ничего, но, когда к ним подключился Сергей Гайкович, которого теперь звали Яков Рудольфович, теория очень быстро эволюционировала в нечто для Саши почти непонятное. Яков Рудольфович, правда, поначалу пытался что-то объяснить, но не преуспел. В утешение он сообщил лаборанту, что его кошка Фира понимает в квантовой физике намного меньше, чем Саша.

В общем, Александр воспринял паузу в экспериментах как повод задуматься о своем будущем. Что, так и сидеть около этой установки, не понимая, что там происходит? А его четырех курсов МИРЭА, да тем более заочных, для этого понимания совершенно недостаточно. Попробовать, что ли, поучиться в каком-нибудь местном институте? А кто его туда возьмет, если, конечно, не будет прямого указания от Найденова, чего не хотелось бы. Ведь у Кобзева вообще нет никаких документов об образовании! Правда, в здешней России экстернат не является чем-то из ряда вон выходящим. Саша специально узнавал: Френкель и Капица окончили гимназию в пятнадцать лет, и вовсе не потому, что в их судьбе принимал участие канцлер. Система отбора талантливой молодежи тут работала давно и продуктивно, так что оба юных дарования быстро оказались приняты в Петербургский университет. Причем Френкель закончил его за четыре года, и потом стажировался в Радиевом институте у Иоффе, а Капица учился пять с половиной лет, но зато кроме основной программы прослушал еще и спецкурс по квантовой механике на острове Городомля. Сдать, что ли, экстерном программу реального училища? В принципе можно, решил Саша, но все-таки перед этим лучше посоветоваться с Найденовым. На «Заре» в ближайшую неделю точно делать будет нечего, так что действительно завтра с утра самое время лететь в Гатчину. Ну и позвонить Георгию Андреевичу, а там видно будет.

Через день Александр был приглашен на ужин к канцлеру, где и поделился своими мыслями насчет продолжения образования.

— Самоучкой, значит, науки постигать не хотите, — резюмировал

канцлер.

— Не хочу, — подтвердил лаборант, — потому как за редкими исключениями самоучка есть разновидность дилетанта. Это я не про вас, вы-то как раз то самое исключение. А правило — это... ну, скажем, генералы сорок первого года в том мире. У половины образование — церковно-приходская школа, а потом сразу Академия Генштаба. И результат их деятельности в общем-то получился соответствующий.

— У нашего Полозова практически то же самое, — усмехнулся Найденов, — и он тоже генерал. Просто он и сам выше головы не лезет, и толкать его наверх никто не толкает. Но ваша мысль понятна. Да что же вы не едите совсем ничего? Лучше займитесь курицей, а я вам пока расскажу нечто вроде притчи, жевать это не помешает. Итак, есть у меня один знакомый в двадцать первом веке, он занимается тюнингом скутеров. А получилось это так. Он мотоциклист, и как только в Москве начали появляться пробки, сразу пересел на два колеса. Но быстро выяснилось, что для города есть более удобное двухколесное транспортное средство — скутер. Однако выбрать подходящий оказалось затруднительно. У одного с движком все в порядке, а ходовая рассчитана на японские дороги, на наших живет до первой приличной колдобины. У другого с ходовой идеал, но движок слабый, а чуть его форсируешь — от ресурса остаются кошкины слезы. И так далее. В общем, этот мой знакомый быстро понял простую вещь: если он хочет получить устраивающий именно его скутер, то делать придется хоть и из стандартного, но самому. Сделал. Потом еще один, потом одному знакомому, другому... Так и пошло.

И еще на эту же тему. Вы же не так давно с Витей Калюжным познакомились? Между прочим, он писатель. А до того был читателем и плевался: эх, если бы вон тот автор умел так строить сюжет, как этот, который умеет, но пишет до того скучно, что от зевоты скулы сворачивает, да домешать туда третьего, у которого концовки получаются просто замечательно, а все остальное лучше не читать. В общем, помаялся Витя такими мыслями, а потом сел и сам написал книжицу. За ней еще одну, и так далее. Поняли, к чему я клоню?

— Не совсем, — осторожно сказал Саша, отодвигая пустую тарелку. — Афоризм «если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сам» мне известен. Но ведь я уже высказался относительно самообразования.

— А я вам намерен предложить совсем другое. Вы хотите учиться, но, абстрагируясь от чисто бюрократических трудностей, не видите ни одного института, в котором вас будут учить тому, чему надо. Так создайте его и

учитесь там хоть до позеленения! Не в одиночку создайте, разумеется, я вам предлагаю войти в состав команды, которая будет заниматься именно этим. И не отвлекайтесь на всякую ерунду, свидетельство о сдаче экзаменов за курс реального училища принесут сюда через полчаса. Уж настолько неграмотным, чтобы не обладать знаниями в данном объеме, вы просто не можете быть, так что тут все в порядке.

Канцлер достал из холодильника пиво, воблу, предложил Саше самообслуживаться и продолжил:

— И возвращаясь к создаваемому вузу. На Городомле и в Каспийске работает много отличных специалистов. Вот их и надо задействовать для обучения. Вас же я хочу привлечь потому, что вы неплохо представляете себе, как этот процесс происходил в конце двадцатого века в России, когда высшее образование еще оставалось таковым. На опыте же века двадцать первого можно учиться только тому, как это самое образование, хоть высшее, хоть среднее, наиболее радикально угробить. Далее, надо прикинуть, преподавателей чего все-таки нет и взять их в нашем мире негде. И сообщить мне, понятное дело. В общем, это должен быть не совсем обычный вуз, а вот какой именно, мне интересно узнать и ваше мнение. Подумайте, а денька через три-четыре снова заходите поужинать, тогда и поговорим более конкретно.

Ну вот, подумал Саша, подтверждается еще один слух про канцлера. Типа беседуешь с ним, беседуешь, а он вдруг заявляет: вы абсолютно правы, и как это я сам до такой простой вещи не додумался? Значит, вам ее и претворять в жизнь. После чего достает из сейфа полный пакет документов по данной проблеме, куда уже вписаны имя, обязанности и полномочия проявившего инициативу, и вручает их малость обалдевшему собеседнику.

— Ладно, — кивнул Александр, — только у меня есть вот какое пожелание. Неплохо было бы изучить, как обстоят дела с высшим образованием в том самом только что помянутом двадцать первом веке. Я вам верю, что кошмарно, но вдруг под слоем навоза удастся обнаружить жемчужное зернышко? Тут ведь и самое мелкое лишним не будет.

— Хорошо, я распоряжусь. Но изучать материалы придется здесь, выносить такое из дворца нельзя ни под каким видом.

В этот момент на пульте по правую руку от канцлера замигал желтый светодиод.

— Ага, вот и ваши бумаги прибыли, — пояснил Найденов и нажал какую-то кнопку. Действительно, вошел курьер и передал ему Пакст.

— Забирайте, мне цидули об окончании школы не нужны, — протянул

канцлер бумаги лаборанту. — И чем вам тут пустые места не нравятся? Откуда в моей канцелярии могут знать, насколько вы сведущи в законе божьем и остальных науках. Сами оценки и поставите, ваши же знания оцениваются, а не чьи-нибудь еще!

— И насколько секретной будет эта моя новая деятельность?

— Про потустороннюю информацию вы в курсе, а все остальное идет под грифом «ДСП», так что можете в общем советоваться с кем угодно.

На следующий день Саша изучал представленные Найденовым материалы. Происходило это в специально для подобных дел выделенной комнате дворца, доступ куда имели только высшие персоны империи и те, кого они туда приведут.

Посмеявшись над результатами тестов, проведенных среди выпускников, Александр задумался над самой проблемой.

Платное образование — неважно, имеет ли эта платность официальный характер или просто нужны взятки и за поступление и за учебу, — приводит к увеличению расслоения общества и закреплению кастовости в нем. По тому, какие специальности остаются бесплатными, можно судить о потребностях дирижирующей образованием элиты. То, что компьютерщики в общем-то учатся почти как в Союзе, означает, что они нужны сливкам общества, а сами эти сливки подобными профессиями не интересуются. Аналогично с геологами и нефтехимиками, а вот с юристами и управленцами ситуация обратная, чужих в эти области стараются не допускать. Но почему у будущих врачей похожая картина? А, сообразил Саша, элита ведь у своих российских медиков лечиться не собирается, для этого есть или вовсе заграничные, или учившиеся там, а с народом пусть разбираются поступившие за пачку денег и аналогичным образом сдающие экзамены. Что ж, все логично. Но в этом свете интересен принятый в империи порядок. Обучение всем инженерным, медицинским и естественнонаучным специальностям бесплатное. Желающим выучиться на юриста придется труднее, государственная квота совсем небольшая, но плата для тех, кто не попал в число счастливиц, умеренная. Скорее всего государство все-таки немного доплачивает и за них. А вот бесплатно выучиться на художника, литературоведа, филолога и так далее невозможно — исключительно за деньги. Это что же, руководство здешней России сознательно взяло курс на то, что гуманитарные дисциплины станут доступны только обеспеченной части населения? Сделав в блокноте пометку «уточнить у Г. А.», Саша перешел к следующему вопросу.

Как это ни странно, студенты в здешней России все еще делились по половому признаку. То есть смешанных групп не было, имелись женские на

медицинских факультетах в Москве, Питере и Казани, а вообще девушки учились в специально для них созданных учебных заведениях типа Бестужевских курсов. Ну натуральные же пережитки феодализма, по-другому и не скажешь!

Но от Бестужевских курсов мысли лаборанта быстро перетекли к одной их слушательнице по имени Наташа, знакомство с которой потихоньку становилось все более близким, но до кульминационной стадии еще не дошло.

«А вот не съездить ли мне завтра к ней в гости, — подумал Александр. — Заодно и послушаю ее мнение по этим вопросам, оно тоже лишним не будет».

Ситуация с гуманитарными дисциплинами прояснилась на первых минутах встречи с Наташей, не пришлось и канцлера беспокоить.

— Я же хотела поступать в Санкт-Петербургское высшее педагогическое училище, — объяснила девушка. — Там учеба бесплатная, но по окончании пришлось бы отработать три года по распределению. А это либо в каком-нибудь уездном городке, либо вовсе в сельской школе. Но папа был против. Говорил, что там, в глубинке, мужики — они дикие, могут и обидеть...

— А что, не могут?

— Могут, наверное. Но боятся — за учителями ведь комиссары присматривают. Ладно, если императорские, эти вроде не такие страшные, но ведь встречаются и государственные. У одного папиного сослуживца дочь кончила педучилище, а сейчас она уже помолвлена с комиссаром. — Наташа чуть помолчала и мечтательно добавила: — Государственным, и даже второго ранга! Через полгода у него кончится срок службы, и они поженятся. Папа уже в общем согласен, что ошибся с Бестужевкой, но мне ведь учиться-то осталось всего ничего.

Ну-ну, подумал Саша. Даже не зная точно, кто он такой, родители Наташи все равно считали его завидным женихом. Но сам лаборант до недавнего времени не был готов к столь резкой смене своего семейного положения, однако сейчас в принципе допускал и такое развитие событий. Поэтому он сказал:

— Наташ, я не говорил, где служу, потому что без консультаций с непосредственным начальником разглашать это было нельзя. Но позавчера он разрешил мне. Вот, смотри.

С этими словами он достал свое служебное удостоверение. В принципе там не было написано ничего особенного — всего лишь «старший лаборант объекта „Заря“», но эта бумага была заверена печатью

секретариата государственного канцлера. А главное — подпись под этой печатью! Скромная, без указания титулов и должностей, просто — «Г. А. Найденов».

Саша, конечно, рассчитывал на некоторый эффект, но столь сильного не ожидал. Наташа была близка к обмороку, а придя в себя, тут же, не забыв спросить разрешения у Саши, кинулась делиться сногсшибательной новостью с отцом.

На него Сашин документ произвел еще большее впечатление, чем на дочь. Ибо он служил столоначальником в министерстве юстиции и в отличие от молодых людей знал, что на самом деле означает комбинация печати секретариата и простой подписи «Найденов». Такое он до сих пор видел всего один раз, в удостоверении генерального комиссара! И, значит, ранг знакомого дочери примерно такому и соответствует.

С этого момента остаток срока пребывания Александра Кобзева в холостом состоянии можно было смело считать на недели, если не на дни. Он и сам что-то такое почувствовал и только подумал: надо же, как интересно иногда действует подпись Георгия Андреевича! Он небось и не догадывается о таких нюансах.

В какой-то мере лаборант был прав — Найденов не догадывался. Он совершенно точно знал, как будет развиваться ситуация. Разумеется, имелись и другие причины того, что Саша получил именно такое удостоверение, но и эта среди них была далеко не последней.

Просто канцлер считал — если пришелец из-за портала женится на подданной Российской империи, то это хорошо.

И если немного забежать в будущее, то там можно будет увидеть, что организации Российского научно-учебного физического института данное обстоятельство нисколько не помешало, а скорее даже наоборот.

ГЛАВА 21

В начале сентября из Штатов пришло сообщение, сразу потребовавшее немедленных действий и от меня, и от Татьяны. Оно было от Альперовича и заключалось в том, что Мося нашел-таки свой идеал человека и женщины. Короче говоря, он мало того что влюбился, но и добился полнейшей взаимности. В принципе с его деньгами это было нетрудно, вокруг него постоянно вертелись великосветские шлюхи высшей пробы, но Мося пошел иным путем. Этот принц взял и нашел свою Золушку. Она была вдовой лейтенанта с «Пенсильвании», погибшего в самом начале войны на Тихом океане. К Золушке прилагался сын восьми лет от роду.

Надо сказать, что в отношении наших заграничных агентов глубокого внедрения мы исповедовали принцип полнейшей добровольности. Каждый разведчик знал: он может в любой момент заявить, что устал, и через некоторое время, потребное для хоть какой-то замены, вернуться в Россию. И абсолютно никаких оргвыводов сделано не будет. Ему предложат неплохую службу внутри страны или дадут возможность просто жить как вздумается. Более того, агентам настоятельно рекомендовалось сообщать о своей усталости даже в том случае, если они не собираются прекращать работу и навсегда возвращаться на родину. Тогда, если была возможность, человеку предоставлялся отпуск.

Так вот, один отпуск Альперович уже отгулял сразу после войны. Он купил небольшой островок на озере Верхнем и построил там резиденцию для уединенного отдыха. После чего предупредил всех своих партнеров, что у него возникла потребность примерно месяц отдохнуть от цивилизации, и отчалил. Охрана никого на этот остров не пускала, но одному репортеру все-таки удалось туда проникнуть. Правда, его быстро поймали и привели к владельцу острова. Тот предложил ему выпить, потом еще раз, потом еще...

Затем репортер пытался подпевать хозяину, начавшему орать какие-то песни на неизвестном языке, похожем на немецкий. Далее хозяин вспомнил, что он собирался на охоту. За это было выпито, и, взяв двустволку, Альперович вывалился на улицу. Там он начал стрелять в небо, объяснив, что если птиц не видно, то это еще не означает, что их там нет. Они же небось маскируются! Но вскоре миллионеру надоела пальба не пойми куда, и, с каким-то нехорошим интересом присмотревшись к собутыльнику, Альперович осведомился, случаем, не кабан ли он, больно

уж рыло похожее.

В общем, пока охотник искал патроны, репортер успел уползти в кусты и очнулся на следующий день уже на берегу неподалеку от города Ашленда. Чуть приукрасив, репортер описал эту историю, но особого интереса она ни у кого не вызвала. А то, что Альперович немножко отличался от оригинала, репортер не заметил. Во-первых, до того он видел этот оригинал только издали. А во-вторых, в пьяной небритой роже, встретившей его на острове, вообще трудно было усмотреть сходство с лощеным джентльменом, коим всегда представал на публике Мозес Д. Альперович.

А как раз в это время в Боровск приехал Саша Самохвалов, который, оказывается, все эти годы работал летчиком-испытателем на каком-то сверхсекретном объекте, и вот в кои-то веки раз выбрался отдохнуть в родных местах.

Однако сейчас ситуация была посложнее. Разумеется, Альперович ничего не сказал своей избраннице о действительном положении дел. Он просто сообщил ей, что у него много врагов, которые будут рады хоть в чем-то ему напакостить через вдруг появившуюся любимую женщину. И поэтому ей вместе с сыном лучше на некоторое время покинуть Штаты, а он вскоре к ним присоединится.

Кроме всего прочего, сложившаяся ситуация была крайне несвоевременна еще и вот по какой причине: Мося сейчас находился в процессе установления контроля над Огденским горнопромышленным банком, успешное завершение чего могло иметь далеко идущие положительные последствия. Но на этот же банк облизывался и Макс Варбург, и если Альперович сейчас отвлечется от дел, то банк, скорее всего, Варбургу и достанется. Понимая это, Мося обещал до своего отбытия закончить данное дело.

Однако Танечка не зря получала свою ох и до чего же не маленькую зарплату!

— Шеф, — сказала она мне, — на этого, будь он неладен, Макса мне уже и ее величество Маша жаловалась — мешает работать, гад. И по нашей линии он давно подлежит укороту, так что я предлагаю действовать следующим образом. Пусть Мося подарит своей пассии автомобиль. Последнюю модель «форда», например, не помню, как она называется. Главное, чтобы у этой машины были гидравлические тормоза. Потом мы эту даму с ребенком аккуратно вывезем в Россию, а неподалеку от Денвера, откуда они родом, случится автокатастрофа.

Вот, смотрите карту. На этой заправке машина остановится. Свидетели

отметят, что около нее вертелся какой-то подозрительный тип. А в пяти километрах от заправки дорога делает резкий левый поворот по самому краю обрыва. Если надрезать тормозные шланги, то лопнут они именно тут, потому как до этого места тормозить негде и незачем. Значит, машина кувыркнется с обрыва и загорится. Тут, правда, есть небольшая тонкость. С одной стороны, гореть должно хорошо, чтобы трупы приобрели не вызывающий ненужных сомнений вид. А с другой — для экспертизы должен остаться хоть один надрезанный шланг! Но над этой проблемой уже работают в техотделе.

— Но зачем такие сложности? — не понял я.

— Макса пора кончать, это ясно. Но как бы естественно он ни помер, все равно найдутся умники, подозревающие, что без нас с вами тут не обошлось. Оно нам надо? Тем более что данный клиент у нас не единственный и не последний, успеют еще наподозреваться. Да, а подозрительная личность на заправке окажется как-то связанной с Варбургом, это мы тоже продумаем. Так вот, дальше события могут развиваться двумя путями. То есть в любом случае Мося удалится в запой на свой остров. Но, учитывая глубину постигшей его трагедии, в данном случае запой будет двухмесячным. А вот потом все зависит от Мосиной позиции уже у нас. Если он не захочет возвращаться, то вскоре хозяин острова по пьяни спалит свою резиденцию и сам сгорит. Сделать так, чтобы и от этого несчастного случая тянулись ниточки к Варбургу, будет трудно, но можно. А потом с ним, гадом, самым что-нибудь приключится, причем из ситуации будут помаленьку торчать ушки Форда, который связан с Альперовичем давним партнерством и чуть ли не дружбой. Это будет самый пессимистический вариант.

Танечка сделала перерыв, выпила кофе, взяла новую папку и продолжила:

— Но если, устроив в России семью, Мося согласится еще немного поработать, выйдет и вовсе замечательно. Получив сведения о том, кто причастен к гибели его любимой, он мгновенно выйдет из запоя. Тем более что с мотивом Варбурга все кристально ясно. Ведь пока сраженный горем Альперович будет кушать виски на острове, Макс сожрет горнопромышленный банк, это и ежу понятно. В общем, с Максом произойдет несчастный случай. У Альперовича будет железное алиби, да и вообще он тут совершенно ни при чем, но никаких сомнений, из-за чего Варбург вдруг взял и помер, ни у кого не возникнет.

Через десять дней после этого разговора в Гатчинском дворце произошел хоть и секретный, но все равно невероятно торжественный

прием. Присутствовала вся верхушка Российской империи, то есть не только мы с Гошей, но и обе королевы-императрицы. Мужчины явились при парадных мундирах и всех орденах, а у женщин и платьев-то толком было не видно из-под брильянтов и прочих рубинов с изумрудами. Моисей Альперович, недавно вновь временно превратившийся в Александра Самохвалова, был поражен. Но насколько сильнее оказалась потрясена его избранница! А уж после краткой Гошиной речи на английском, из коей следовало, что никогда доселе земля российская не рождала подобных героев и он, Георгий Первый, счастлив хоть чем-то отметить совершенно бесценный вклад Александра в дело укрепления империи, она вынуждена была сесть на любезно подставленный мной стул, чтобы не упасть.

А на Александра начали вешать ордена. Сначала три российских, начиная с Андрея Первозванного, затем пошли два курильских, ирландский и датский. Когда ордена кончились, Самохвалову сообщили, что с сегодняшнего утра он российский граф, курильский князь и Датский барон. Ирландские титулы пока решили оставить как резерв на будущее.

Потом в честь гостей был дан обед, и наконец торжественная часть завершилась. Дня два-три Александр с семьей проживут в Гатчине, придут в себя, а потом поедут в Боровск, где и обвенчаются. Кроме того, Саша решил купить там имение, в котором пока будут жить его жена с ребенком. Но мы договорились, что перед отъездом он зайдет ко мне с окончательным ответом относительно своей дальнейшей работы.

Я припомнил беседу с Самохваловым, состоявшуюся в пятом году, перед его «бегством» в Штаты. У нас с Татьяной тогда возникли некоторые сомнения, связанные с тем, что мы никогда до сих пор не отправляли своих агентов в высшие круги зарубежных элит.

— Георгий Андреевич, — усмехнулся Саша, — предположим, будто на самом деле я законченная сволочь. И, прибежав в Америку, тут же забуду, благодаря кому я давно уже не приказчик торгового дома купца Еремеева в заштатном городишке Боровске. А про то, что я не один такой и политика новой власти открыла путь наверх для многих, способных принести пользу России, мне даже и не вспомнится. Кому другому за такое предположение я дал бы в морду, но мне позволительно. Однако мозги-то я куда дену? Можно подумать, я не курсе талантов милейших воспитанниц Татьяны Викторовны. А ведь со временем их мастерство будет только расти. Да и сейчас мне наверняка известно не все, а на самом деле их успехи еще более впечатляющи. Это, так сказать, одно соображение. Второе же заключается в том, что людей с деньгами в Штатах много и они отнюдь не горят желанием широко распахнуть двери в свой круг. И мои надежды, что со

временем мне удастся занять место в верхних эшелонах финансовой олигархии, в значительной мере базируются на том, что на самом деле за моей спиной будет вся мощь финансового департамента ее величества и постоянная поддержка ваших, Георгий Андреевич, служб. Лишившись всего этого, я тут же стану просто богатым евреем, каких там полно, да еще вынужденным всю жизнь прятаться. Пусть это у меня и получится, во что, честно говоря, не так легко поверить, но вот преумножать состояние в таких условиях не выйдет точно. Пословицу же «Бедность не порок» лучше примерять на себя в России, как мне кажется.

— Вот уж это у вас при всем желании не получится, — заверил я собеседника, — но вообще-то имелось в виду нечто иное. Вы выросли и сформировались в России, то есть в условиях почти полного отсутствия демократии. А в ней есть и привлекательные стороны. Кроме того, немало и кажущихся таковыми.

— Ой, — всплеснул руками Альперович, — вот только не надо мне говорить про это неприличное слово. Я его постоянно слышу от своих деловых партнеров, привык уже. Но, значит, ваши сомнения связаны с возможным принятием мной западных ценностей?

Я кивнул.

— Так это же не мгновенный процесс. И я вам даю слово, что, если он начнется, я тут же вернусь в Россию, чтобы сказать вам, в чем вы не правы. И даже не буду требовать обещаний, что вы меня за это не посадите, потому как и сам знаю — ничего подобного не будет. По рукам?

— По рукам, — согласился я.

Перед отъездом в Боровск Самохвалов, как и обещал, зашел ко мне пообедать.

— Здравствуйте, Саша, рад вас видеть, садитесь, — приветствовал я его.

— Ой, и таки где вы здесь видите какого-то Сашу? — с явственным еврейским акцентом изумился гость. — К вам со всем почтением пришел бедный еврей Моисей Давидович Альперович!

— То есть как бедный?

— По сравнению с вами — очень. У вас же сейчас пятьдесят четыре миллиона?

— Да хрен его знает, хотя вполне может быть, — честно ответил я.

— Именно пятьдесят четыре. А у меня всего пятьдесят один по официальным данным. Но ведь богатство не в цифрах, которые существуют в основном для налоговой службы и репортеров, а в суммах, которыми человек может оперировать. Здесь же разница между нами куда

существенней. И чтобы она не стала еще больше, давайте прямо сейчас уточним нашу линию относительно Огденского горнопромышленного банка.

Спустя полтора месяца отпуск летчика-испытателя Александра Самохвалова закончился, и он отбыл продолжать свою службу. В Боровске остались его жена Лидия Ивановна с сыном Максимом. Полицмейстер был предупрежден — если с ними случится хоть какая-нибудь неприятность, то ему лучше сразу повеситься, пока за ним не пришли. Впрочем, дополнительные хлопоты были компенсированы двухсотпроцентной надбавкой к жалованью. Кстати, полицмейстер был отнюдь не дураком и сразу понял, что это шанс из тех, которые в его возрасте и в таком месте службы, как Боровск, уже почти и не выпадают, так что он был настроен со всем рвением выполнять указания из секретариата государственного канцлера.

А через две недели Татьяна начала свой текущий доклад словами:

— Шеф, если есть желание, можете начинать скорбеть о безвременно усопшем господине Варбурге.

— И что же именно с ним стряслось, вроде он был и не очень старей?

— Загрыз его кто-то, — флегматично просветила меня директриса ДОМа. — Один свидетель говорит — собака, а другой утверждает, что дьявол. Следствие пока склоняется в пользу версии, что это был какой-то аналог баскервильской псины, описанной у Конан Дойля.

— Ох, ужасы-то какие в Америке творятся, — сокрушенно вздохнул я, — вот оно, господство капитала, до чего доводит-то. А что с собачкой стало, не расскажете?

— Эвакуация прошла штатно, — пожала плечами Танечка. — А вы что подумали? Вот уж нет, Черныш — это же гордость нашего питомника! Наверняка вы о нем еще услышите. И разменивать такие кадры на каких-то Варбургов было бы непростительным расточительством.

ГЛАВА 22

Если кто помнит, в первой половине девятнадцатого века декабристы разбудили Герцена. Едва продрав глаза, разбуженный ринулся на Запад за деньгами. Обретя искомое, причем в очень немалых количествах, он наконец успокоился, осел в Ницце и занялся тем, за что, собственно, ему и заплатили, то есть принялся поливать грязью свою бывшую родину. Это была простая, хоть и высокооплачиваемая работа. Во-первых, неискушенное в демагогии общество с восторгом принимало его не очень талантливо, а временами просто халтурно сочиненные агитки, так что, никуда не денешься, имелся определенный результат от его трудов. А вот особой опасности лично для него они не представляли. Ну не было тогда ни Меркадеров с ледорубами, ни Таниных девочек с очень специфическими навыками, ни собачек по кличке Черныш. Правда, англичане и задолго до того всюю практиковали схожие методы, но ведь Александр Иванович работал на них, а не против. А Россия подобные способы увещевания начала применять только при его величестве Георгии Первом.

То есть еще раз повторяю, деятельность Герцена была просто работой. Но вот то, что творили его современные духовные наследники, меня иногда так и тянуло обозвать подвигом.

Начнем с того, что те объемы финансирования, которые были у Александра Ивановича или позднее у большевиков примерно до восьмого года, сейчас вспоминались как волшебная сказка. То есть Запад разуверился в возможностях сбежавших из России диссидентов, и им теперь перепали какие-то крохи. Более того, и подпитка внутренних партий резко сократилась, потому как благотворители уже начали помаленьку понимать, что большая часть этих средств очень быстро оказывается в бюджете государственного канцлера. Иными словами, сейчас борцы-эмигранты жили, мягко говоря, ну очень скромно. Да и с результативностью их труда тоже имелись серьезные проблемы, так что их поведение вполне можно было определить словом «самоотверженность». Например, вы могли бы за сущие копейки набрать полный рот дерьма, тщательно пережевать его и плюнуть в сторону России, прекрасно зная, что все равно не долетит? Вот-вот, для такого нужен совершенно определенный склад характера, которым обладает далеко не каждый.

Правда, большевики, которые теперь назывались ВКП(б), от

недостатка средств совершенно не страдали, по поводу чего анархисты уже не раз высказывались на тему: как следует понимать последнюю букву их названия, заключенную в скобки.

Сразу после войны Ильич с компанией были поставлены в известность, что в настоящий момент слабыми звеньями в цепи империализма являются Индия, Мексика и Куба, а кандидатами в них — собственно Англия и в какой-то мере Канада. В случае несогласия с этим постулатом партии предлагалось жить исключительно на членские взносы и помнить, что отменить вероятность летально поскользнуться на ближайшей лестнице пока ни у кого не получилось. Они сделали правильный вывод, и теперь господин Сталин помимо председательства в Конституционном суде еще и финансировал партию, в которой он, кстати, до сих пор формально состоял. Ибо не было ни его заявления о выходе, ни решения самой партии об исключении из рядов. Но большевики — это отдельный вопрос, а вот остальная часть антироссийской эмиграции за последнее время как-то сильно измельчала и за редкими исключениями примолкла. Не то чтобы мне стало скучно без их истошного воя, но ведь закон сохранения никуда не делся. И получается, если у сегодняшних диссидентов средств стало значительно меньше, то это означает появление каких-то других личностей, у которых их стало больше. Но вот кто это такие, пока однозначно выяснить не удалось.

Одно время мы подозревали, что деньги пошли на подрывную работу против Страны восходящего солнца, но эта самая работа развивалась уж больно вяло и больше напоминала халтуру. А после того как ведущий расположенной в Китае радиостанции «Свободная Япония» взял да и совершил сепuku, то есть по-нашему харакири, оппозиция и вовсе приувяла. Тем более, рядом с трупом ведущего были обнаружены следы пребывания еще нескольких человек, но, впрочем, чего же тут удивительного? Правильное харакири делается с ассистентами.

Танечка сейчас на всякий случай отрабатывала версию, что готовится покушение на меня или Гошу. Однако у меня были серьезные сомнения. Во-первых, это очень непросто, если не сказать более. А во-вторых, какая с этого будет польза? Грохнут меня — на мое место, правда, с несколько урезанными полномочиями, сядет Сталин. Ликвидируют Гошу — регентом при несовершеннолетнем Владимире Первом буду я, то есть опять ситуация в лучшую сторону не изменится.

Убирают первых лиц тогда, когда точно известно, что правление наследника принесет пользу убирающим. Вспомним, например, Павла Первого и его наследника Александра, первым делом отменившего поход в

Индию. Вот тут действительно имело смысл суетиться.

Нечто подобное, похоже, произошло и в конце девятнадцатого века. На эту историю я обратил внимание после того, как лейб-медик вдовствующей императрицы Гирш взял да и помер в марте пятого года. Поначалу мы с Танечкой считали это зачисткой после отравления Николая, но потом у нас появились сомнения. Какой смысл убирать Гирша, ведь даже если он и замешан в этой истории, то самым краешком, и оставлять в живых Рейли, который в случае попадания к нам сможет рассказать куда больше? И ведь действительно рассказал, никуда не делся.

Тогда я распечатал подборку научных статей о протекании нефрита, от которого по официальной версии умер Александр Третий, и дал ее прочесть Мари. Ведь она находилась у постели мужа практически весь последний месяц его жизни. Так вот, моей супруге описанное показалось совершенно не похожим на протекание болезни императора. Единственно, она нашла что-то общее с описанием симптомов вторичного нефрита, развившегося в результате отравления. А ведь лечил Александра все тот же Гирш! Так что зачистили его, вероятнее всего, из опасения, как бы новая власть не стала копать и в этом направлении.

Так вот, Александр Третий вполне мог быть и убит. Ибо его наследник, Николай, являлся для всех недоброжелателей России просто идеальной фигурой! Да и время смерти императора-миротворца получилось больно уж удобным: сразу после подписания франко-российского договора, разбираться с которым пришлось уже Николаю. И он разобрался, да так, что мы с Гошей потом еле успели исправить ситуацию.

В общем, мне казалось, что сейчас не самое удачное время для покушений, но, естественно, я никоим образом не мешал Татьяне проверять эту версию.

Однако ответ на занимавший меня вопрос пришел из Штатов, от Альперовича. Кстати, история с автомобильной катастрофой, после которой произошел захват Огденского горнопромышленного банка Варбургом, пошла на пользу Мосиному имиджу. Потому как прожил захватчик после своего нехорошего деяния очень недолго, а потом довольно зрелищно помер, и банк снова сменил хозяина.

Разумеется, это был не первый конкурент Альперовича, закончивший свой жизненный путь несколько преждевременно, а иногда и не совсем естественно. Но до сих пор мы обставляли дела так, что никаких ниточек к Мосе не тянулось, даже самых косвенных. И он приобрел славу человека, не одобряющего крайних мер. То есть его не боялись так, как в свое время Джи Пи Моргана, уголовные подвиги которого на нефтяном и

железнодорожном поприще не являлись такой уж особой тайной. Но теперь понимающие люди сделали вывод, что Мозеса Д. Альперовича тоже лучше не злить, потому как и его терпение имеет предел.

В числе прочего мы собирались основать в Штатах что-то вроде американо-русского общества культурных связей. Ну типа обмен гастролями всяких мастеров искусств, пропаганда шедевров англоязычной литературы в России и наоборот — в Штатах, и так далее. Разумеется, ожидалось определенное сопротивление такому проекту, но в действительности все произошло строго наоборот. К Мосе явился довольно известный сенатор Олдридж и сказал, что идея очень своевременная. Мол, война давно кончилась, да и началась-то она в общем по недоразумению, каковых впредь желательно не допускать. И очень хорошо, что столпы американского делового мира понимают это. Но реализовывать столь масштабные проекты только на частные средства будет не совсем правильно, и он, Олдридж, гарантирует не только поддержку нового начинания в Конгрессе, но и выделение на него довольно значительных средств.

Первое, что мы подумали: это какой-то новый проект Управления стратегических служб. Ну мало им имеющихся каналов внедрения своих агентов, вот и решили добавить. Однако хоть УСС действительно оказалось каким-то боком замешано в этой истории, но первую скрипку тут играло не оно. Вскоре мы выяснили, что происходит на самом деле.

Итак, в Штатах наконец-таки решили применить к проблеме взаимоотношений с Россией научный подход. То есть основать что-то вроде института россиеведения, наподобие советологических контор по ту сторону портала. И начали массовое привлечение туда эмигрантов. Но от них теперь требовалось не вопить о преступлениях кровавого режима и даже не организовывать антиправительственные выступления, а искать ответы на вопросы, каковых было три. Чем объясняется резкий научно-технический скачок России за последние пятнадцать лет? Как тамошним властям удалось совершить то, что до сих пор признавалось даже теоретически невозможным, то есть победить коррупцию?

И наконец, в какой мере два первых вопроса связаны между собой?

Когда я поделился с Гошей данными сведениями, он хмыкнул:

— Как думаешь, скоро они смогут найти приемлемые ответы? А то ведь мне, честно говоря, тоже интересно.

— Ну про коррупцию я и сам поначалу офигел. Кто же это у нас ее уничтожил и когда, если даже мне о таком неизвестно? Но тут все просто, они банально ошиблись. Приняли за уничтожение то, что на самом деле

было всего лишь сведением к приемлемому уровню, при котором процесс не имеет положительной обратной связи и, значит, резко уменьшена вероятность лавинообразного развития. Словом, мы ее не победили, а научились контролировать и держать в узде.

— И про резкий скачок они тоже ошибаются?

— Самое интересное, что таки да. Вспомни, что я повторял тебе чуть ли не каждый день, когда учил летать в Аббас-Тумане? Постулат Марка Галлая, который ему преподавал его инструктор. Что значит сделать быстро? Это значит — делать медленными движениями без перерывов между ними! В общем, если есть желание послушать более развернутый комментарий на эту тему, доставай пиво.

Гоша сходил к холодильнику и принес три бутылки. Я открыл первую и начал:

— Давай рассмотрим наш так называемый скачок на примере авиации, и сразу станет ясно, что на самом деле мы никуда не прыгали. Итак, в нашем мире самолетостроение за пятнадцать лет прошло тот путь, на который в той истории потребовалось сорок. Однако только качественно, количественно мы где-то на уровне восемнадцатого года. А теперь сравним эти пути по отрезкам.

Итак, отрезок номер раз — с четвертого по десятый год того мира. От первого полета братьев Райт до появления машин, более или менее уверенно держащихся в воздухе. По вполне понятным причинам у нас такого вообще не было.

Второй этап — с десятого по четырнадцатый год. Развитие конструкций идет в основном эмпирически, хотя начало теории уже есть. Движки наконец-то настолько повысили свою надежность, что большая часть полетов стала проходить без того, чтобы они разваливались прямо в воздухе. Ну и появились первые авиационные заводы, до того самолеты собирали в гаражах и сараях. Мы с этого этапа начали, и он у нас занял год.

Третий этап — Первая мировая война. Вот тут авиация начала развиваться настолько быстро, насколько это было возможным при выделении достаточного количества средств. И развитие шло почти с такой же скоростью, как у нас. Почти — потому что мы не отвлекали силы и средства на мертворожденные проекты.

Но затем война кончилась и начался застой. Сравни самолеты восемнадцатого и двадцать восьмого годов: они и внешне и конструктивно очень похожи. Различие только в двигателях, которые стали мощнее и надежнее. Причем множество полезных вещей типа механизации крыла или винта изменяемого шага было уже изобретено, но не использовалось.

А у нас никакой десятилетней паузы не было.

Затем там примерно в тридцатом году развитие авиации снова ускорилось, но не до возможного предела. У нас же оно всегда балансировало около него. То есть этап с их тридцатого до сорокового года мы прошли за пять-шесть лет. Опять-таки только качественно, количественно мы не догнали даже запортальяную Италию, не говоря уж о более серьезных державах. Объединенными усилиями Германии и России, да еще с привлечением импорта из Штатов с трудом удалось построить один завод, выпускающий моторы нормального уровня. Помнишь, как ты летал на «Пчелке», потому как «Кондор» устарел, а новые моторы считали на штуки? Только перед самой войной удалось вывести производство на уровень пять движков в сутки, а к концу войны довести выпуск до десяти. А на второй такой завод не хватило бы ни станков, ни материалов, ни специалистов.

В запортальяном мире тем временем началась Вторая мировая война, и снова скорости развития сравнялись. Вот так при ближайшем рассмотрении и выглядит то, что амеры обозвали «скачком». Но мне тоже интересно, до чего они додумаются в процессе изучения затронутой проблемы.

Император задумчиво смотрел на свой стакан с пивом.

— Ладно, — сказал он, сделав небольшой глоток, — а что ты думаешь по поводу их третьего вопроса?

— Он правильный, но не совсем точно сформулирован. Ибо с первого взгляда действительно может показаться: справься с коррупцией, и прогресс тут же понесется семимильными шагами. Увы, это заблуждение, в действительности тут работает много факторов, причем в обе стороны. Технический прогресс, например, очень даже помогает при отлове воров, взяточников и прочих откатчиков. Но главное условие успеха этого дела в американский вопросник пока не вошло.

— Доверие, — кивнул Гоша, отставляя пустой стакан.

— Вот именно, — потянулся за второй бутылкой я. — Доверие народа к власти. Без сигналов с мест, хоть их и называют «стуком», небось половина мздоимцев осталась бы на свободе. А ведь заслужить такое доверие непросто, но у нас, тьфу-тьфу, вроде пока получается.

— Это ты специально нарываешься на комплимент? Потому как основные усилия тут были приложены именно тобой.

— Да? — усмехнулся я. — В таком случае напomini мне, когда в последний раз император Георгий Первый построил себе или своим родственникам хоть самый захудалый дворец. Вот видишь, тебе это даже в

голову не приходило — есть где жить, и ладно. Но ведь и прочие великие князья вынуждены были поумерить размах.

— После того как с особо рьяными строителями начали приключаться всякие неприятности, а их имущество под тем или иным предлогом оказалось национализировано. Не скромничай, твоих заслуг тут тоже немало.

— Кто же спорит, и я тоже руку приложил. А результат — народ в целом доверяет власти. Видя это, власть Доверяет народу. Вот когда эти два условия выполнены, и прогресс побежит так, что не догонишь, и коррупция сама собой начнет стараться выглядеть как можно менее заметной, а от этого недалеко и до успехов в борьбе с ней.

— Хорошо, ждем результатов работы американских исследователей. Надеюсь, ты не оставишь их без дружеской помощи? И вот еще что напоследок. У нас сейчас кончается шестнадцатый год. Какой будет за ним, ты в курсе? Ей-богу, так и хочется устроить торжественное собрание, посвященное тому, что никакой Февральской революцией у нас и не пахнет.

— А что, интересная мысль. Я ее обдумаю, но, по-моему, в феврале праздновать еще особенно нечего. События стали необратимыми только в ноябре, и к этому времени, пожалуй, можно будет попробовать придумать какой-нибудь нейтральный повод для праздника.

ГЛАВА 23

Как мне кажется, взаимность хороша не только в любви. В политике это тоже основа правильных взаимоотношений. Возьмем, например, крайний случай, то есть войну. Если противник уже начал воевать с вами, а вы с ним почему-то еще нет, то такое чревато катастрофой. К чему это я? Еще один пример, и все станет ясно.

Представьте себе, что вам поручили изучить какую-то сволочь. Если вы начнете с того, что устроите вскрытие, посмотрите строение желудочно-кишечного тракта, скелета и содержимого черепной коробки, то после этого поведенческие реакции объекта наверняка так и останутся тайной. Поэтому начинать желательно с них, но вдруг объект вам достанется уже полудохлый, прямо из подвала господ Ли, например? После допроса третьей степени. Вряд ли вы сможете на основе его изучения представить себе правильную картину. Выход же прост — как только будет поймана следующая сволочь близких свойств, то пусть ее сначала предоставят вам, а господу Ли в этой очереди будут в лучшем случае вторыми.

Итак, американцы начали создавать у себя центр россиеведения. Для поддержания должной взаимности нам тоже следовало учинить нечто подобное, причем с одной дополнительной функцией, отсутствующей у заокеанского аналога. Я имею в виду изучение коррупции в ее, так сказать, естественной среде обитания. Ведь когда мы с Гошей десять лет назад всерьез взялись за нее, нам было не до теоретических глубин. А сейчас обстановка изменилась, но и сам объект... как бы это помягче сказать, в общем, он был пока жив. Но вот здоровым его назвать язык ну никак не поворачивался, и поэтому ценность для изучения он представлял ну очень относительную. Анатомию и то толком не изучишь, потому как неясно: внутренние органы, они что, такими и должны быть, как сейчас, или раньше они несколько отличались? А уж про поведенческие реакции лучше и не вспоминать.

Тут, конечно, некоторые могут впасть в тягостное недоумение. Да как же так, спросят они, неужели в Федерации с этим явлением есть хоть какие-нибудь трудности? Да куда ни плюнь, там или пилят, или откатывают, или просто воруют, а кое-где так и грабят плюс всё предыдущее до кучи. Изучай на здоровье, в чем проблема?

А она в разнице скоростей протекания времени. То есть результатов серьезного исследования пришлось бы ждать слишком долго. Опять же

Америка в этом отношении тоже была интереснейшим объектом. Там, может, воровали и не с таким размахом, но, по-моему, с несколько большей изобретательностью.

В общем, серьезное изучение этого интересного явления с целью выработки приемлемой теории мы решили начать с САСШ. А заниматься данной проблемой будет ДОМ.

Кроме всего прочего такое решение позволяло ликвидировать одну исторически сложившуюся несправедливость. В ДОМе было много учебных заведений, от начальных школ и реальных училищ по его официальной линии до спецшколы со многими филиалами, но вузов среди них не имелось. То есть из спецшколы выходили специалисты о-го-го какого уровня, но диплом о высшем образовании им не вручался. А в шестерке наличествовала Академия спецслужб, выпускники которой в числе прочего получали и диплом общеимперского образца.

Это, конечно, с нашей стороны была серьезная недоработка. Ну как же можно эффективно охранять мам и детишек, если для получения высшего образования им придется обращаться к каким-то чужим дядям? Так что скоро в составе ДОМа появится Университет дружбы народов. Жаль, что Лумумба еще не родился и, значит, пока ничем не прославился. Но ничего, найдем и еще какого-нибудь мумбу-юмбу, в честь которого можно будет назвать новорожденный университет.

Кроме названия, любому учебному заведению требуется еще и программа. С настоящей-то особых проблем не предвидится, чему учить и что изучать, в ДОМе уже представляют себе очень неплохо. Но ведь совершенно никуда не годится, если со стороны университет будет казаться тем, что он есть на самом деле! Поэтому не помешает сразу прикинуть, что именно там будет для внутреннего употребления, а что для внешнего.

Опа, осенило меня, у нас же есть готовая кандидатура на... на... блин, а вот самой-то КПСС нету и даже марксизма-ленинизма тоже не имеется. Ничего, у нас будет просто факультет общественных наук, а в нем, например, кафедра марксизма. Пусть, если кому интересно, хоть до заворота мозгов изучают этот предмет в исполнении сначала завкафедрой, а потом, глядишь, и декана Виктора Ивановича Кисина, литературой я его обеспечу. И, пожалуй, ему еще до создания университета надо организовать звание доктора каких-нибудь наук, чтобы все было как положено.

Однако Кисину предстояло всего лишь украшать собой будущий университет, а реально работать там будут совсем другие люди. И, пожалуй, настало время пообстоятельней поговорить с одним из

кандидатов на далеко не самый мелкий пост.

После стажировки в монастыре переход через портал вызвал у Никонова просто разительное улучшение здоровья. Мало того что полностью вылечился геморрой, но ведь он у Петра Сергеевича являлся всего лишь следствием хронической венозной недостаточности, так вот, и тут все исчезло практически бесследно менее чем за полгода. Даже внешне представитель РФ в Российской империи заметно помолодел. Разумеется, все это произвело на него определенное впечатление. А когда с его подачи аналогичные процедуры и примерно с тем же результатом прошел премьер, то положение Никонова в РФ, как он мне сам сказал, заметно упрочилось.

В числе прочего нами не возбранялось и размещение в империи средств частных лиц, проживающих на территории РФ, так что ничего удивительного в желании Никонова приобрести какую-нибудь петербургскую недвижимость не было. И именно для обсуждения конкретики по этому вопросу он и был приглашен ко мне пообедать. Ну а то, что конкретика иногда может иметь и очень размытые границы, люди заметили задолго до меня.

Обед был накрыт в моем кабинете. Наевшись сам и убедившись, что гость тоже насытился, я перешел к делу:

— Должен сказать, что ваше решение в общем вызвало у меня определенное удовлетворение. Ведь когда люди вкладываются в недвижимость, то это означает их Доверие к стране, где они ее приобретают. Я рад, что такой квалифицированный эксперт, как вы, оценивает положение в империи как стабильное.

— Однако? — улыбнулся Никонов.

— Вы совершенно правы, сейчас будет и «однако». Оно связано с тем, что лично мне конкретный выбор объекта кажется не самым удачным. Вы же прицениваетесь к дому купца Момырева в Петергофе? Не буду спорить, домик сам по себе неплохой. Но вот о его расположении такого не скажешь. Сейчас то, что он торчит в ста метрах от станции, не является особым неудобством в силу малой интенсивности движения. Но у нас уже начаты опытные работы по внедрению пригородных электропоездов, и в ближайшие несколько лет ситуация может сильно измениться. Оно вам надо, домовладение в привокзальном районе? Тем более что он наверняка начнет быстро застраиваться. Где еще плодиться всяким забегаловкам, если не рядом с людным вокзалом? Так что я возьму на себя смелость рекомендовать вам сделать покупку чуть западнее, почти в Ораниенбауме. Вот, смотрите.

Я подал собеседнику бумаги с описанием предлагаемого объекта.

Подождал, пока Петр Сергеевич их просмотрит, и продолжил:

— Да, согласен, сам по себе дом хоть и больше, однако он в значительно худшем состоянии, чем тот. Но зато есть большой участок с выходом к морю, где имеется неплохая бухта. При некоторых доработках вполне получится стоянка для пары яхт. Привести же в порядок дом особого труда не составит. Плюс именно этого варианта в том, что вот он в обозримом будущем дешеветь ну никак не будет, то есть кроме всего прочего является и более выгодным объектом вложения капитала. Ну и жить там будет не в пример приятнее, если вы выберете для своей резиденции именно его.

— Да, — согласился Никонов, — но тут «однако» будет с моей стороны. Цена. Я знаю ваше нелестное мнение о доходах наших чиновников и готов признать, что и у меня они реально выше, чем указано в декларации. Но все же не настолько, чтобы совершить такую покупку. Даже если я и наберу денег на нее, то на обустройство купленной усадьбы уже точно не хватит, а это будет означать замораживание средств, причем по моим личным меркам довольно значительных.

— И куда она, проклятая, запропастилась? — пробормотал я, роюсь по карманам. — Ага, нашлась. — С этими словами я вытащил из заднего кармана джинсов чековую книжку и пояснил: — Не проблема, я вам могу занять до получки. Сами понимаете, мне это нетрудно.

— До какой? Я получаю чуть больше ста тысяч в месяц, то есть по вашему счету примерно сто рублей. Соответственно, чтобы отдать вам всю предлагаемую сумму... минутку, я подсчитаю... да, с учетом разницы во времени по вашему календарю на это потребуется порядка четырехсот лет. Не знаю, какие у вас основания надеяться дожить до тех времен, но у меня-то их точно нет.

— Так ведь то, что вы там у себя получаете, называется окладом. И действительно, я как-то вовсе не имел в виду те копейки. Но если вы намекаете, что Российская империя может платить столько или даже в разы больше одному из своих консультантов по важнейшим вопросам, то у вас потрясающее чувство юмора.

— Интересно, — чуть подался вперед Никонов.

— А то бы нет. Ведь вам же не запрещено консультировать всякие там фонды? Или лекции читать в вузах. Так именно это я вам и предлагаю, а вовсе не продавать какие-то там сведения государственной важности. Некоторые имеют склонность к писательству, так что можете попробовать приложить силы и на этом поприще. Кстати, вы ведь последнее время перестали донимать меня вопросами о тяжелой доле нашего чиновничества.

Я так понимаю, разобрались, как тут действительно обстоят дела? И правильно, но позвольте еще раз подчеркнуть ключевой момент. У вас никогда и никакой чиновник не может чувствовать себя в полной безопасности.

Если он работает честно, чего лично я просто не могу себе представить, то он будет мешать остальным, и его уберут. Хорошо, если просто в отставку, но ведь бывали и более радикальные случаи. А если он, как все, берет с нижних и откатывает верхним, то в случае нужды не возникнет проблем устроить ему веселую жизнь вплоть до нар. И ведь для этого не обязательно самому идти против генеральной линии, можно просто оказаться крайним в борьбе группировок, которая у вас носит перманентный характер. Будете утверждать, что я не прав?

— Ну, скажем так... не совсем. Начиная с некоторого уровня и при условии лояльности появляются гарантии личной безопасности.

— Ага, и проигравший сначала просто этого самого уровня лишается. А потом в случае чего и с безопасностью могут возникнуть проблемы, так что придется, бросив пчел, срочно драпать куда-нибудь в Австрию. У нас же все просто. Да, есть произвол императора и канцлера. Но он формализован, и каждый точно знает, как нужно себя вести, чтобы он так и остался чисто теоретической возможностью. Более того, наше государство защищает служащих ему куда лучше, чем ваше.

— Позвольте усомниться, — усмехнулся Никонов.

— Да сколько угодно. Но представьте себе, что какой-нибудь мелкий провинциальный депутат случайно перейдет дорогу кому-нибудь... ну, скажем, из дирекции Газпрома. Кто кого защитит, как по-вашему?

— А если у вас кто-нибудь столь же случайно перебежит дорогу Найденову, что с ним будет?

— Если именно Найденову как частному лицу, то ничего особенного. Вон недавно какой-то купчина из Мариуполя вчинил мне иск на триста тысяч. И выиграл дело, что интересно. Правда, суд признал правомочными его претензии только на две с чем-то тысячи, но зато их он получил без малейшей волокиты. Абсолютно никакого давления на суд не было, это я вам гарантирую.

— Пообещали лично сгноить любого, кто только попробует хоть самую малость надавить? — с невинным видом осведомился Петр Сергеевич. — Вашим обещаниям верят, это я уже заметил.

— Ладно, признаюсь, что-то в подобном духе действительно было. Но это же первый такой случай: Если они будут повторяться, то моего вмешательства уже не потребуется.

— Хорошо, тогда давайте вернемся к вашему предложению. Сразу говорю, что готов с благодарностью его принять. Однако, надеюсь, вы понимаете, что окончательный ответ я смогу дать только после санкции своего руководства?

— Разумеется, — заверил его я. Действительно, у меня и мысли не было вербовать Никонова на роль нелегального осведомителя, который темными ночами будет прокрадываться в Гатчину и продавать военные тайны своей страны за пачки наших сторублевков. Нет, я видел в нем исключительно агента влияния плюс консультанта по деликатным вопросам. А ведь агент влияния — это либо такая фигура, об истинной сущности которой на родине не знает никто, включая и его самого, либо такая, о которой всё необходимое знают все, кому положено, и это их устраивает. Никонов, понятное дело, подходил только на вот такую насквозь легальную роль.

В том, что премьер даст Петру Сергеевичу разрешение взять у меня деньги, я не сомневался. Впрочем, и он тоже. А вот интересно, намекнет ли никоновский шеф насчет поделиться? Вряд ли, потому как суммы по его меркам сравнительно небольшие, а мое отношение к подобным вещам он знает и из-за такой мелочи портить свой имидж в моих глазах не захочет.

Разумеется, он был нам в какой-то мере благодарен за поправку своего здоровья, но стратегических последствий это иметь не могло. Просто потому, что у него слишком много было поставлено на карту там, чтобы иметь еще и какие-то серьезные интересы здесь.

Сами по себе его цели были в общем-то ясны и лично у меня отторжения не вызывали. Вернуть России хоть часть того международного авторитета, которым обладал Советский Союз в период расцвета! Потому что без этого строить независимую политику затруднительно. А вот зачем ему это понадобилось — другой вопрос, по поводу которого у меня имелись вполне определенные и не самые хорошие подозрения. Однако оные не есть уверенность, можно и ошибиться, так что пока я принимал ситуацию как данность.

Так вот, эта самая данность состояла в том, что стандартных путей вытаскивания России из той ямы, куда она свалилась за последние годы Союза и особенно в постперестроечное десятилетие, премьер не видел. Гонка вооружений начала помаленьку проигрывать еще под закат советских времен, а демократы в кратчайшие сроки оставили от военной мощи России одни воспоминания, да и те постарались изгадить. И хотя в последнее время оборонная промышленность малость ожила, даже до уровня Союза в этом отношении было еще далеко.

Экономика Федерации тоже не давала особых поводов для оптимизма, а в таких условиях даже самые выигрышные дипломатические ходы могут обеспечить лишь локальный тактический перевес, и не более того. Поэтому связь с нашим миром премьер воспринимал как возможность обретения лишнего козыря, такого, которого нет и не может быть у его соперников. Даже просто разница во времени уже давала кое-какие плоды, а ведь он не терял надежды как-то склонить нас к совместному использованию порталов. Ради достижения такой цели он позволил бы мне взять на содержание не только начальника одного из отделов своего Управления делами, а хоть все это управление целиком и еще пару министерств в придачу.

Самое интересное, что у меня имелась возможность в ближайшее время пойти навстречу невысказанным пожеланиям своего запортального коллеги. Ибо полностью восстановивший форму Арутюнян уже пару месяцев как свел концы с концами в теории, а два дня назад и подтвердил свои выкладки экспериментально. И где-то через полгода максимум мы сможем попробовать перебросить из нашего мира в тот объект весом в полтонны, причем точность наводки будет порядка нескольких десятков метров по всему земному шару. Задержка же между отправкой и финишем ожидалась всего в четыре с небольшим минуты нашего времени. И я в принципе мог предложить устроить точку финиша не в Российской Федерации, а где-нибудь поближе к, так сказать, финансовому центру Земли двадцать первого века. Если, конечно, Никонов или кто повыше доказательно мне объяснит, какие выгоды для империи последуют за подобным действием.

ГЛАВА 24

— Все-таки серьезным недостатком эффекта Арутюняна является его двухступенчатость, — вздохнул император.

Я кивнул. Из этой фразы следовало, что наше всемилостивейшее, наиболее благороднейшее и так далее величество думало о том же, о чем и его снискавший вполне заслуженную и противоположную по характеру славу канцлер.

Действительно, если бы перемещение представляло собой простой обмен, то возникли бы интересные дополнительные возможности. Ведь тогда в точке отправления появлялся бы кусок пространства из точки приема и наоборот. Можно было бы нацелиться на какое-нибудь интересное место и отправить туда, скажем, мешок навоза. А самым получить аналогичный по объему подарок из того самого места. Если, например, оно называется Форт-Нокс, то подарок оттуда может получиться довольно привлекательным.

Но переброс происходил в два приема. Сначала отправляемый объект оказывался в каком-то третьем мире, где пока не удалось обнаружить ничего, кроме высочайшего вакуума. А потом оттуда прыгал либо к нам, либо в двадцать первый век, либо в какую-то другую точку того мира с вакуумом. Из теории Ару... то есть тьфу, Неймана следовало, что задавать одновременно и координаты точки финиша, и мир, где этот финиш произойдет, невозможно. Чем точнее будет задано одно, тем неопределеннее получится второе. Например, можно настроить передающую камеру так, что отправляемый объект почти стопроцентно финиширует в нашем мире. Но тогда координаты финиша могут быть где угодно, Вселенная — она большая. Наоборот, если точно прицелиться в пространстве, то вероятности финишировать в любом из трех миров для объекта переноса будут одинаковыми. А жаль, я одно время уже потихоньку начал фантазировать о мгновенных путешествиях на Марс или даже подальше.

— Но в военном деле это означает всего лишь тройной расход боеприпасов плюс необходимость разработки мер по предотвращению подрыва в случае финиша в не предназначенном для воздействия мире, — продолжил миролюбивый император. — Как ты думаешь, насколько реальны уверения Иоффе, что работоспособное изделие будет готово уже через два года?

— Думаю, что вполне реальны. Насчет двух лет, пожалуй, он малость погорячился, но если не через три, так уж через четыре — точно. Однако весить эта хрень будет уж всяко не полтонны, а существенно больше. То есть потребуются гораздо более крупная передающая камера, чем сейчас сооружается на «Заре». В общем, пора выходить в космос, вакуум там бесплатный.

— Да, согласен. И сам видел, как летает ваш с Рябушинским магнитоплан. Чего не хватает для ускорения работ?

— Малогабаритного ядерного реактора. Поперек физики не попрешь, и в случае использования химических источников энергии соотношение массы груза и потребного для вывода на орбиту топлива будет почти таким же, как у ракеты. Самую малость лучше, потому как у магнитоплана отсутствует статическая составляющая потребной тяги и он может несколько эффективней использовать вращение Земли. Но так как конструктивно сам он куда тяжелее ракеты, то общий итог будет не в его пользу. Выходов два. Первый — разрабатывать какие-то способы многократных дозаправок в полете. Второй — установить туда реактор, которого у нас нет, и в обозримом будущем не появится.

— Значит, надо подумать, в обмен на что мы получим его из Федерации и стоит ли он того, — подытожил Гоша. — Что ж, спасибо за консультацию, суть проблемы я уяснил.

Вот так и получилось, что перед самым Рождеством я отправился на Канары. Потому как кроме моей дачи на острове Гран-Канария последнее время располагалась и база отдыха Электродинамического института. То есть если по-простому, стартовый комплекс для магнипланов, построенный тут из соображений наибольшей близости к экватору.

Вместе со мной летели Никонов и специально прибывший из Федерации эксперт, представленный мне как Иван Петрович Сидоров. Вообще-то у нас были подозрения, как его зовут на самом деле, но уточнять их или нет, мы пока не решили.

Полет происходил на «борту номер два», то есть персональном самолете канцлера.

Это был полный близнец императорского «номер один», сделанный на базе нашего воздушного лайнера «Аист», первого дальнего и комфортабельного пассажирского самолета в этом мире. Он был похож на чуть уменьшенный первый вариант Ил-18, то есть еще с поршневыми двигателями, потому как реактивные у нас пока пребывали в стадии опытных образцов.

Взлетели мы поздним вечером и к утру были в Сарагосе, где предусматривалась промежуточная посадка. Короткое пребывание на испанской земле — и мы снова в воздухе. К обеду впереди показался остров Гран-Канария. Что интересно, наиболее заметным ориентиром на нем был не стартовый комплекс, большей частью упрятанный под землю, а дворец бессменного губернатора острова дона Мигеля де Кордобы. Сей благородный дон еще восемь лет назад мгновенно сообразил, куда дует ветер, и теперь его семнадцатизэтажная резиденция являлась отличным ориентиром как в прямом, так и в переносном смысле. И, разумеется, источником зависти для столь же честолюбивых, но менее сообразительных. В силу чего мне в свое время даже пришлось, повздыхав о несовершенстве человеческой натуры, санкционировать пару несчастных случаев.

Аэродром для больших самолетов располагался на побережье, в пяти километрах от моей дачи, и после посадки мы отправились туда.

Увидев ее, Никонов остался невозмутим, а Сидоров не смог сдержать удивления. Наверное, он представлял себе Канарскую дачу канцлера Российской империи как-то иначе, а не в виде пяти полутораэтажных садовых домиков плюс странное сооружение, похожее на одноподъездную хрущевскую двенадцатизетажку, но высотой всего в пять метров.

— Здесь живут кошки, — пояснил я, — а вы можете располагаться в зеленом домике, а потом приглашаю пообедать со мной в синем. На объект мы отправимся завтра утром.

Готовый к старту магнитоплан представлял собой прямоугольную платформу семнадцать на одиннадцать метров при толщине в два. По краям она имела две надстройки с трубами и антеннами, а в центре располагалась грузовая площадка.

— Десять тонн, — пояснил я. — Старт через пару минут.

На платформе взревели тринклеры, и из труб повалил белый дым, по мере прогрева движков становившийся все более бесцветным. Наконец магнитоплан качнулся и начал медленно подниматься.

— Вот так это и выглядит, — резюмировал я. — На расчетную высоту, то есть шесть километров, он выйдет через сорок пять минут.

— Значит, для подъема на высоту, скажем, в двести километров ему потребуется больше суток? — уточнил Сидоров.

— Даже больше трех, учитывая необходимость нескольких дозаправок, — подтвердил я. — А выход на суточную орбиту продлится месяца полтора. Ну и что? Мы не спешим. К тому же он может висеть и не обязательно на орбите, просто тогда потребуется небольшой расход

энергии для компенсации потерь и сноса за счет магнитного склонения, но это меньше процента от стартовой мощности.

— И что, это нелепое сооружение сможет подняться в космос? — не поверил Никонов.

Сидоров бросил на него косой взгляд, который я расценил как презрительный. Да, техническая подкованность дражайшего Петра Сергеевича далека от безграничности, но зато у него есть другие достоинства.

Я пояснил:

— Конкретно этот — нет. У него отсутствует кислородная аппаратура для двигателей, и гермокабина экипажа не рассчитана на космос. Но это нетрудно сделать. Вот с дозаправкой в полете придется повозиться, но и это вполне решаемо на нашем уровне развития техники. Кстати, предлагаю вернуться на дачу, тут больше ничего интересного не будет. Для наблюдения за полетом у меня есть очень неплохая оптика.

Как и было обещано, через сорок пять минут магнитоплан прекратил подъем и завис на высоте шести километров. Решив, что Сидоров уже достаточно впечатлялся и самое время предоставить ему возможность без свидетелей пообщаться с Никоновым, я сказал:

— Разрешите до вечера вас покинуть. Губернатор острова устраивает торжественный обед в честь моего прилета, а про вас он по вполне понятным причинам не в курсе. Но вы ничего не потеряете, кормят у него так себе, с моей кухней не сравнить. С удовольствием бы пообедал на своей даче, но, увы, положение обязывает. Если будет желание, можете покататься на железной дороге. Вода в паровозе уже есть, а как растопить топку, вам покажут. Инструкция по управлению в кабине машиниста. Неужели не хотите? Странно. В общем, часов в шесть я вернусь.

Вечером состоялась моя беседа с Никоновым.

— Иван Петрович разъяснил мне все преимущества подобного способа полетов, — начал Петр Сергеевич, — но я не понимаю одного. Он утверждает, что понял принцип работы вашего аппарата, а преодоление неизбежных технических трудностей займет всего несколько лет. Он ошибается?

— Нет, — покачал головой я, — именно так все и есть.

— Но тогда в чем смысл сегодняшнего показа? Ведь в случае несогласия с вашими предложениями, которые вы наверняка сделаете, мы сможем просто вложить некоторые средства и лет через пять получить такое и у себя.

— Во-первых, меня как-то не очень интересует, что у вас будет через

пять ваших лет. Во-вторых, средства потребуются не некоторые, а весьма значительные. И наконец, нужна будет гарантия, что они, эти средства, пойдут именно на магнитоплан, а не будут попилены в процессе освоения. Лично мне представляется куда более вероятным, что у вас в результате выйдет что-то вроде нынешнего рывка в области нанотехнологий. В случае же согласия с нашими предложениями вы получаете не только полный комплект документации, но и рабочий магнитоплан, в разобранном виде он пройдет через портал. В обмен мы хотим ядерные источники энергии общей мощностью от пятисот киловатт до мегаватта. Это, так сказать, программа-минимум. А вообще-то более привлекательным, причем и для вас тоже, было бы совместное производство магнитопланов. У нас, естественно, с последующей переправкой части изготовленных аппаратов к вам. Если у вас есть готовые или требующие минимальной доводки реакторы, то продукция может пойти месяца через три по вашему счету.

С Сидоровым разговор происходил чуть позже и в несколько ином ключе.

— Насколько я понял, у вас применяется модульный принцип. У данного экземпляра, по моим прикидкам, где-то от двадцати до тридцати подъемных элементов. Это так?

— Все правильно, у него их двадцать четыре.

— Тогда максимальный размер и, значит, грузоподъемность аппарата по этой схеме лимитируется только прочностью внешней конструкции. Я прикинул, и у меня получился оптимальный взлетный вес в восемьсот тонн, из которых на долю груза придется двести. Все это, если использовать в качестве источников энергии термоэлектрические ядерные установки типа «Топаз». Вы в курсе, что это такое?

— Про «сто дробь сорок» в курсе, а насчет более поздних разработок нет, но это неважно. Да, у нас тоже получились похожие цифры. Что же, теперь остается только ждать решения вашего руководства.

Магнитоплан висел в Канарском небе сутки, а потом потихоньку начал снижаться.

— Что это, — поинтересовался Никонов, оторвавшись от стереотрубы, — воздух над ним светится или такое мне только кажется?

Если бы рядом не было Сидорова, то наверняка я бы не удержался и небрежно сообщил что-нибудь вроде «ага, вы видите побочный эффект локального искривления пространства», но он тут был, и пришлось разъяснить:

— Это включились мощные дуговые прожекторы, направленные вверх. Ведь при движении подъемного элемента вниз в нем индуцируется

ток, который надо куда-то сбрасывать. Разумеется, это явление частично нивелируется сдвижными экранами, но не полностью, вот там и жгут излишки электроэнергии. То есть магнитоплан потребляет энергию, только когда поднимается. При спуске он ее генерирует, да вот только девать это электричество некуда.

Вскоре аппарат сел, а мы, наоборот, взлетели. «Борт номер два» набрал высоту и взял курс на Сарагосу.

Следующая посадка была в Москве, и тут мы разделились. Я полетел в Гатчину, а Никонов со спутником, пересев на «Пчелку», отправились на Селигер. Для приема «Аистов» тот аэродром был слишком мал, да и вообще мне хотелось по свежим следам прикинуть результаты прошедшего показа, что лучше делать в одиночестве. Пожалуй, на текущем этапе можно обойтись и без демонстрации эффекта Арутюняна. Скорее всего, магнитопланы покажутся противоположной стороне достойными того, чтобы ради их получения поставлять нам реакторы.

Когда я доложил Гоше результаты поездки, он кивнул:

— Ну в целом я и ожидал чего-то подобного. Для специалиста твоя магнитная платформа, конечно, является очень убедительным показателем нашего уровня развития. Единственное, что меня в этой истории смущает — вот выведут они в космос какую-нибудь орбитальную станцию. А вдруг начнут строить на ней установку Арутюняна?

— Величество, — хмыкнул я, — такую установку, какая сможет напакостить нам, проще сделать на Земле, тут особой грузоподъемности не требуется. Но чтобы ее построить, нужно иметь теорию, это раз. Ее у них нет. Нужно иметь специалистов, а они у нас. И наконец, когда ты перестанешь подписывать мои бумаги, не читая? Ведь кроме большой вакуумной камеры на «Заре» строится и еще одна, существенно меньших размеров. Потому как по теории Неймана любая телепортация, даже отдельных частиц внутри камеры, вызывает кратковременное изменение вариантности пространства. Так вот, малая камера — это регистратор, и ты именно в таком качестве на него и выделил средства. Помнишь, как мы почувствовали прибытие в наш мир Кобзева с Кисиним? А скоро этим займется куда более точная и чувствительная аппаратура. А нам останется, получив сигнал, отменить до выяснения все порталы, чтобы время там спокойно стояло на месте. И, никуда не спеша, обдумать последовательность наших дальнейших действий.

— Отлично! — восхитился Гоша. — А ты, если хочешь, чтобы я еще и твои бумаги читал, просто живодер. Как будто мне кроме тебя их мало приносят, и вот те-то уж приходится читать очень внимательно. Так что ты

лучше не переживай, а воспринимай это обстоятельство правильно, то есть как знак высокого доверия. Кстати, только сейчас в голову пришло. Представляешь, как начнет гнуть пальцы руководство Федерации, когда у них появится такой козырь, как магнитопланы? Может, и нам удастся чему-то поучиться.

— Ага, если только их самих не начнут гнуть еще до того, прознав о скором появлении в России подобных аппаратов. А вот тут, как мне кажется, и будет самое время продемонстрировать эффект Арутюняна, но это надо еще хорошенько обдумать.

ГЛАВА 25

Через неделю по нашему времени и три часа по запортальному высшее руководство Федерации было ознакомлено с нашими предложениями, и Никонов вернулся в Российскую империю. Буквально на следующий день он обратился с просьбой помочь ему в изучении тонкостей взаимоотношений России с образованными при ее содействии государствами, то есть Гавайской, Маньчжурской и Монгольской социалистическими республиками, Израилем и Курильским королевством. Причем последнее, а по времени образования первое, его интересовало больше всего.

— Командировку туда можно устроить прямо сейчас, — предложил я.

— Спасибо, я уже поинтересовался нелегкой судьбой английских представителей в Порт-Шикотане, и ни малейшего желания повторять ее у меня нет, больно уж это вредно для печени. Их же там спаивали китайской водкой?

— Это гнусные инсинуации Уолл-стрит, Одуванчик чеки на китайское пойло не оплачивал. Использовалась либо владивостокская водка завода Нерыдайло, либо вовсе смирновская.

— Кстати, вот так и разрушаются иллюзии. Я-то думал, что у вас тут «Смирнов» — это нечто выдающееся, вроде той легендарной французской булки, про которую поют песни. А оказалось, так себе водка, явно похуже нашего «Смирноффа».

— Так пейте фишмановку, как все приличные люди. Смирновская, говорите, не фонтан? Как-то мне давно не доводилось ее пробовать, так что спасибо за информацию. А насчет Курил для начала обратитесь к Татьяне Викторовне, я дам команду, чтобы она вам помогла в этом вопросе.

Ну-ну, подумал я после ухода гостя, изучай, авось пригодится. Ибо Курилы действительно были уникальным государственным образованием со многими интереснейшими особенностями. Не последней из них являлась валюта королевства, то есть пиастр.

С одной стороны, она входила в пятерку самых стабильных валют мира, имея законодательно закрепленный коридор относительно средневзвешенного курса рубля, марки и иены, и за все время существования королевства выходов за границы коридора не наблюдалось. С другой же стороны, курс пиастра скакал в этом коридоре, как блоха в период гона, то есть часто, резко и непредсказуемо. Причем все было

устроено честно — половина прибыли шла поровну Маше с Одуванчиком, а все остальное действительно доставалось тем игрокам финансового рынка, которые ухитрялись предвидеть ужимки и прыжки пиастра.

Еще одной оригинальной особенностью королевства был институт зицпредседателей. Правда, после войны они скучали без дела, но до нее их сиятельство граф Рабинович изволили побыть обвиняемым дважды. И один раз он даже огреб от английского суда восемь лет. Более того, он отсидел их почти от звонка до звонка, то есть провел за решеткой две недели, пока мы не проплатили свидетельство о его смерти. Что интересно, когда через полгода граф воскрес на своем прежнем посту, не потрудившись сменить не то что внешность, но даже имя, мировое сообщество отреагировало весьма вяло. Видимо, к осени десятого года оно уже привыкло к чудесам в моем исполнении, да и времени до начала войны оставалось совсем чуть-чуть.

Тут я в задумчивости потерял бороду. А не предложить ли Федерации организовать что-нибудь подобное? Ведь от такого королевства выгода будет не только нам, но и им! В частности, наконец-то решится проблема Курил.

Федерация не могла ни отдать, ни продать их Японии, не потеряв при этом значительной части своего международного авторитета, да и внутри страны отношение народа к власти после такого наверняка еще ухудшится. Но и в Японии для любого политика хотя бы заикнуться об отказе от претензий на бывшие их северные территории равносильно политическому самоубийству. В общем, тупик.

Однако если найти в России какого-нибудь приличного молодого человека и объявить его прямым потомком Рюрика, это чтобы современные Романовы под ногами не путались, и женить на японской принцессе, пусть даже захудалой, то появляется возможность выхода из политического тупика. Совместным решением российских и японских правительств эта парочка благословляется на царство, а дальше уже возможны варианты, привлекательные как для РФ, так и для Российской империи. Главное — обуздать хватательную активность причастных к этому проекту эрэфовских чиновников, а то они в запале продадут не только Курилы, но и Сахалин с Камчаткой. Но если руководство Федерации пойдет на предоставление нам неофициальных полномочий в этой области, то вероятность успешного проведения данной операции повысится до вполне приемлемого уровня. Но если исходить из интересов империи, то надо попытаться убедить российского премьера, что у нас Рюриковичи гораздо более чистокровные и мы можем предоставить подходящую кандидатуру любого пола и

возраста, тогда все будет и вовсе замечательно.

Поздним вечером я отправился в свои опустевшие апартаменты. Опустели же они в силу того, что Мари с детьми улетела в Георгиевск. Отправились они туда с целью принять участие в съемках фильма «Война и мир» по мотивам одноименного романа Льва Толстого.

Только не подумайте, что моя дражайшая половина вдруг решила попробовать себя в роли кинозвезды. Я, конечно, человек широких взглядов, но такое вряд ли стерплю. И Настенька, естественно, тоже не собиралась увековечивать себя на пленке. Играть в кино должны были Рекс и самый сообразительный из его сыновей Цезарь.

Осенью они уже прошли пробы, и будущие артисты буквально покорили Михаила Карловича Наливайко своими способностями. А теперь они отправились уже на съемки.

Рекс с сыном должны были играть самых высокопоставленных особ в фильме. Цезарь будет Наполеоном, а Рекс — Александром Первым. Из манула Тимофея получился великолепный Кутузов. Про остальной состав я ничего сказать не мог, так что оставалось ждать выхода фильма на экраны.

Я прошел через пустую гостиную и оказался в своей комнате. Из-под дивана вылезла Светлая, а за ней на заплетающихся лапках сначала один котенок, потом другой. Третий, видимо, ходить еще не научился. Этот помет был не в папу, как два предыдущих, а в маму. Ладно, посмотрим, что из них получится, подумал я, налил себе чая и, соорудив бутерброд, решил перед сном еще маленько поразмышлять на курильскую тему. Ибо начинать обдумывать любую новую идею лучше всего поздним вечером, когда уже почти не работает та часть мозга, которая на ранних стадиях отсеивает откровенно бредовые мысли. А потом, вернувшись к теме уже днем, можно будет посмотреть, а нет ли все-таки среди тех самых бредовых как-то пригодных к использованию.

Итак, зачем нам нужны тамошние Курилы? Ответ ясен — это будет кусок нашей империи в том мире, причем нормальный по размеру кусок, а не как посольство на Даниловской. Можно ли убедить российское руководство пойти нам навстречу? А почему нет, сейчас им от тех Курил одна головная боль и никаких прибылей, а формально они их никому не продают и не передают. Так что если предложить что-нибудь интересное, дело вполне может и выгореть.

Разумеется, с японской стороны туда понаедут агенты их разведки, вот уж не знаю, как она там называется. Но ведь не на все же острова! Так что пусть едут, все равно на том же Шикотане, например, они ничего и не увидят. Может, и завербовать удастся одного-другого, там ведь наверняка

есть индивидуумы, ностальгирующие по имперско-самурайскому прошлому Страны восходящего солнца. Пока вроде картинка получается очень даже ничего. А вот как к образованию такого государства отнесется тамошнее мировое сообщество?

Когда я представил себе, как именно, то не удержался, встал и заходил по комнате. Американцы же наверняка попробуют включить Курилы в зону своего влияния! А уж заранее подготовить оппозицию, которой для начала освободительной работы будет не хватать только денег, для ДОМа не проблема. Чай, не в первый раз, опыт есть. Правда, спрашивать у того же Никонова, почем сейчас у них оранжевая революция, не стоит, лучше обойтись открытыми источниками. Точность, конечно, будет меньше, но ничего, пусть наши борцы за права человека сразу запросят по максимуму, а потом в крайнем случае согласятся на некоторое уменьшение сумм.

Через день Татьяна, побеседовав с Никоновым и составив свое мнение по курильской проблеме, позвонила мне и сказала, что она созрела для принятия моего приглашения пообедать. Так что в этот день стол на две персоны был накрыт в моем кабинете, и ближе к десерту гостя начала:

— Петр Сергеевич утверждает, что есть три причины, по которым все Курилы должны остаться российскими. Причины, кстати, вполне уважительные, и я с ними полностью согласна. Первая из них заключается в том, что на Итурупe находится единственное в России и одно из немногих в мире месторождение рения. Но дело в том, что находиться-то оно там находится, но не разрабатывается. А мы не против оказать помощь деньгами и рабочей силой, чтобы эта разработка началась побыстрее. Более того, мы положительно отнесемся к тому, что какие-то российские бизнесмены, близкие к контактирующим с нами людям, получают наши кредиты, расплачиваться по которым будут тем самым рением. Причем это надо проверить до изменения статуса Курил, а новой власти останется только подтвердить свое полное признание незыблемости частной собственности. То есть рений никуда от России не уйдет и, наоборот, начнет добываться и приносить прибыль. А у нас кроме поставок по кредитам останется точно такое же месторождение на нашем Итурупe, разрабатывать которое будет проще с учетом здешнего опыта.

— Согласен. От пива вы, как всегда, откажетесь? Тогда позвольте налить вам еще кофе, и продолжайте.

— Вторая причина — рыба. Ведь острова существуют не сами по себе, а с зоной рыболовства вокруг них. Здесь тоже все вполне решаемо. Японцы не дураки и отлично понимают, что все Курилы им не светят даже в случае распада России, и в самом оптимистичном случае речь может идти только о

Малой Курильской гряде. Но тут зона рыболовства получается весьма небольшая. Однако дело в том, что сейчас-то они всю ловят в Охотском море! Сколько платят и кому, Никонов не знает или говорит, что не знает, но деньги тут замешаны очень большие. Остается надеяться, что сам премьер и его близкие имеют другие источники дохода, потому как справиться с противодействием сидящих на охотской рыбе можно будет только силовыми методами. Для начала, разумеется, пообещав, что все останется как было. Словом, свежее образованное королевство примет их на службу в аналогичных должностях и оставит им право распоряжаться охотской рыбой. А про то, что реализовывать это право можно, только не нарушая государственных интересов, они узнают по одному и лучше, если сразу в подвале у господ Ли. В общем, я считаю, что рыба — это самый сложный вопрос, но все-таки он решаемый.

Наконец, есть и третья причина. Курилы являются естественным, так сказать, забором, отгораживающим Охотское море от Тихого океана. И пока там располагаются российские гидролокационные станции, появление чужих подлодок в Охотском море практически исключено. Но ведь те станции там и останутся, это будет одним из условий образования королевства! А их финансирование значительно улучшится, потому что мы попросим принимать там стажеров из нашего флота. И, само собой, оплатим эти стажировки.

— Думаете, до самих постов дойдет хоть рубль?

— Разумеется, нет. Но когда наш стажер-лейтенант, получающий в несколько раз больше российского майора или подполковника, расскажет им, куда и конкретно кому ушли их деньги, то, как мне кажется, в мировоззрении слушателей могут произойти изменения в желательную для нас сторону.

— Тоже неплохо. Насчет же того, что российское руководство станет сильно упираться... был уже прецедент с островами на Амуре. Отдали без лишнего писка, хотя в обладании ими тоже были какие-то стратегические преимущества. Так что начинайте продумывать конкретику. Кстати, как, с вашей точки зрения, может выглядеть идеальный вариант?

— Немножко не так, как вы предложили, — ответила Татьяна. — То есть самую малость наоборот. Лучше, если принц будет с японской стороны, а мы предоставим принцессу. Ведь главной задачей нашей половины монаршей четы будет не управление делами королевства, для этого в каждый момент времени найдутся соответствующие специалисты, а нейтрализация подобных поползновений у своего супруга.

— А если подсунут пидора? — усомнился я.

— Как ни странно, будет даже лучше. У принцессы тут же объявится брат, или даже не один, если понадобится, а мы в случае необходимости получим возможность слегка надавить на японскую сторону. Мол, ваш король оказался не совсем кондиционным. Но это маловероятно, вряд ли японцы станут так подставляться.

— Ладно, насчет полового состава королевской пары вам виднее. Мысли по организации власти в королевстве у вас, разумеется, уже есть?

— А как же. Еще кофе даме не нальете? Спасибо. Значит, кроме короля с королевой, там будут еще два представителя от стран-учредителей. Поначалу я думала предоставить им равные права, но потом решила, что лучше сделать немножко не так. Пусть один будет премьером, а другой вице-премьером, а через определенный срок они поменяются местами. Причем право премьерствовать первым лучше предоставить японцу. Все равно сразу после образования нового государства в нем будет жуткий бардак, так пусть его японец и разгребает. Мы же за это время внесем последние коррективы в наши планы и приступим к организации настоящей вертикали власти. Кстати, в конституцию надо будет как-нибудь понезаметнее вписать право царствующей четы своим указом вводить новые должности. Потому что какое же это будет Курильское королевство без лорда-протектора?

Танечка немного помолчала, а потом добавила:

— Я и сама как-то слегка загорелась этой идеей. Даже промелькнула мысль послать пару человек в ту Черногорию на предмет подготовки почвы, но это, пожалуй, все-таки слегка рановато. А вот с Курилами — самое время. В ближайшие дни я вам представлю развернутый доклад о той пользе, которую Российская империя сможет поиметь с такого государства. И, значит, мое мнение таково. Если потребуется, то для убеждения руководства Федерации в оправданности предлагаемого нами шага можно показать им эффект Арутюняна в действии. Более того, я даже считаю допустимым пообещать им допуск до той установки, которая со временем будет смонтирована нами на Курилах двадцать первого века.

— Только пообещать? — на всякий случай уточнил я.

— Разумеется, не только, — улыбнулась Танечка, — обещания надо выполнять. Но за время работы с вами я, кажется, неплохо освоила творческий подход к этому процессу. Да и не завтра же мы начнем разворачивать там установку! А за это время много чего сможет произойти.

Я прикинул, что, пожалуй, тут можно и ничего особенного не выдумывать. Просто еще раз подчеркнуть, что установки межмирового пробоя — государственная тайна империи, которая не может быть доверена

чем-то себя запятнавшим людям — неважно, гражданами какого государства они являются. И, значит, любой кандидат на ознакомление с ней подпишет бумагу, где он поклянется лично императору, что его благосостояние соответствует официальному окладу. И что у него нет родственников, разбогатевших после вступления подписанта в должность. Ну, пожалуй, для двух первых лиц Федерации и Никонова можно будет сделать исключение, а остальные — только после подписи вот такой бумаги. А если потом выяснится, что подписавший был не совсем искренен, то мгновенно последует мой указ о принятии этого дела в особое производство седьмым отделом. Так что пусть ищут кандидатов. Пожалуй, ученых и инженеров они найдут, хотя и не сразу. Однако среди них именно в силу финансовой чистоплотности вполне могут оказаться те, кому наши жизненные ценности покажутся привлекательней эрэфовских. Но ведь без руководства оставить такой проект никак нельзя, и вот здесь, надо думать, у наших партнеров возникнут серьезные, если вообще преодолимые, трудности.

ГЛАВА 26

Сэр Эндрю Нэвил Пакс отложил расшифровку донесения и задумался. Интересные, однако, новости приходят из САСШ...

Источник в Управлении стратегических служб сообщал, что принято решение об экстренной подготовке покушения на жену, а, может быть, и детей Найденова. Это предполагалось приурочить к летним съемкам фильма «Война и мир», в которых они наверняка будут участвовать. И теперь Пакс пытался понять: что они там, на берегах Потомака, совсем рехнулись? А если нет, то какой тайный смысл в этой операции? Тем более что ее шансы на успех весьма невелики, к охране правящей верхушки империи Найденов всегда относился очень серьезно.

Итак, решил Пакс, начнем с самого вроде бы очевидного варианта. Предположим, смысл тут в том, чтобы заставить Найденова от горя потерять... нет, не голову, на такое не может рассчитывать даже самый дремучий идиот. Но вот потеря самообладания в какой-то мере возможна. И, например, канцлер сможет предпринять какие-нибудь необдуманные действия.

Ерунда, поморщился сэр Эндрю. Во-первых, не тот это человек. Во-вторых, там есть еще и император, который в случае чего попридержит своего канцлера. Но даже если предположить, что это у него не получится, то все равно ничего хорошего не произойдет. Наобум швыряться по Штатам сверхмощными бомбами Найденов не станет. Он, скорее всего, отдаст команду без особой спешки ликвидировать все УСС вместе с родственниками, знакомыми и просто сочувствующими, и вряд ли ему в этом кто-нибудь сможет помешать. Да, Россия сейчас вроде бы не очень готова к большой войне. Но Америка-то к ней готова гораздо меньше! То есть операция задумана явно не как повод к конфликту, от которого больше всех проиграют сами Штаты. Тогда какие же цели она на самом деле может преследовать?

Стоп, сказал себе сэр Эндрю. Откуда известно, что следы будут указывать именно на Соединенные Штаты? Вполне возможно представить ситуацию так, чтобы инициаторами покушения казались совсем другие люди из другой страны. Тогда какие и из какой?

Для ответа на этот вопрос потребовалось меньше пяти минут. Причем, додумавшись до него, Пакс позволил себе вслух продемонстрировать неплохое знание русского языка в виде трехэтажной матерной конструкции.

Над чем тут ломать голову? Страна называется Великобритания, а люди, на которых будут указывать все следы, — это Эдуард Седьмой и сам Пакс. В таком случае замысел вашингтонских мерзавцев становится кристально ясным и логичным. Ибо они уже неоднократно выражали свое неудовольствие текущим состоянием взаимоотношений между бывшими противниками.

Разумеется, после войны Англия не стала другом России. Но король при полной поддержке сэра Эндрю пошел на значительное улучшение неофициальных отношений с Петербургом, а особенно — с Гатчиной, что в значительной мере помогло в преодолении послевоенных трудностей. Но за это некоторым, то есть тем, кого Найденов объявил военными преступниками, пришлось заплатить своими состояниями, а кое-кому даже и свободой. Кстати, вешать русские никого не стали. Правда, трое из осужденных сами потом повесились на Вилное и еще несколько человек просто умерли по якобы медицинским причинам, но это уже другое дело. Естественно, подобное положение дел не могло вызвать большого восторга в Вашингтоне.

Пакс встал, прошелся по кабинету и взялся за трубку телефона. Даже если операция американцев на самом деле преследует и какие-то другие цели, все равно ее положительный исход приведет к большим трудностям для Великобритании. И, значит...

Сэр Эндрю снял трубку, назвал телефонистке номер, подождал пару минут, пока произойдет соединение, и сказал:

— Леди Изабелла? Это Эндрю Пакс. Как, по-вашему, его величество не сделает никаких неправильных выводов из того, что я приглашу вас пообедать? Да, я тоже всегда был уверен в его глубоком понимании текущей обстановки. И спасибо за согласие. Назначайте место и время, я заранее согласен с любым.

«Вот ведь никак не уgomонится старик, — садясь в автомобиль, думал Пакс о своем короле. — Скоро семьдесят семь человеку, а все равно как минимум три раза в од новая любовница! Причем каждая вторая совершенно явно завербована ДОМом. А каждая первая и без всякой вербовки является его штатной сотрудницей, и некоторую трудность представляет только определить, к какой категории относится очередная пассия короля».

Впрочем, в отношении леди Изабеллы сомнений у сэра Эндрю почти не было.

Я только-только принял пятьдесят граммов водки и начал было оценивать вкусовые и прочие ощущения, как с узла связи меня известили о

срочной шифровке из Англии. Пришлось убирать водку в сейф, запирасть кабинет и отправляться в дальний конец правого крыла дворца.

Нет, нервная и тяжелая работа канцлером не привела меня к тому, что я начал потихоньку выпивать в одиночестве. Просто в память запали слова Никонова о смирновке, и я дал команду доставить мне бутылку, причем купив ее не в Гатчине, а в каком-нибудь ничем не примечательном магазинчике Питера.

Впечатления были неоднозначными. С одной стороны, с фишмановкой принесенная мне жидкость и рядом не стояла. С другой, я недавно был в Ирландии, где пришлось слегка откушать их местного мутного самогона, называемого ирландским виски. Так по сравнению с ним смирновка, если и недотягивала до амброзии, то самую малость. С третьей стороны, когда я в последний раз принимал внутрь продукт господина Смирнова, а было это после победного завершения черногорской войны, он мне вроде бы тогда казался вполне приличным.

Надо будет спросить, как там у моих кандидатов в комиссары с практикой, решил я. И если они не очень загружены, то пускай забирают початую бутылку и пробуют разобраться с этим вопросом, а я уже староват для таких экспериментов над собой.

Прочитав шифровку, я хмыкнул. Все правильно, еще неделю назад Альперович сообщил, что, кажется, УСС задумывает преподнести нам какую-то пакость. Правда, конкретики ему разузнать не удалось. Однако снова подтвердилось, что мир не без добрых людей, и теперь следовало определить линии нашего дальнейшего поведения.

Разумеется, охрану Мари с детьми придется усилить, причем сделать это надо незаметно. Ничего, не в первый раз, наработки уже есть. Второй вопрос: а кто это там в Вашингтоне завелся такой умный? Я ведь люблю беседовать с умными людьми, и надо поинтересоваться, насколько трудным делом в случае чего окажется реализация этой моей маленькой слабости. Наконец, не помешает поточнее узнать, каким именно предполагается возможное развитие событий в Англии. Ведь мало убрать Пакса с Эдиком, надо еще позаботиться, чтобы те, которые сядут на их места, начали проводить более устраивающую Вашингтон политику. Кто такие, насколько они тут замешаны? Сэр Эндрю, разумеется, тоже будет искать ответ на данный вопрос, но это еще не повод сидеть сложа руки. С таким мыслями я покинул узел связи и отправился к Танечке.

— Я, конечно, проработаю все, что вы наметили, — заверила директриса ДОМа, — но только меня гложет какой-то червячок. Больно уж грубо все это выглядит. Да, у УСС пока нет достаточного опыта, но я бы не

стала слишком на это надеяться. Уж с понятием «отвлекающая операция» они точно знакомы.

— Вы думаете?..

— Пока только допускаю. Если в ближайшее время к нам не попадут сведения о какой-то другой операции Управления, которую можно будет рассматривать как отвлекающую от этой, то мои допущения станут подозрениями.

— Хорошо, а как лично вы действовали бы на месте наших заокеанских друзей? Примем, что их цель — нашими руками убрать как минимум из политики Пакса с Эдиком.

— В том-то и дело, что я бы слила в МИ-6 информацию о якобы готовящемся покушении на Марию Федоровну и детей. Более того, и саму подготовку начала бы. Имея в виду, что сэр Эндрю, скорее всего, поделится полученными сведениями с вами. А сама придумала бы еще какой-нибудь способ нагадить лично вам, причем так, что его реализация должна сильно облегчиться в результате тех мер, которые вы предпримете для улучшения охраны семьи. Тогда прямые следы к Паксу становятся не нужны — ведь это он рассказал вам о якобы готовящемся акте! Можно оставить какую-нибудь косвенную ниточку, ведущую к нему, причем еле заметную. Сразу говорю — пока не знаю, что, как и где может представлять собой настоящая операция.

— И я без понятия, но советую... нет, пожалуй, приказываю вам принять усиленные меры для охраны и вашей семьи тоже. Да, пожалуй, и совет не помешает. С пониманием отнеситесь к тому, что к внешней охране я привлеку и Алафузова.

— Хорошо, — кивнула Танечка, — потому что действительно такое тоже возможно. Но скорее всего планируется что-то еще, до чего мы пока не додумались.

Вскоре Татьяна с Алафузовым провели нечто вроде командно-штабной игры, на которой они попытались смоделировать последствия усиления охраны отдельных персон. Результатом явилось очередное подтверждение закона сохранения. Обычно человек вспоминает о нем, когда вдруг почему-то начинает ощущаться нехватка денег. Ведь совсем недавно было достаточно, а теперь — на тебе. Кризис, говорят человеку из телевизора. Ага, это так называется ситуация, когда кто-то решил, что ваши деньги заслуживают его внимания. То есть если в вашем кармане убавилось — это означает, что прибавилось в другом. Как и было задумано.

А у Татьяны с Иваном Илларионовичем вышло, что резко усилить охрану одного лица сроком более чем на неделю получится только за счет

ослабления ее у кого-то другого. Правда, при условии, что этот другой сохраняет прежнюю степень свободы.

— Шеф, кого в клетку сажать будем? — резюмировала Татьяна в конце доклада об итогах игры.

— Время пока есть, так что подумаем. Навскидку же первым кандидатом на такое является Кобзев. Нейман и так живет либо во дворце, никуда не выходя, либо на «Заре».

Именно в силу вышеозначенных причин я вызвал к себе лаборанта и познакомил его с коварными планами американской военщины, не уточняя, что так они выглядят пока только в нашем представлении.

— Перед вами выбор, который можете сделать только вы сами, — объяснил я ему. — Или вы продолжаете жить, как жили. Но тогда в случае нештатного развития ситуации вашей охране будет приказано ликвидировать объект, то есть вас, если захват одного объекта противником покажется охране неминуемым.

— Веселенькая перспектива, — поежился Саша.

— Согласен, поводов для энтузиазма маловато. Но есть и другой вариант. Из своей гатчинской квартиры вы вместе с молодой женой временно переселяетесь во дворец. Здешний режим вы уже знаете. Гости — только с уведомлением за три дня, гулять в ближнем парке, для выхода за внутренний периметр нужен пропуск от коменданта, а за внешний — от меня или Татьяны Викторовны. «Тузик» придется поставить на прикол, на «Зарю» вас будет возить вертолет или «Пчелка».

— И долго мне еще осталось гулять на свободе?

— Недели две. Но тут вполне возможно и изменение планов противника, так что будьте готовы в любой момент.

С Алисой все получилось совсем просто. Узнав, что люди, в свое время убившие ее первого мужа, теперь нацелились на нее с Алексеем, она сама попросила разрешения свести все выезды из Гатчины к минимуму.

А пока на высоком уровне решались вопросы охраны, чуть ниже и вообще в другом здании, то есть в школе комиссаров, группа выпускников в порядке производственной практики разбиралась со смирновской водкой. Для начала были опрошены свидетели, чей стаж употребления составлял не меньше десяти лет. Многие из них утверждали, что в последнее время, то есть где-то сразу после войны, водка стала помаленьку портиться и сейчас уже далеко не та, что была раньше. Все бы хорошо, но вот только войны назывались разные. Кто-то говорил про мировую, кто-то про черногорскую, а некоторые аж про японскую. Самый же пожилой из опрошенных, швейцар второго парадного подъезда, вообще заявил, что

настоящую пшеничную водку делали только до турецкой войны семьдесят седьмого года, а потом начали гнать ее черт знает из чего.

Далее кандидаты в комиссары раскопали, что Менделеев еще в четвертом году производил исследование основных сортов смирновки и сделал следующие выводы:

«Водка номер один, самая дешевая — вообще отрава и не стоит даже тех копеек, которые за нее просят. Водка номер двадцать — удовлетворительная, но с повышенным содержанием альдегидов. Номер тридцать два отличается от двадцатки наличием еще и сивушных масел. Номер сорок — альдегиды в норме, но зато сивушных масел вдвое больше, чем в тридцать второй, и плюс там еще откуда-то взялось целых полпроцента азотной кислоты». В этом месте я отложил доклад и ругнулся. Да если так дальше пойдет, то у нас в водке скоро и ортофосфорная кислота появится, как в какой-нибудь пепси! Пора пресекать, но сначала все-таки лучше дочитать доклад.

Там описывалось, что Смирнов признал результаты экспертизы и обещал исправиться. Во всяком случае, номер первый был снят с производства, а остальные вроде бы стали получше. Тридцать второй номер даже сравнивали с долговской водкой, до появления фишмановки считавшейся лучшей в России. И наконец, к докладу прилагался анализ современных водок, в том числе и из моей недопитой бутылки с номером сорок, так что читать я начал именно оттуда.

Ё-мое, я ведь размышлял, не употребить ли мне еще пятьдесят граммов этой гнусной химии! Когда там кроме тройной нормы сивушных масел и двойной — альдегидов содержался еще и целый букет эфиров вплоть до изопропилметаната. Мало того, там нашлось чуть ли не четверть грамма на литр солей всякой дряни, в том числе и тяжелых металлов. А чтобы замаскировать вкус всей вышеперечисленной мерзости, в водку был добавлен поташ.

Черт возьми, подумал я. Какие тут еще в задницу американцы? Свои того и гляди отравят! А Паксу надо послать письмо с благодарностью, потому как именно его сообщение помогло мне избежать нешуточной опасности.

В общем, понял я, пора создавать государственную систему контроля качества продуктов. Потому как сейчас этим занимается народный контроль на инициативных началах, а значит, что-то обязательно будет пропущено.

Тем временем Танечка с Иваном Илларионовичем все улучшали и усиливали охрану всех внесенных в довольно широкий список лиц, доведя

ее до запланированного уровня к семнадцатому апреля. А девятнадцатого то ли УСС, то ли еще какой неведомый враг все-таки нанес нам удар. Этот удар не затронул никого из охраняемых персон и ни одного из их родственников.

У нас украли Рекса.

ГЛАВА 27

Первым почуял неладное Рыжик. В этот день он, как обычно, с утра отправился на кухню, чтобы подкрепиться. Рекс, который ел гораздо меньше, чаще всего ждал у дверей, пока его друг и телохранитель насытится. И в этот день все началось как обычно. Но, не доев печенку, Рыжик вдруг почувствовал сильнейшее беспокойство. Что-то пошло не так, причем очень не так! Он метнулся к дверям, где его должен был ждать наставник и вообще высший авторитет, только после знакомства с которым Рыжик наконец уяснил свое настоящее предназначение в жизни.

Однако Рекса там не оказалось. Более того, Рыжик с замешательством понял, что вообще не ощущает его присутствия! А ведь такого не случалось даже тогда, когда Рекс спал. И теперь с нарастающим ужасом Рыжик чувствовал, что он снова, как в далеком детстве, остался один в огромном, непонятном и враждебном мире. Кто объяснит ему, где друг, а где враг, какой человек хороший, а какому если и можно приблизиться, то осторожно и исключительно с целью цапнуть? Внезапно потерявший свой идеал кошка был готов завывать от отчаяния.

Но, может быть, помогут люди? Сначала Рыжик кинулся было к Алеше, однако сразу увидел, что тот ничего не понимает. Эх, ну почему дядя Жора остался в своем большом доме, а не прилетел сюда с ними? Тут рыжий кот вспомнил про девочку Настю, подругу своего сюзерена, и метнулся к ней.

Настя поняла Рыжику сразу, и не только поняла, но и поверила. Более того, она смогла в течение полутора минут убедить в своей правоте старшего группы охраны, который немедленно вызвал помощь.

Командующий внутренней охраной старший ликтор Павлов ни на секунду не усомнился в серьезности заявления дочери Найденова о пропавшем коте. Но он почти ничего не мог сделать! В обычных условиях, может быть, и удалось бы выделить пару-тройку человек на поиски, но сейчас инструкция однозначно требовала сосредоточить все силы на охране объекта, не отвлекая более ни на что ни одного человека. Единственное, что смог предпринять Павлов, — это срочно вызвать с расположенного поблизости Георгиевского аэродрома три малых вертолета с вооруженными пилотами и летнабами. Но когда он уже заканчивал объяснять прибывшим, в каком порядке искать то ли сбежавшего, то ли похищенного, то ли вовсе убитого кота, Настя вдруг воскликнула:

— Рекс жив, Рыжик его снова почувствовал!

Он действительно ощутил, что снова не один. Но почему Рекс чувствуете так тускло и неуверенно? Когда он удалялся на большое расстояние, связь тоже слабела, но по-другому. Что с ним? Ему очень плохо, вдруг понял рыжий кот. Он только что пришел в себя и едва шевелится. Рыжик чувствовал, как отчаяние уходит, а на его месте вскипает ярость. Кто посмел поднять лапу на высшее существо?! Куда бежать, кого рвать? Где ты, друг и учитель?

Далеко, с трудом понял Рыжик. Туда не успеть добежать вовремя. Надо обратиться к людям, у них есть очень быстрые бегающие и летающие ящики. Но почему же эти люди такие тупые? Рексу плохо, и его с каждой секундой увозят куда-то все дальше и дальше, а они хлопают глазами и не могут понять самого что ни на есть членораздельного мява! Нет, и среди людей все же есть умные, не как Рекс, конечно, но и не совсем бестолковые. Девочка Настя все поняла и теперь объясняет это человеку, вылезшему из небольшой летающей машины. Скорей бы! Ну вроде он наконец-то понял...

Рыжик вскочил на колени летнабу и, схватив его зубами за рукав, начал показывать, куда лететь. Ящик зарычал, завертел расположенными сверху палками и поднялся в воздух.

Периодическими рывками за руку летнаба Рыжик указывал курс, а сам пытался получше понять, что происходит с Рексом. Вроде он трясется в какой-то тесной и душной коробке... стоп, тряска прекратилась. Сквозь дырку можно рассмотреть, что сзади подкатил велосипед, на нем человек с автоматом. Что это такое, Рыжик знал.

А коробка с Рексом стоит на другом велосипеде, вдруг понял он. И оттуда сейчас слез человек, чем-то напоминающий обоих господ Ли сразу, но только гораздо старше и плюгавей. Может, он тоже хороший, как оба Ли?

«Нет! Нет! — забились в мозгу Рыжика встревоженные мысли. — Он только кажется хорошим, а на самом деле это не так! Он хочет убить Рекса!»

Не выпуская из зубов рукава летнаба, Рыжик сдавленно зарычал. А в его голове продолжали одна за другой возникать жуткие картины.

Этот плюгавый не только хочет убить Рекса. Он вообще враг всему, что только есть хорошего на свете! Если его не остановить, он убьет милую, ласковую и беззащитную Темную. И сделает из нее воротник! С котятков всех трех пометов живьем сдерет шкурки. И самого Рыжика пустит на шапку, коли тот будет зевать. Это страшный человек! Враг! Враг! Враг!!!

Тем временем из кустов вышел какой-то тип, и тоже с автоматом. Плюгавый что-то ему сказал, тот снова засел в кустах, где, кажется, еще кто-то был, а два велосипеда продолжили свой путь.

Мне об этой истории доложили где-то минут через пять после вылета вертолета с Рыжиком. Причем неуверенно как-то доложили. Мол, у вашей дочери пропал кот, так вот, чтобы ребенок не волновался, пришлось...

— Все сделано правильно, — перебил докладчика я, — только совершенно недостаточно. Что еще может быть немедленно поднято в воздух? Как скоро можно организовать прочесывание местности в том направлении, куда улетел вертолет?

Георгиевский дежурный собрался было ответить, но тут у них что-то произошло. Где-то с полминуты я слушал обрывки возбужденных выкриков, а потом дежурный доложил:

— Вертолет только что сбит автоматным огнем из кустов на краю поля у деревни Алексеевка, это в девяти километрах от аэродрома.

— Действуйте по инструкции, в случае любых новостей — доклад мне немедленно, в случае их отсутствия — каждые пятнадцать минут.

Уже повесив трубку, я подумал про Рыжика. Впрочем, дежурный наверняка ничего о нем не знает. Однако из автомата вертолет, хоть и малый, не собьешь так, чтобы он рухнул камнем. Значит, у хвостатого есть шансы, причем даже лучше, чем у пилота и летнаба.

Две очереди, прозвучавшие с земли, не задели Рыжика, но тот, у кого он сидел на коленях, вдруг дернулся и начал заваливаться набок. Кот поднял голову и увидел быстро расплывающееся красное пятно у него на груди. С пилотом тоже что-то было не так, он побледнел, и, какими-то неловкими движениями пытаясь удержать вертолет, начал быстро что-то говорить, но не Рыжику, а кому-то еще. Но вдруг замолк на полуслове и уронил голову на грудь. Вертолет, кружась, стал быстро снижаться. Рыжик напрягся, и, когда до земли оставалось совсем чуть-чуть, прыгнул. Упал на четыре лапы, не удержался, однако, кувыркнувшись пару раз, вскочил. Повел носом, прислушиваясь к своим ощущениям, и рыкнул от возбуждения — плюгавый вместе с Рексом был совсем рядом.

«Надо быть осторожным, — снова начали возникать мысли, которые Рыжик по простоте душевной считал своими. — У того, кто едет сзади, автомат, а это опасная вещь! Но сразу после того, как с ним будет покончено, надо нападать на плюгавого! Как можно быстрее, а то еще неизвестно, чем все кончится!»

Два велосипеда свернули от поля к лесу, и тут из кустов метнулась стремительная рыжая тень. Задний велосипедист с воем покатился по

прошлогодней траве, да так и остался там, зажимая руками выцарапанные глаза. А кот длинными прыжками уже мчался к переднему. Но тот вовремя сориентировался, на ходу соскочил со своего транспорта и быстро сунул руку в карман.

Рыжик прыгнул. Еще в воздухе он почувствовал, как чем-то обожгло правый бок, но это было неважно. Он добрался-таки до врага! Не выдержав удара почти двадцати килограммов, летящих со скоростью более десяти метров в секунду, плюгавый упал. Но не выронил пистолет, а снова выстрелил.

Рыжик вдруг перестал ощущать свои задние лапы и понял, что времени ему почти не осталось. Когтями правой передней он намертво вцепился в воротник плюгавого, а левой начал бить по глазам. Пусть он только поднимет руки, а там можно будет вцепиться в горло! Кровь ручьем текла из двух ран, а вместе с ней вытекала и жизнь, но Рыжику все-таки хватило сил довести дело до конца. Проваливаясь в какую-то мутную пелену, он успел почувствовать, как артерия врага лопнула в его зубах, и в морду ударил горячий красный фонтан.

Рева моторов приземляющихся тяжелых вертолетов Рыжик уже не слышал.

Дальше сразу сказалось то обстоятельство, что пропажа кота для аэродромных служб была ситуаций нештатной, а вот сбитый вертолет — наоборот. Мгновенно в воздух были подняты разведчики, а потом один за другим стали взлетать тяжелые вертолеты. Единственное мое вмешательство заключалось в требовании ввести в экипаж первого двух дежурных от шестого отдела. Одному была поставлена задача искать Рекса, другому — узнать, что с Рыжиком.

И вскоре мне сообщили:

— Они оба здесь! Рекс был в коробке, он какой-то вялый, еле ходит. Сел рядом с Рыжиком и орет.

— Что орет?

— Не знаю, — растерялся докладчик.

— А Рыжик?

— Кажется, он мертвый. Весь в крови и не дышит.

— Немедленно обоих в вертолет и на форсаже к моему особняку! — приказал я. — Садиться с ходу, хоть на клумбу, хоть еще куда, только поближе к дверям. — Потом, взяв другую трубку, сказал туда: — Его величество срочно в аппаратную. Завтракает? А слово «срочно» вам что-нибудь говорит? Бегом, чтоб твою мать! — И наконец обернулся к уже явившейся в мой кабинет Татьяне: — Танечка, нужен человек в мой

георгиевский особняк, и немедленно. Его задача — включить телекамеры для портала. У вас есть семь минут, действуйте.

Через семь с половиной минут две Таниных девочки с наскоро перевязанным Рыжиком и потихоньку приходящим в себя Рексом шагнули через портал в наше посольство на Даниловской. После чего портал был закрыт, и его величество обратился ко мне:

— Ну и дела. Дожили, у нас уже среди белого дня коты воруют! Жди, еду к тебе.

— Так ты же вроде не до конца позавтракавши?

— Бутерброды приготовь, а потом, может, зайду в твою столовую.

— Но ведь пока еще толком ничего не известно, — предупредил я.

— Вот и хорошо, буду получать новости в режиме реального времени.

А то вдруг ты еще и Рыжика постесняешься в ветлечебницу того мира отправить? Он, кстати, жив?

— Вроде да, но точно скажу, когда сам на него гляну. Не сейчас, там может понадобится несколько порталов сразу, так что открывать будем недели через две, не раньше. А насчет ветлечебницы — ты думай, что говоришь. Рыжик получил раны, сражаясь с врагами империи! И победив их, между прочим. Да если я теперь для него из шкуры не вывернусь, как мне потом прикажешь своим подчиненным в глаза смотреть? Кстати, ты свой ноутбук захвати. Потому что сейчас я без всякой спешки посажу людей изучать, что у нас есть по ветлечебницам Москвы. Может, и у тебя там найдутся какие-то сведения. Чтобы к моменту открытия портала у нас уже и номера на телефонах были набраны, оставалось только кнопки нажать.

— Ясно. Выезжаю.

Пока Гоша ехал, я успел поговорить с Мари и отдать необходимые распоряжения по досрочному возвращению семьи в Гатчину.

К вечеру Татьяна доложила мне итоги войсковой операции аэродромной охраны и первого дня расследования.

Прочесывание местности дало тот результат, что взять удалось всех восьмерых, непосредственно участвовавших в похищении. Но, увы, в основном в виде трупов. Имелся один тяжелораненый из второй двойки прикрытия, наподобие той, что сбила вертолет у Алексеевки. Но еще не факт, что он выживет, и даже если это будет так, о допросе в ближайшую неделю можно не думать.

Потери с нашей стороны ограничились летнабом со сбитого вертолета — пуля задела ему сердце. Пилот с ранениями средней тяжести находился

в Георгиевском госпитале, и врачи сказали, что он будет не только жить, но и летать. Трех легкораненых из аэродромной охраны даже не стали госпитализировать.

А вот тот похититель, которого Рыжик обработал первым, остался практически здоров, только без глаз. Жаль, конечно, что наш четвероногий герой насмерть загрыз главного, но, в конце концов, нельзя же требовать от кота всего сразу.

Ослепшего уже доставили в Гатчину и начали допрашивать, но я не особенно надеялся на результат. Судя по схеме операции, как она нам представлялась, двойки прикрытия были расходным материалом, и наверняка допускалось, что кто-то из их состава попадет к нам. Труп главного тоже привезли, и господина Ли уже выдали предварительное заключение, что это, вероятнее всего, бурят.

Нашлись два свидетеля, которые видели Рекса в самом начале расследуемой истории. Они утверждали, что кот сам побежал в сторону рощи в полукилометре от императорской резиденции. Причем бежал он не в дикой спешке или панике, а как обычно бегают кошки, когда просто хотят куда-то попасть побыстрее. Их показания были частично подтверждены записями с камер слежения. Частично — это потому, что кот все-таки мелкий и попал в самый край кадра.

Возможно, что-то сможет прояснить сам Рекс, но он пока пребывал по ту сторону портала. Кстати, Насте пришлось объяснить, где сейчас ее любимец. Разумеется, я сказал дочери правду — нельзя врать ребенку, если хочешь, чтобы из него вырос приличный человек. Но не всю правду, а только необходимую ее часть. Я объяснил, что поместил Рекса с Рыжиком в специальную зону остановленного времени, чтобы можно было без спешки подготовиться к операции. Потому как раны у Рыжика очень тяжелые, и малейшая спешка может привести к фатальным последствиям. Рекс же просто не способен оставить своего друга в такую минуту.

Но в два часа ночи допрос первой жертвы Рыжика дал результат, и очень важный. Допрашиваемый повел себя точно так, как зомбированные девицы несколько лет назад, то есть впал в кому. Однако старший Ли заявил, что психологический шок от выцарапывания глаз что-то сбил в механизме внушения, и этого, скорее всего, удастся спасти.

— Бадмаев, — резюмировала Татьяна. — Но труп — это не он и не его брат, тут нет сомнений. Будем работать дальше. Значит, этот экстрасенс теперь на побегушках у УСС...

— Или наоборот, — дополнил картину я.

ГЛАВА 28

Через десять дней мы открыли портал, и я в компании трех девушек и двух парней шагнул в особняк на Даниловской. В Москве было три часа ночи. Девушки тут же начали обзванивать круглосуточные ветклиники, а я подошел к Рыжику. И с чего агент шестерки взял, что он мертвый? Видно же, что дышит, только редко и неглубоко. Правда, видок у него...

Рыжик был в крови весь, от морды до кончика хвоста. Врачу нетрудно будет догадаться, что это не его кровь. А Никонов, как назло, сейчас в Федерации, у нас в Вольфшанце сидит какая-то ничего не решающая пешка. Ладно, в случае чего и сами прорвемся.

— Шеф, есть клиника, дорогая, с аппаратурой переливания крови. Там работает известный кошачий врач Ломов, он на дежурстве, но у них нет донорской крови.

— Сейчас будет, — кивнул я, взял за шкурку сидевшего с потерянным видом Рекса и шагнул обратно в Гатчину.

— Закрываем, — предложил я Гоше. Портал схлопнулся, и я, опустив Рекса на пол, продолжил: — Перерыв на четыре дня. У вашего величества, насколько я помню, завтра день рождения? На мероприятиях будет мой двойник, мне и без публичных пьянок дел хватает.

— Вот и замечательно, в случае чего твой поможет моему, у него это будет первый выход такого масштаба, — усмехнулся император. — Ладно, через четыре так через четыре, а пока держи в курсе. Не буду мешать. Ужинаешь в Зимнем?

— Если опять не приключится какого-нибудь безобразия, то да.

— Тогда до вечера.

Император вышел, а я сообщил с укором глядевшему на меня Рексу:

— Нечего тебе там делать. И мне, кстати, тоже, наше место здесь. Так что я пошел собирать доноров для Рыжика, а ты беги к Насте.

Дочь уже была проинструктирована, что именно ей надо выяснить, и в шесть вечера она зашла в мой кабинет. Очень серьезная, с парой каких-то бумажек.

— Господин государственный канцлер, — сказала она, — разрешите начать доклад?

— Сотрудники ДОМа зовут меня «шеф», — пояснил я, — и у нас не принято разводить официоз на рабочих встречах. Привыкай, раз уж начала помаленьку заниматься серьезными делами.

— Хорошо, шеф. Итак, Рекса подманили следующим образом...

В общем, Рекс испытывал некоторые душевные неудобства от недостатка общения. Ведь, если можно так сказать, телепатировать на передачу кроме него почти никто не мог! Разве что Настя, но понемногу и не всегда. И потом, она все-таки не кошка! То есть он чувствовал себя как нормальное существо в стране немых, большая часть которых к тому же еще и глухие. Поэтому, ощутив зов, показавшийся ему похожим на кошачий, он, не задумываясь, кинулся туда, откуда этот зов шел.

— Рексу очень стыдно, — закончила доклад Настя.

— Это хорошо, что у хвостатого есть совесть. А ты ему постарайся объяснить, что поступать по-дурацки для кота еще неприличней, чем для человека. Ладно, пусть приходит в себя, ему тоже досталось. Можешь сказать, что Рыжик жив, скоро его повезут в клинику.

Первого мая мы в узком кругу отмечали выход моего двойника на пенсию. Сами подумайте, человек проработал Найденовым почти шестнадцать лет! Смею заверить, такое по силам далеко не каждому. Эта должность, кроме недюжинных способностей, требует еще и определенного мужества, потому как желающие канцлеру сдохнуть не переводятся, несмотря на периодические санации.

Но все же потихоньку начинал сказываться возраст. На прошедших торжествах уже прошел шепоток, что Гатчинский коршун, глядите, как сдал-то! Хоть и старается скрыть, но видно, что постарел.

Ничего, как постарел, так и помолодеет обратно, у нас это делается быстро. Потому как наш маленький междусобойчик был посвящен не только уходу старого двойника, но и приходу нового, то есть его сына.

— Ну, Петя, за ваши грядущие успехи! — чокнулся я с ним фишмановкой. — И желаю вам столь же долгих и плодотворных лет работы, как у вашего отца.

В числе прочих направлений приглашенные из Федерации специалисты развивали у нас и пластическую хирургию. Так, Петр неделю назад вышел из клиники, где ему чуть-чуть подкорректировали внешность, хотя он и до того был весьма похож как на своего родителя, так и на меня. Теперь же сходство стало практически безукоризненным, разве что, присмотревшись, можно было заметить, что двойник вроде бы самую малость помоложе. Однако это как раз не страшно, со временем все исправится.

А утром второго числа мы с величием снова открыли портал на Даниловскую, и туда был заброшен контейнер с тринадцатью кошками, в основном из потомства Рыжика. Дело в том, что и у кошек есть группы

крови, но среди близких родственников они, как правило, совпадают. Через минуту из особняка выехали два автомобиля в сопровождении трех мотоциклов, и мы закрыли межмировую дырку. Вечером откроем микропортал, его можно держать долго, а пока — снова перерыв. Все-таки как удобно, когда можно работать спокойно, вдумчиво и без ажиотажа!

По ночной Москве наш кортеж домчался до клиники за двенадцать минут. Рыжика и коробки с донорами унесли в операционную, а Танина сотрудница, но не полевой агент, а психолог, подошла к девушке, зевающей в регистратуре, и они начали заполнять бумаги. Вскоре сотрудница встала, отошла чуть в сторону и быстро назвала несколько букв и цифр. Гоша вопросительно глянул на меня.

— Это для Татьяны, — пояснил я, — она нам, наверное, скоро скажет, что там такое.

Действительно вскоре Танечка сообщила:

— Шеф, девица-регистраторша из тех, которые в глубине души всю жизнь ждут принца. Ликтор Мухина считает, что смогла определить его потребные параметры. Соответствующий экземпляр уже бежит к вам.

— У нее там что, есть принцы на все случаи жизни? — удивился император.

— Насчет всех не знаю, но десятка полтора уже толпилось, когда я полчаса назад заходил.

Тут к нам влетел чуть запыхавшийся «принц». Мы с величием развернули микропортал в нормальный, и «августейшая особа» исчезла в коридоре особняка на Даниловской. На мотоцикле его доставят в ветклинику меньше чем за десять минут.

— Пауза, а то что-то есть захотелось, — предложил я. Мы закрыли микропортал, и я позвонил в столовую насчет ужина. А после него опять сидели около маленькой дырочки в тот мир и ждали вестей из операционной.

— Сегодня нам уже не дождаться, закрываем, — минут через сорок предложил я. — Мне вроде стало как-то тяжело держать, да и тебе тоже. Завтра вечером продолжим.

— Ладно, — потянулся император, — хотя, конечно, жаль отрываться от такого познавательного зрелища. Я имею в виду действия Танечкиного «принца». Как он эту девицу охмурял, просто класс. Приятно смотреть, когда люди что-то делают профессионально.

Еще два вечера подряд мы просидели около микропорталов, пока операция была закончена и вышедший доктор сказал, что Рыжик, скорее всего, выживет.

К тому времени стараниями «принца» мы уже имели подробный психологический портрет кошачьего врача, девица из регистратуры оказалась наблюдательным человеком.

Судя по ее описаниям, это был довольно своеобразный дядечка. Демократов он люто ненавидел, считая, что они смогли только разворовать и испоганить то немногое хорошее, что было в Советском Союзе. Но и к коммунистам относился не лучше, возлагая ответственность за развал Союза именно на них.

Специалистом он являлся уникальным, не раз вытаскивая своих хвостатых пациентов буквально с того света, но при этом, по мнению девицы, жадным был просто до неприличия. С некоторых клиентов он ухитрялся содрать астрономические по меркам ветлечебницы суммы. Но иногда вдруг ни с того ни с сего брался лечить какое-нибудь животное бесплатно. Никакой системы в этом регистраторша не видела. Просто доктор, взглянув на хозяина очередного пациента, по каким-то своим критериям принимал то или иное решение. Из-за чего уже не раз случались скандалы с руководством клиники, но Ломова терпели как уникального специалиста.

— Ну что же, — резюмировал я его величеству, — пожалуй, доктора действительно можно познакомить с хозяином Рыжика. Устраиваем недельный перерыв, мы с тобой отдохнем, Танечка проверит, все ли хорошо подготовлено, и в путь. Ни разу в жизни не видел ветеринара, пора ликвидировать этот досадный пробел в биографии.

Анатолий Владленович Ломов отдыхал после, как он вполне справедливо полагал, блестяще проведенной сложнейшей операции. И, хоть он и не до конца обнадежил тех, кто доставил к нему этого пациента, на самом деле доктор был уверен, что Рыжик выживет. Какой, однако, мощный котик! И совершенно явно кого-то загрыз, прежде чем его подстрелили. Интересно, кого? Эти только пообещали, что минут через пять прибудет хозяин животного и все объяснит.

Кстати, довольно странная компания. Ни один не нервничает, не растерян, резко отличаясь этим от обычных расстроенных болезнью своего любимца кошковладельцев. Такое впечатление, что это какое-то дисциплинированное подразделение. И привезенные вместе с раненым кошки-доноры... Их же не ловили срочно, они были собраны заранее! Вероятнее всего, еще до того, как подстрелили кота, ведь он был доставлен в клинику максимум через двадцать минут после ранения. Какая-то государственная служба? Возможно. И пусть только попробуют сказать, что операция не стоила сорока пяти тысяч! Впрочем, окончательное решение о

сумме будет принято после беседы с настоящим владельцем Рыжика.

Тут в приемную и зашел этот человек. Доктор внимательно посмотрел на него. Да, эти, которые привезли Рыжика, действительно не группа знакомых, а подразделение. Вон как подтянулись при входе начальника! А в том, что это начальник, и немалый, никаких сомнений не было. Вот только...

Доктор смотрел на гостя и недоумевал. Его интуиция совершенно однозначно говорила: нельзя брать ни копейки! Но почему? Ведь абсолютно же явный олигарх, если не чиновник высшего звена!

Но Анатолий Владленович всегда поступал так, как ему подсказывало сердце. Поэтому сейчас он повернулся к медсестре Нине:

— Выпишите им счет по самому минимуму, который только возможен при ночном визите.

— Но почему?

— Потому что я так сказал! Вам мало? — И, обернувшись к хозяину Рыжика, доктор ему пояснил: — Я ничего с вас не возьму.

— С чего это вдруг? — с еле уловимым любопытством спросил тот.

— Не знаю, — честно ответил доктор.

За неделю я обдумал пришедшую мне еще в самом начале этой истории мысль — то есть насчет приглашения к нам пары или тройки специалистов-ветеринаров, причем как минимум одного кошачье-собачьей специализации. Потому что раз Бадмаев или кто-то там вместо него приложил такие усилия для уворования Рекса, то, выходит, наш кошка представляет для кого-то немалую ценность. Если бы целью операции было разозлить меня и потом перевести стрелки на Пакса, то хвостатого можно было просто убить. Но его пытались именно похитить, и это значит, что способности Рекса показались кому-то очень ценными. А я что, дурнее этого не пойми кого, даже если он и не Бадмаев? Мне они тоже пригодятся! Вот только выясню, зачем именно, и сразу начну применять.

Так что перед походом в ветлечебницу я уже рассматривал доктора Ломова как кандидатуру на приглашение к нам.

Портал был открыт в подъезде ветлечебницы, и я прошел в приемную. Ага, вот он, доктор Ломов. Действительно интересный мужик. Разумеется, я его уже видел, но монитор не мог передать ауру уверенности, исходящую от него. Да, очень неординарный человек, нам повезет, если он согласится сменить место работы и жительства.

Доктор тем временем заявил мне:

— Я ничего с вас не возьму.

— С чего это вдруг? — хмыкнул я.

— Не знаю, — замялся Ломов. — Мне почему-то кажется, что у вас нет лишних денег.

Вот те раз, мысленно присвистнул я. В чем меня только не обвиняли! Но чтобы в бедности — это явно первый раз. Хотя...

Доктор же не говорит, что у меня вообще нет денег. Он утверждает, что нет лишних, а ведь это действительно правда! Даже время от времени не хватает на что-нибудь полезное, приходится просить у величеств, причем без отдачи.

Анатолий Владленович тем временем продолжил:

— Сам не понимаю, отчего я так решил, но почему-то уверен — вам деньги нужнее, чем мне.

— Хм, возможно, но вы ведь хотели услышать подробности о ранении Рыжика? Да и вообще...

Я показал глазами на регистраторшу.

— Да, пройдемте в мой кабинет, — встал доктор. Кабинет оказался маленьким закутком, скорее всего, просто переделанным из туалета или душевой.

— Присаживайтесь, — показал мне на стул Ломов.

— Благодарю. Итак, врать я вам не собираюсь. Но могу рассказать лишь минимально необходимую часть правды, а могу всю. Однако в этом случае спокойное течение вашей жизни, весьма вероятно, будет нарушено, и я не берусь однозначно обещать, что это вам наверняка понравится. Хотя и не исключаю такой возможности.

— Разумеется, я выбираю второе.

— Отлично. Итак, Рыжик участвовал в задержании опасных диверсантов. Одного он вынужден был убить, второго взял живым. Но и сам при этом получил тяжелые ранения. Доставившие — это его коллеги. Им тоже приходилось ходить под пули, и они знают, что империя никогда не бросает своих солдат, неважно, коты это или люди.

— Империя?..

— Да, Российская империя. Не надо смотреть на меня такими странными глазами, лучше гляньте себе за спину.

Там только что был открыт портал в мой гатчинский кабинет. Из межмировой дырки ощутимо дуло.

— Вот она, — показал я на портал. — Как говорят умные люди, лучше один раз увидеть, чем сто — услышать. Пойдемте, я вам ее покажу, это не займет много времени. А то чего тут на сквозняке сидеть?

— Вот такие дела, — закончил я свой очередной доклад императору одним теплым майским вечером. — Собственно, в деле осталось только два

вопроса. Первый — все же кому конкретно понадобился Рекс и зачем? Над этим работают, в том числе и я. И второй — восстановится ли у Рыжика подвижность задних лап? Все-таки вторая пуля основательно задела позвоночник. Но Ломов уже отметил, что наш котяра выздоравливает удивительно быстро, так что есть надежда на благополучный исход.

— Насколько я понял, ты собираешься сам поосновательнее изучить паранормальные способности Рекса, — констатировал Гоша.

— Я тебе что, Билл Гейтс, все делать самому? Разумеется, участие я приму, особенно поначалу, но тут главное — найти подходящих специалистов и обеспечить им условия для работы. Впрочем, как и везде.

— Тем более что у тебя уже есть какая-то шаманская лаборатория на Гавайях.

— Вот именно. И, пожалуй, в ближайшее время мне придется туда слетать, на остров Ниичаво. Там вроде бы уже получили какие-то пригодные для демонстрации результаты.

Только оформляй это как командировку, — предупредил император. — А то меня опять совесть начнет мучить, что я вместо отпуска на Канарах загнал канцлера куда-то аж на Гавайские острова.

ГЛАВА 29

А жизнь тем временем шла своим чередом, независимо от всяких шпионских страстей с украденными котами. В частности, ближе к концу мая мне пришлось взять на себя решение вопроса — где начинается космос?

Вообще-то данный вопрос аналогичен многим другим. Например, что такое много? Филологи, вот ей-ей, на полном серьезе считают — это все, что больше двух. Не верите? Ну так смотрите сами. Точка у них так и называется точкой, она одна. Две точки — это двоеточие. А вот когда я как-то раз употребил в одной статье слово «троеточие», меня поправили. Мол, по правилам русского языка это называется многоточием. Охренеть, да что же это, у наших гуманитариев сразу после двух начинаются трудности с устным счетом, и они во избежание путаницы непринужденно переходят на «много»? Я, конечно, тут же приказал создать комиссию для проверки уровня преподавания математики на филологических факультетах, но саму проблему запомнил. Она заключалась в том, что всякие неопределенные понятия надо было постулировать. Причем некоторые — административно. И проблема с космосом относилась именно к таким.

Дело в том, что недавно на Канарах появился второй магнитоплан, по сути летающий танкер, а первый был наконец-то дооборудован для полетов за пределами атмосферы. И вот вчера удалось с двумя дозаправками подняться на сто восемьдесят километров. С одной стороны, Гагарин именно так и летал, и из этих соображений вроде бы следовало устраивать в испытаниях перерыв, поднимать шум на весь мир и засыпать экипаж наградами по самую маковку и выше. С другой, это был обычный полет по программе, вскоре предполагался подъем на триста пятьдесят километров, а вообще-то этот тандем был предназначен для набора пятисот. Там можно будет включать термоэмиссионные ядерные реакторы и лезть дальше, вплоть до суточной орбиты, но это уже следующий этап.

Чуть подумав, я принял следующее решение. Космосом считается все, что выше пятисот километров. Но кроме того, любой орбитальный полет признается космическим, если в процессе него был сделан хотя бы один полный виток. Таким образом, империя не ставит под сомнение полет Гагарина, но и наши магнитопланики могут спокойно работать дальше, не отвлекаясь на торжественные визиты в Питер для получения кучи всяких орденов и внеочередных званий.

Кстати, недавно закончившаяся кошачья история привела к тому, что за наш месяц в Федерации прошло восемь дней, ведь мы с Гошей подолгу держали микропорталы. И нам уже успели переправить один «Топаз», то есть космический ядерный генератор, с десятком специалистов для его обслуживания. Для получения следующего требовалось, по словам наших партнеров, шестнадцать-семнадцать суток их времени. А третий магнитоплан, постройка которого уже закончилась и начались наземные испытания, как раз и был предназначен для установки на нем двух таких реакторов.

Коллектив «Зари» тоже добился определенных успехов. Новая большая установка была смонтирована и отлажена, после чего мы провели пять пробных забросов в пустынный уголок Тихого океана южнее Гавайских островов. Бросали пока просто железные бочки с передатчиками. Две попали в наш мир, причем довольно точно в смысле координат, отклонение составило пятнадцать и тридцать пять метров. Одна угодила в двадцать первый век, и наши люди смогли принять ее радиосигнал, прежде чем она утонула. А две исчезли бесследно. В общем, чего-то такого мы и ожидали, так что эксперимент был признан успешным, и теперь можно было переходить к разработке вытекающих из него возможностей. Первое из мирных применений эффекта Арутюняна, чем мы собирались заняться — это дозаправка магнитопланов в полете. Зачем поднимать танкер своим ходом, когда на высоту его можно телепортировать! Не такой танкер, как сейчас, понятное дело, а небольшой беспилотный. Правда, пока он у нас был только на бумаге, да и грузоподъемность передающей камеры для подобной цели лучше увеличить раз в пять. И все равно придется мириться с тем, что до точки финиша долетит только треть отправленных аппаратов. Хотя те, что попадут в двадцать первый век, можно будет или вернуть к нам, или просто там и продать, Федерация от них вряд ли откажется.

Следует отметить, бывший Сергей Гайкович, а ныне Яков Рудольфович, пытался теоретически разобраться — а возможна ли наводка телепортации не из точки передачи, а в месте приема? Но пока результат, как он осторожно выразился, получался неоднозначным и со слишком некорректными допущениями.

Я же в связи со всеми этими событиями вынужден был давить в себе черную зависть. Оставался бы простым инженером Найденовым, так давно бы уже слетал в тот самый космос, который по указанию канцлера Найденова им еще не является! Как Рябушинский, который из двух десятков вылетов своего магнитоплана пропустил только три первых, а

потом стал бессменным бортинженером. Когда я попытался ему намекнуть, что такое поведение не совсем соответствует статусу главного конструктора, то получил в ответ, что идея магнитоплана вообще-то принадлежит не ему, Дмитрию Павловичу Рябушинскому, а некоему инженеру Найденову. И проектировал магнитоплан не один человек, а большой коллектив. Специалист же по сверхпроводящим магнитным двигателям на борту совершенно необходим, причем специалист высокого класса, молодой и здоровый.

Так что Рябушинский продолжал летать, а я — исходить завистью на земле. Ну нельзя канцлеру пускаться в такие авантюры, вот ведь до чего собачья должность. Но ничего, когда построим орбитальную станцию, вот туда-то уж я точно поднимусь — с целью инспекции передовых рубежей обороны Российской империи, например.

Никонов наконец вернулся и привез нам ответ руководства Федерации на наши предложения по их Курилам. Если перевести этот ответ с дипломатического языка на русский, то он звучал примерно так: «Интересно, конечно, но мы-то что с этого будем иметь?» То есть предстоял длительный торг, и я даже помаленьку начинал жалеть, что Немнихер является гражданином Израиля и никак к этому торгу допущен быть не может. Так что придется самому.

Первый шаг мы уже сделали дней десять назад по их времени, когда отправили одну молодую пару проводить медовый месяц на Гавайях двадцать первого века. На недоуменный вопрос Никонова «почему», я ответил в том духе, что это очень хорошие люди, а нам для таких ничего не жалко. Кстати, фээсбэшники должны быть мне благодарны — без нас хрен бы их кто отправил в такое место аж на две недели! А следить за нашей парой никакого труда не составляло. Приемник они получили уже в гостиничном номере через портал, там же приняли на него сигнал с нашей телепортированной бочки, после чего вернули приемник в Гатчину и вот уже почти неделю загорали на пляже. Пока специалисты Федерации пытались найти ответ на вопрос, чем же таким эдаким молодые люди все же занимаются на самом деле.

Первого июня прилетевший с «Зари» Нейман позвонил мне и сказал, что хочет встретиться, причем желательно у меня в кабинете. Это означало, что у него есть такие сведения, которые ни в каких отчетах еще не зафиксированы и где попало озвучены быть не могут. Я был не очень занят и пригласил его зайти прямо сейчас.

— Здравствуйте, Георгий Андреевич, — сказал он, входя, — и дайте мне, пожалуйста, листок бумаги и ручку.

Получив просимое, он быстро написал несколько цифровых групп и протянул бумагу мне.

— Здесь отмечено время открытия вами с его величеством порталов за последние восемь дней. Первые четыре цифры каждой группы — дата, потом идет время начала и конца, и так для каждого акта. Всего за этот период вы открывали порталы шесть раз. Насколько точны мои наблюдения?

— С точностью до минут наверняка, — хмыкнул я, глянув на листок, — а точнее и мы с императором их не записывали. То есть вы, Яков Рудольфович, все-таки сделали регистратор?

— Да, сделал, причем довольно давно. В одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, если быть точным. В качестве него используется та самая установка.

Надо сказать, что Нейман был одним из немногих в империи и единственным на «Заре», кто обладал полными сведениями о том, как именно открываются порталы в двадцать первый век. Капица, Френкель и Кобзев знали только свойства этих порталов, а о способе открытия могли лишь догадываться.

— Так вот, — продолжил свои объяснения Нейман, — можно считать доказанным, что и ваши порталы, и мое нетрадиционное туннелирование имеют одну природу. Потому как в каждый момент времени может происходить только что-нибудь одно. И если открыт портал, то телепортация невозможна. Думаю, и наоборот запрет тоже работает, но это чисто теоретически. Ведь каждый этап телепортации длится всего один квант времени, а потом запрет на создание вашего портала исчезает.

— Очень интересно, — потер руки я, — а как, по-вашему, портал блокирует эффект Арутюняна в обоих мирах?

— Теоретически да, но я, собственно, за этим к вам и пришел. Теория — замечательная вещь, особенно когда подтверждается записями в журнале экспериментов. Причем меня лично очень интересует один вопрос. Что будет, если вы откроете свой портал после того, как перебрасываемый объект исчезнет из точки старта, но до того, как он появится в месте финиша?

— А не... того?

— Вроде не должно, — рассмеялся Яков Рудольфович. По рассказам Саши, он вспоминал этот анекдот перед каждым новым экспериментом еще в том мире.

Этим вечером я ужинал в Зимнем. Так и тянуло начать делиться новостями и мыслями сразу, но я мужественно съел яичницу с ветчиной и

только тогда рассказал Гоше о своей встрече с Нейманом.

— Интересно, — отставил кружку с чаем император. — По-моему, это повод привлечь к порталным делам и наших детей, они уже достаточно взрослые, как мне кажется.

— Вот именно, — кивнул я.

Года три назад, играя в императора и канцлера, Владимир с Настей чуть не открыли портал. Просто они не знали, что это такое, куда именно его открывать, но мы с величием почувствовали то же самое, что перед каждым нашим открытием. То есть его возможность. После этого детей не оставляли наедине, все же они тогда еще были маленькие. А сейчас повзрослели, Насте десять, а Володе двенадцать. Во всяком случае степень лежащей на них ответственности они уже понимают.

— Чтобы не тянуть, — предложил я, — завтра днем приезжай с сыном в Гатчину, и попробуем.

Через три дня мы подвели итоги. Детям была организована экскурсия в двадцать первый век, и теперь порталоткрывателей в Российской империи стало четверо. Причем открыть его могла любая пара, то есть не только дети вместе, но и любой из них с любым из нас. Правда, они пока могли только на Даниловскую, но в настоящее время ничего другого и не надо.

Со скоростью течения времени теперь происходило вот что. Оно стояло в том мире, где не было никого из нас четверых. Когда же в каком-то мире был кто-то один, то оно там текло, но в два раза медленнее, чем в месте, где оставались трое. При разделении нас пополам время в мирах текло одинаково. Если лица, открывшие портал, оказывались в разных мирах, то они могли поддерживать между собой телепатическую связь. Правда, в случае двойной разницы во времени возникали определенные неудобства, но понять друг друга все же было можно. А вот у прошедших пассажирами этого бонуса не имелось.

Детей пока не посвятили в тонкости типа дистанционного открытия, но показали, как открывать и держать микропортал. С первого раза у них получилось поддерживать его только полчаса, но это дело наживное, со временем станет лучше.

— Однако при твоём походе в ветлечебницу никаких фокусов с половинной скоростью времени не было, — заметил мне император.

— Правильно, их и позже не случилось, когда мы с Настей и Володей прошли на Даниловскую, а ты остался тут, — напомнил я. — Начались они после того, как дети открыли свой первый портал.

— Значит, со временем в эту команду добавятся еще и твой Андрей с

моим Константином.

— Думаю, да. Интересно, как тогда будут соотноситься времена и количества способных открыть портал в каждом мире? Впрочем, важнее то, что постулат Неймана действует и в этих условиях. В каждый момент времени может быть открыт только один портал.

Через неделю на «Заре» мы проделали и тот эксперимент, о котором говорил Нейман. За это время были изготовлены специальные капешки, то есть кубики с одной прозрачной гранью, но на сей раз рассчитанные на пребывание в вакууме. И вот малая установка начала забросы.

Первый: открываем портал — за стеклом кубика то ода, то небо, то есть кубик попал в океан двадцать первого века. Второй — то же самое. В третьем нам ничего не удалось открыть, что означало — этот кубик попал в наш мир. Наконец очередной портал открылся в какую-то черноту. Вскоре зрение адаптировалось, и я увидел звезды.

— Космос! — восхищенно выдохнул Гоша.

— Он самый. Запоминаем, закрываем и идем обедать, пока тут приготовят большую установку. Кстати, скорее всего, там где-то неподалеку уже болтаются две бочки с передатчиками, несколько мух, три кирпича и уж не помню, чего еще мы теряли в процессе перебросов. Совсем рядом, по расчетам, в радиусе ста миллионов километров.

Мы с величием сходили в столовую, после чего снова вернулись к установкам.

— Номер третий готов, — доложил нам Саша Кобзев.

— Тогда швыряйте первый контейнер.

Сразу после его исчезновения из передающей камеры мы открыли портал в космос.

— Есть время, — вскоре сообщил нам лаборант, и мы закрыли портал.

Такая операция была повторена еще четыре раза. Единственное, что можно было сказать сразу, — ни один из контейнеров не финишировал в нашем мире, это нам сообщили с узла связи. После чего мы погрузились в «Пчелку» и вскоре были в Гатчине, откуда открыли микропортал на Гавайи.

— Есть первый! — услышали мы доклад через пять минут. Потом еще через десять:

— Есть второй!

В общем, все пять передатчиков оказались в Тихом океане двадцать первого века. Причем на этот раз я передал Никонову их частоты и примерно сообщил время, так что данный заброс при желании смогут зафиксировать и фээсбэшники.

— Вот такие дела, — резюмировал император. — Ей-богу, мне даже как-то жаль наших потусторонних партнеров. Ты же с них за допуск к установке, про которую будет сказано, что она из нашего мира может перебросить полтонны в любую точку их Земли, снимешь последние штаны!

— Штанов у меня и своих достаточно, — возразил я. — А вот Курилы — совсем другое дело. Правда, один комплект у нас уже есть, но второй тоже лишним совершенно не будет.

Теперь можно было спокойно показывать гостям из Федерации эффект Арутюняна. В несколько, так сказать, урезанном виде, то есть когда все заброшенное от нас будет попадать к ним. Разумеется, они могут попробовать повторить это и у себя. На здоровье, пусть пробуют! Вполне может и получиться, но на это уйдет бесконечное количество времени. Ведь оно у них движется только тогда, когда открыт портал или кто-то из нас или наших детей гостит у них. Ну так мы возьмем и перестанем ходить в гости, тем более что императору с канцлером такое как-то и не очень подходит. А при открытом портале весь эффект Арутюняна сведется к красивому свечению из иллюминатора вакуумной камеры.

ГЛАВА 30

Вечером мне пришлось разъяснить величеству некоторые тонкости того, в чем мы с ним участвовали днем. Ну и сам их попутно получше понял, это, так сказать, побочный бонус любой педагогической деятельности.

— Правильно ли я понимаю, что сегодня произошло в какой-то мере эпохальное событие? — начал Гоша. — Мы впервые открыли портал не в двадцать первый век, а в какой-то третий мир.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Но тогда скажи мне, почему открытый портал в двадцать первый век не помешал появлению там наших контейнеров?

— Потому что переброс происходит так. Первый квант времени — старт в исходном мире. Он разрешен, когда этот мир не связан порталом ни с каким другим. При этом точка финиша уже определена, и ему ничего помешать не может, потому что он произойдет в следующий квант. Это все по времени объекта, а для нас пройдет минут пять, как в случае с контейнерами. Следующий квант — тот самый финиш в некоем промежуточном мире. Потом еще один — старт из промежуточной точки. Если ни в одном из трех миров при этом нет открытых порталов, то финиш равновероятен в любом из них. Но когда два из трех связаны порталом, финиш произойдет в том мире, где портала в момент старта нет. А то, что по нашему времени он там уже будет, это просто тонкости, связанные с тем, что скорости течения времени в разных системах отсчета различаются в бесконечное число раз. То есть мы ухитряемся прожить несколько минут между двумя квантами времени объекта. Можем и несколько лет, это уже зависит от многих факторов.

— Так тот космос, что мы видели из кубика, — это не мир промежуточного финиша, а какой-то другой?

— Нейман считает, что да. Промежуточный мир у него вообще получается очень хитрый, с отрицательной вариантно́стью пространства и прочими мозгосворотными свойствами. А практический вывод из всей его теории очень прост. Если мы соединим два мира порталами после того, как объект исчез из передающей камеры, но до того, как он по нашему времени появится в промежуточной точке, то финиш однозначно будет в третьем мире, неважно, откроем мы там портал или нет. Это первое, а второе я уже озвучивал. Пока два мира соединены порталом, старт телепортации

невозможен ни в одном из них. Именно старт, а не финиш.

— Действительно, следствия весьма простые. А что Яков Рудольфович говорил об одинаковой природе наших открытий и его телепортации? Вроде бы внешне это совершенно разные вещи.

— Слон, например, если на него сначала посмотреть сзади, а потом спереди, тоже покажется разными вещами. Нейман считает, что наш портал можно представить себе в виде большого числа непрерывных телепортации. Правда, только при допущении, что переносимая масса в каждый квант времени есть мнимая величина.

— Объяснить можешь? — хмыкнул Гоша.

— Могу, но объяснение лучше отложить до того момента, когда я сам это хоть чуть-чуть пойму. В общем, нам хватит того, что пока теоретические изыскания Якова Рудольфовича на эту тему не имеют практических приложений. Тем более что у Френкеля есть своя теория, но она еще заумней.

Никонов получил сведения от агентов Федерации на Гавайях через неделю по нашему времени. И сразу набился ко мне на прием.

— Насколько я понял, — начал он, — вы открывали портал в Тихий океан и зачем-то сделали это так, что мы смогли зафиксировать там появление ваших передатчиков. Зачем?

— Вы задали сразу два вопроса, — усмехнулся я, — поэтому сначала слушайте ответ на первый. Нет, вы поняли ситуацию неправильно. Не было там никаких порталов, а была мгновенная телепортация объекта из нашего мира в ваш, повторенная пять раз. Это совершенно другой процесс, хотя и с похожим результатом. Главная же разница состоит в том, что, в отличие от портала, телепортация описывается известной в вашем мире квантовой физикой. Установка для нее тоже не содержит ничего невозпроизводимого на вашем уровне технического развития.

Я открыл бутылку пива, предложил другую Никонову и после его отказа продолжил:

— А вот теперь можно и перейти ко второму вопросу, который вы озвучили как «зачем». Затем, что мне очень любопытно — чего не пожалеет Федерация за аренду такой установки в нашем мире? То есть за возможность в любой момент времени отправить в любую точку Земли двадцать первого века контейнер объемом до кубометра и весом до полутонны. Причем скорострельность этой установки будет лимитироваться только подачей боеприпасов от вас к нам. За отдельную плату мы можем рассмотреть вопрос и нашей технической помощи по созданию такой установки у вас. Для увеличения грузопотока между

нашими странами, например.

Если до этой фразы мой собеседник слушал меня с растущим прямо на глазах энтузиазмом, то тут он приуныл.

— Значит, у вас есть возможность в любой момент заблокировать ваш мир от переброса объектов из нашего, — покачал головой он.

— Разумеется, мы же не совсем дураки, чтобы предлагать возможное оружие против самих себя, не имея действенных методов защиты от него. Мы их имеем, и весьма эффективные. Но ваши вероятные противники в том мире — нет! И в ближайшее время ничего подобного у них не будет, так что думайте.

Думал Никонов минуты три, после чего предложил:

— Георгий Андреевич, а не вернуться ли нам к вопросу о Курилах? В свете, так сказать, только что открывшихся обстоятельств.

— Давайте, — согласился я. — И начнем рассмотрение проблемы так, как это положено по теории изобретательства, то есть с максимального ожидаемого результата. Для вас это будет неограниченный доступ к установке и наше невмешательство в выбор целей, так я понимаю?

Никонов кивнул.

— Это можно, но с двумя граничными условиями. Первое — не бомбить наши объекты в вашем мире. Второе — если в результате применения вами установки мы понесем финансовые потери, например, из-за паники на биржах, то вы их нам возместите. Впрочем, если вы будете заранее ставить нас в известность о своих планах, то этого не потребует. Более того, финансовый департамент ее величества готов рассмотреть вопрос о величине выплачиваемого вам процента. Устраивает?

— Меня — да, и, надеюсь, руководство встанет на те же позиции.

— Вот и ладушки. Теперь прикинем, что в идеале нужно нам. Это независимое государство, признанное как минимум двумя достаточно авторитетными державами вашего мира. Конечно, хотелось бы, чтобы это было чисто наше государство, но надо смотреть на вещи реально. Безучастия Японии подобное может привести только к серии никому не нужных конфликтов. Итак, Курильское королевство будет федерацией трех, скажем так, зон. Зона японской короны. Зона русской короны, которая по сути будет филиалом Российской империи в вашем мире, и федеративные земли, находящиеся под совместным управлением королевской четы. Сможет ваше правительство договориться с Японией по этому вопросу?

— Думаю, да. А вы хотите посадить на курильский трон кого-то из ваших Романовых?

— Петр Сергеевич, — вздохнул я, — ну что вы иногда какие-то

странные вопросы задаете, вот ей-богу. При чем тут Романовы? Те, кому образование такого королевства невыгодно, все равно их не признают, устройте вы хоть десять самых что ни на есть объективных генетических экспертиз подряд. А те, кому выгодно, признают в нашем кандидате Рюриковича даже в том случае, если это окажется пигмеем из Конго. Так что кандидат от нас будет подобран исключительно по профессиональным признакам, а уж соответствующую родословную мы ему напишем потом, в рабочем порядке. Кстати, здесь не помешает и ваша посильная помощь. То есть соответствующих служб Российской Федерации, а не лично ваша, я имею в виду.

Июль еще только начинался, а Петр Сергеевич уже привез нам ответ на наши инициативы. На всё, в том числе на предварительное зондирование почвы в соответствующих кругах японских дипломатов, Федерации хватило полутора дней. Ответ был в общем положительный, и единственное, что интересовало наших партнеров, так это как мы представляем себе контроль за сданной в аренду установкой.

— А никак, — объяснил я. — Зачем нам ее контролировать? Делайте с ней что хотите! Просто в случае нарушения наших договоренностей мы оставляем за собой полную свободу действий, вот и все.

Никонов, видимо, представил себе, во что может вылиться эта свобода, ибо по объемам и номенклатуре поставляемого из РФ в наш Радиевый институт вполне можно было сделать вывод, что ядерная бомба у нас или уже есть, или вот-вот появится. Поэтому Петр Сергеевич обратил мое внимание на то, что в любом деле всегда присутствует вероятность ошибки, произошедшей вне всякого злого умысла.

— Чтобы эту самую вероятность уменьшить до приемлемого уровня, нанимайте наших консультантов, — посоветовал я. — Они вас предостерегут в случае чего. Но их оклады, естественно, должны соответствовать имперским стандартам и выплачиваться по нашему календарю.

Никонов быстро подсчитал в уме и присвистнул:

— По шестьдесят миллионов рублей в месяц каждому! И вы ведь говорили об этих экспертах во множественном числе. Сколько же их надо?

— Чтобы практически исключить возможность ошибки, нужно не меньше трех. Я бы на вашем месте нанял пятерых, но тут уж решайте сами.

Петр Сергеевич сделал пометку в своем блокноте и перешел к другой стороне обсуждаемого вопроса.

— Вы же предлагали свою... э-э-э... знатную девушку женить... то

есть выдать замуж за японского принца? Увы, не получится. С принцами у них сейчас очень плохо. Собственно говоря, настоящий есть всего один, но он им и самим нужен, не отдадут. А вот принцесс вполне достаточно, я думаю, они пойдут даже на предоставление нескольких кандидатур, с тем, чтобы окончательный выбор сделала российская сторона.

Я не стал уточнять, какая именно из российских сторон будет делать этот выбор, Никонов и так все понимает, а просто кивнул:

— Принцесса так принцесса, нас и это устроит. Действительно, два «принца» из ДОМа уже третий месяц стажировались в Японии на предмет вникания в тамошние особенности жизни.

Никонов взял кружку с напитком, который он по опыту прошлых визитов принял за кофе, отхлебнул и с некоторым удивлением посмотрел на меня.

— Простите, но что это? — осторожно спросил он.

— Это примета прогресса. Он ведь не стоит на месте, и недавно Ярославский завод «Деликатес» порадовал нас очередной новинкой — ячменно-желудевым кофе с цикорием. Называется «бодрость». Причем освоен выпуск как растворимого, так и в зернах, и сразу двух сортов: «бодрость-мокко» и «бодрость-арабика». Сегодня нам принесли мокко. Кстати, бутерброды на желтом блюде тоже из их колбасы «краковская-экстра», ее можно есть хоть по средам, хоть по пятницам, хоть вообще в Великий пост.

Такое разнообразие моего меню объяснялось тем, что сегодня была именно среда.

В конце встречи Петр Сергеевич спросил:

— Ваши планы не изменились и следующий портал в Федерацию будет через двенадцать дней?

Я подтвердил, что это правда.

— Тогда я, с вашего позволения, позволю себе недельный отпуск в империи. Я прочитал, что по Черному морю плавает круизный лайнер «Титаник», и посмотрел его фотографии. Неужели тот самый?

— Разумеется, а вы что думали — подделка? Нет, «Титаник» самый настоящий. Кстати, у меня осталось две неиспользованных бесплатных путевки на ближайший рейс, так что давайте-ка я вас награжу за большие успехи в деле укрепления дружбы между нашими странами. Правда, бесплатные бывают максимум первого класса, но вы можете доплатить и плыть в люксе.

— Вообще-то я собираюсь отправиться в круиз не один, — чуть смутился Никонов.

— Со Светланой Ильиничной? Так ей, при ее-то выслуге и наградах, тоже вне всякого сомнения положена путевка. И, значит, вы можете ничего не доплачивать, а просто обменять два первых класса на один люкс.

— Спасибо. Кстати, раз уж у нас зашел такой разговор, не будет ли с моей стороны наглостью просьба рассказать о званиях в ДОМе?

Так как про это уже знали все наши прошлые и будущие противники, не считая друзей, то я не счел нужным скрывать:

— Рядовые — стажер, старший стажер. Унтер-офицеры — легионер, старший легионер. Обер-офицеры — младший ликтор, ликтор, старший ликтор. Штаб-офицеры — младший прокуратор, прокуратор, старший прокуратор. Генералы — проконсул, консул. Маршальское звание всего одно — директор. К слову, Светлана Ильинична недавно получила очередное звание, то есть стала прокуратором. Можете ее поздравить.

Круизный лайнер «Титаник», вечером десятого июля вышедший из Одессы, имел на борту среди прочих и троих пассажиров, которым бесплатные путевки на этот рейс вручал лично канцлер. Во-первых, это были Никонов с прокуратором Светланой Ильиничной Рощиной. Но кроме них имелся еще и третий.

Виктор Иванович Кисин стоял на палубе «А» и смотрел на приближающийся порт Батум. Шел четвертый день его отпуска, и Кисин наслаждался отдыхом. Все организационные хлопоты позади, и скоро Императорский университет дружбы народов имени Симона Боливара примет своих первых студентов. Ну а пока в знак признания своих заслуг заведующий кафедрой социальной философии, а по сути марксизма, получил бесплатную путевку на черноморский круиз.

До этого момента Виктор Иванович всего раз побывал на морском корабле. Давно, еще в детстве, они всей семьей проплыли от Одессы до Сочи на дизель-электроходе «Россия». И хотя тогда маленькому Вите все вокруг казалось немыслимой роскошью, сейчас Виктор Иванович сознавал, насколько это относительное понятие. Никакого сравнения с «Титаником» «Россия» не выдерживала. Правда, они тогда плыли вторым классом, но на второй день пути Кисин не поленился спуститься на палубу «Е». Как и ожидалось, второй класс «Титаника» существенно превосходил таковой у «России». А как тут обслуживают! Причем даже в ресторане на третьей палубе «С», где кормят льготников. И ведь не каких-то бесящихся с жиру толстосумов, почти половина отдыхающих тоже оказались здесь по бесплатным или льготным путевкам. Впрочем, Кисин вполне мог позволить себе питаться и на палубе «А», потому что кроме путевки ему была вручена и премия.

Сегодня он собирался как раз в тот ресторан. Еще позапрошлым вечером Кисин познакомился с довольно интересной дамой, вдовой какого-то одесского судовладельца. Немалую роль в этом сыграл и последний разговор с канцлером, когда Найденов сказал:

— Холостой завкафедрой — это еще куда ни шло, но холостой декан будет смотреться уже совсем неприлично. Вы же не собираетесь останавливаться на достигнутом?

Виктор Иванович действительно не собирался. Причем у него имелись планы не только административного, но и научного роста. Ведь в этом мире Ленин не внес в марксизм того огромного вклада, который имел место в покинутой Виктором Ивановичем реальности. Но это не значит, что тот самый вклад не внесет вообще никто! Да, марксизма-ленинизма в этой России не будет. Но почему бы тогда не возникнуть марксизму-кисинизму?

ГЛАВА 31

Одним прекрасным утром, просматривая подготовленные референтом бумаги с новостями, я обнаружил среди них довольно интересную. В ней сообщалось, что известный российский писатель граф Алексей Николаевич Толстой, судя по всему, задумал создать масштабную эпопею. Во исполнение чего он проштудировал сначала биографию императора, потом все, что смог найти про канцлера, и сейчас пытается установить знакомства с теми, кто знал этих двоих с начала века. В частности, с летчиками первых двух выпусков.

Поначалу я отнесся к этой новости без особого интереса. Подумаешь, к пяти моим официально опубликованным и чуть ли не во всем противоречащим друг другу биографиям добавится шестая. Причем, скорее всего, аналогичная по степени приближения к истине. Правда, у императора, в отличие от его канцлера, официально одобренное жизнеописание имелось всего одно, но Гоша, будучи человеком уравновешенным, не воспринимал это как дискриминацию. Так что пусть Алексей Николаевич пишет помаленьку, до того же Достоевского в смысле скорости создания текстов ему далеко. Лет пять точно уйдет, если не все десять или даже больше. Ведь «Хождение по мукам» он создавал аж девятнадцать лет, и вряд ли ему придет в голову укладывать эпопею про нас с Гошей меньше чем в три тома. Раз уж у нас нет и не предвидится гражданской войны, то про что же ему еще эпопейничать-то? Если вдруг возникнет такая потребность.

Но тут мои мысли приняли несколько иное направление. Ведь своего «Петра» в той истории он хоть и начал писать позже, но материалы-то собирал задолго до начала непосредственной работы. И даже писал что-то вроде набросков, один из которых стал рассказом. И все равно ему хватило времени только на один том, а ведь собирался довести своих героев как минимум до Прута! Я вспомнил, как мне было жалко в детстве, когда «Петр» кончился чуть ли не на полуслове, хотя про его последующие дела можно было написать еще как минимум две книги такого же объема...

То есть хрен вам, дорогой Алексей Николаевич, а вовсе не материалы к эпохальному роману о Георгии Первом и его верном спутнике Найденове. Я, как канцлер, не допущу, чтобы русский народ вместо полнообъемного «Петра Первого» получил какую-то очередную конъюнктурщину про нас с Гошей. Надо будет — и получше вас найдется кому такое написать. И за

куда меньшие деньги, кстати.

Я уже хотел было распорядиться отправить ему приглашение, но вовремя одумался. Это же не заказуха про инженера Гарина! Человек должен написать нашего «Петра» как минимум не хуже того, что его аналог создал в том мире. И, значит, с ним нужно обращаться бережно, чтобы ненароком не испугать. Ибо большая часть российской интеллигенции никогда не страдала недостатком осторожности, скажем так. Так что пусть кто-нибудь из тех летчиков, что сейчас работают в Гатчине, но летать начали еще в Георгиевске на «Святогорах», договаривается с ним на предмет набиться в гости за компанию с одним своим знакомым. Даже не так — не просто знакомым, а первым инструктором, который в те далекие времена учил его летать. Толстой же не знает, что этого инструктора зовут Георгием Андреевичем, и поэтому не будет заранее волноваться. А там я в спокойной домашней обстановке разьясню Алексею Николаевичу, что задуманная им книга пусть лучше маленько подождет. Если уж писать про русских деятелей, то начинать надо с первого из них, то есть с Петра.

И вот через три дня во исполнение этого плана после ужина у величества я поехал не в Гатчину, а по Невскому почти до Знаменской площади. Там в скромной пятикомнатной квартире на втором этаже доходного дома Круглова обитал будущий классик. Старший штурман правительственного авиаотряда полковник Голубницкий, один из тех казачат, которые приехали в Георгиевск с Полозовым после его посещения родной станицы, уже ждал меня у подъезда.

— Георгий Андреевич, — шепнул он мне, когда мы поднимались по лестнице, — может, кого другого найдете про вас писать? Читал я его «В небе Атлантики» — ведь вранье же почти наполовину!

— Это называется не вранье, — просветил я полковника, — а художественный вымысел. И всего пятьдесят процентов этой составляющей вполне позволяют отнести данный труд даже к документальной прозе. Вот когда отклонения от истины заходят за две трети, то это уже литература художественная. Если, конечно, она написана хорошо, но с этим у Алексея Николаевича полный порядок. Правда, у многих других текст выходит такой, что его читать тошно, тогда это действительно вранье, и больше ничего. Но, между нами, я как раз и хочу отговорить Толстого от его затеи, потому мы с вами и приехали к нему в гости.

Поначалу Толстой меня даже не узнал, ибо ни разу не видел без черного мундира и зеркальных очков. А узнав, растерялся. Однако заранее проинструктированный полковник тут же достал бутыль фишмановки и,

мастерским движением наполнив три стакана, предложил выпить за успехи российской литературы. Это оказалось неплохим противошоковым, писатель порозовел и обрел способность говорить связно, но для закрепления эффекта полковник повторил операцию, правда, уже без моего участия. После мы закусили и перешли к литературной беседе.

Вопреки ожиданиям, Толстой согласился с предложением написать про Петра практически сразу. Однако с временными рамками произведения у нас поначалу возникли разногласия.

— Алексей Николаевич, — убеждал я его, — ну что такое один том? Лев Николаевич и то свою «Войну и мир» растянул на два! А ваш потенциал не ниже. Народу нужно масштабное эпическое полотно! Так что ваше предложение закончить роман нарвской победой мне даже как-то странно слышать. Героев надо довести как минимум до Прута!

— Н-но ведь это было п-поро... поражение! — категорически не согласился будущий классик. — Нельзя кончать книгу п-поражением. Ик! Т-тогда приде...ся вести их дальше, а они к тому времени будут — ик! — уже очень старыми. Нехр... нехорошо это. Ик.

— А как же вы тогда собирались писать про меня? — резонно удивился я. — Мне ведь не пятьдесят и даже не шестьдесят лет от роду, так что они по сравнению со мной все равно останутся молодежью! Нет, ваши аргументы представляются несколько надуманными.

В конце концов мы сошлись на том, что роман будет состоять из двух больших томов и действие дойдет не менее чем до Полтавской битвы. После чего Толстой выбил-таки себе право вернуться к произведению про императора с канцлером, но обещал и тогда не прекращать работу над продолжением «Петра». Решив, что для начала это неплохой результат, я стал прощаться. Тем более что Толстой оказался не только не Достоевским, но даже и не Фадеевым, в том смысле, что всего с двух стаканов под конец беседы так и норовил заснуть прямо за столом. Ничего, подумал я, спускаясь к машине. Какие его годы, у молодого человека еще все впереди.

Следующим утром я только-только собрался еще маленько подумать про Петра и его эпоху, как позвонила Танечка и сказала, что у нее есть новости. Ну что же, опять придется с сияющих вершин искусства спускаться к низменной повседневности, подумал я и пригласил даму на утренний кофе. Правда, на сей раз он был из Бразилии, а не из Ярославля.

— Есть новости из Каспийска, — сообщила мне директриса.

— Неужели мы наконец-то дождались? — всплеснул руками я. — А то у меня уже и надежда стала как-то помаленьку угасать. Не разочаровывайте же, говорите — хоть и черт знает как поздно, но оттуда все-таки кто-то

сбежал?

— Увы, шеф, вынуждена вас огорчить. Конфетку возьмите, мне дочь говорит, что они помогают от расстройства. Еще никто не сбежал, пока только один готовится. Но это и ладно бы, мы ничего другого не ждали, однако новость в том, что на него донесли. В лучших традициях, то есть под покровом ночи и взволнованным шепотом. Да и вообще от этого побега с самого начала пахло театральщиной, вот такое у меня сложилось впечатление. Уж продукты-то можно было не закупать в магазине! Да и матрац у потенциального беглеца отличается от тех, что были завезены в Каспийск на общих основаниях.

— Он собрался уплыть от нас на надувном матрасе? Не иначе какой-то бывший диссидент операцию планировал. Или тот, кто их ловил, разница небольшая. То есть мы имеем либо подставу, либо отвлекающую операцию, я правильно понял?

— Еще я допускаю, что это просто чья-то попытка выйти на связь с нами без санкции начальства. Но в любом случае беглеца надо брать, причем уже после того, как он достаточно удалится от берега.

Разумеется, мы с самого начала понимали, что желающие тайком покинуть остров Николая I обязательно найдутся. Поэтому вот уже седьмой год ДОМ имел в своем составе кроме всего прочего и военно-морские силы. В данный момент они представляли из себя первую и вторую рыболовецкие флотилии с Аральским консервным комбинатом в качестве базы и юношескую морскую школу имени адмирала Бутакова. Само собой, все траулеры имели отличный ход и были неплохо вооружены. Ведь какую-нибудь удирающую селедку надо еще догнать. И мало ли какие чудовища могут скрываться в темных глубинах почти неисследованного Аральского моря. А корабли морской школы кроме того несли еще и самое современное, то есть прямиком из двадцать первого века, оборудование для радиоразведки.

Вечером двадцать девятого июля дозорный катамаран «Рысь», как обычно, вышел на патрулирование. Правда, в отличие от штатных рейдов сейчас его сопровождал почти такой же «Манул», отличавшийся отсутствием мощного комплекса ночного видения на крыше рубки, но зато — наличием двухместного легкого вертолета.

— Есть сигнал с острова! — сообщил радист сидевшему рядом с ним капитану.

Аральские катамараны кошачьей серии представляли собой уменьшенные пятидесятитонные копии океанских — «Марии» и «Герасима», которые неплохо показали себя в японскую и черноморскую

войны. Экипаж состоял из шести человек, но сейчас оба корабля имели на борту еще и группы усиления.

— При таком ветре часа через два уже можно ждать гостя в зоне захвата, — заметил капитан и, сказав в микрофон несколько слов для «Манула», чуть подкорректировал курс.

Через час сорок мичман с ноктовизорного поста сообщил:

— Вижу объект, расстояние от нас пять и шесть кабельтовых, от острова — шестьдесят два. Идет точно на нас, скорость порядка трех узлов.

— На что он хоть похож-то, а то ведь мы торпеды не взяли? — усмехнулся капитан.

— Как и было обещано, на голого мужика с надувным матрасом. Ой-ё, он какой-то мощный фонарь включил, у меня второй и третий экраны засветило! Можно, я ему за это в рыло дам, как возьмем? Легонько, чисто в воспитательных целях.

— Разговорчики! — прикрикнул капитан и всмотрелся в ночь. Точно, вон он мигает. Три коротких вспышки, потом три длинных, снова три коротких...

— Он, между прочим, 808 передает, — отложив ночной бинокль, пояснил и без него очевидную вещь радист. Капитан, бросив в микрофон: «Делай как я», — двинул оба сектора газа вперед до упора и крутанул штурвал влево. После чего объявил повышенную готовность группе усиления и расчету носового крупнокалиберного пулемета.

Катамараны взревели тринклерами и, быстро набирая скорость, понеслись к терпящему кораблекрушение матрасу.

В результате вовремя проведенных спасательных работ первого августа я уже виртуально присутствовал на допросе доставленного в Гатчину беглеца. Впрочем, не так уж прямо он и тонул, у его матраса просто сдулась одна секция из трех. И морзил 808 он больше для того, чтобы патрульные корабли случайно не прошли мимо, а то ведь пришлось бы изображать из себя Алена Бомбара еще как минимум сутки, пока ветер не прибил бы его к берегу. Да и там его ждала не гостиница или хотя бы камера, а пустынный приаральский пейзаж. Никакого сопротивления при задержании беглец не оказал. Наоборот, он сразу сказал, что имеет важнейшие сведения, которые немедленно нужно доложить на самый верх. Так как это вполне совпадало с инструкциями, то пойманного погрузили в «Пчелку» и отправили именно туда. И вот теперь он распинался перед Татьяной.

Первым делом допрашиваемый заявил, что он не кандидат технических наук Романецкий, а капитан ФСБ Каширин из управления «С»

службы экономической безопасности. В ответ на это Татьяна тоже представилась. Гость то ли действительно впечатлился, то ли просто очень правдоподобно это изобразил, и продолжил:

— Мое официальное задание — добраться до любого американского консульства или посольства и вручить им айпад, который был в моих вещах. Пароль... разрешите бумагу и ручку? Спасибо, вот он. Там записано обращение к правящим кругам США и некоторые материалы для доказательства того, что оно идет из другого мира.

Тем временем Татьяна повернула бумажку так, что она оказалась в поле зрения одной из камер, через которые я наблюдал за происходящим. Честно говоря, пароль этот меня разочаровал — всего лишь нецензурное слово из шести букв, означающее ну очень большую неприятность, набранное русскими буквами в режиме английской клавиатуры. Такой пароль и наши спецы подобрали бы довольно быстро, пусть он и начинается с заглавной буквы. Вот ей-богу, я ожидал от ФСБ большей изощренности. Прямо неуважение какое-то к нашим спецслужбам!

— Но от своего непосредственного начальника, полковника Валерьева, я получил другие инструкции, — продолжал колотиться капитан. — Провести подготовку к побегу так, чтобы ваши службы имели возможность ее обнаружить, и после ареста поставить вас в известность о том, что руководство ФСБ получило сведения о вашем мире и намерено установить контакты со своими коллегами из здешних САСШ.

А вот это вполне возможно, подумал я. Потому как помимо поисков Бадмаева в ДОМе разрабатывался еще и план похищения полковника Флетчера, занимавшегося со стороны УСС обеспечением операции по похищению Рекса. Как только провернем это дело — милости просим, хоть в соседнюю камеру, хоть прямо в ту, где будет сидеть полковник. Скоро там наш гость перейдет к персоналиям?

Танечку, однако, заинтересовало другое.

— Простите, но мне не совсем понятна лично ваша мотивация. Да, я читала о случае, когда во время Отечественной войны по заданию командования советский разведчик раскрылся перед абвером, прекрасно зная, что его ждет после ареста. Но у него было за что идти на такой подвиг. А у вас?

— Насколько меня поставили в известность, — осторожно ответил капитан, — ваше Охранное отделение не практикует... э-э... силовых методов.

— А при чем тут охранка? — развеселилась Татьяна. — Ваше дело исключительно в компетенции Службы имперской безопасности,

директором которой являюсь я. Вам что, ничего не рассказали про ДОМ?

— Там — ничего. На острове ходили слухи про ДОМ-2, но достаточно неправдоподобные. Якобы это что-то вроде латиноамериканских эскадронов смерти.

— Дорогой Юрий Степанович, — вздохнула дама, — если вы говорите правду, во что мне почему-то хочется верить, то вас натурально использовали втемную. Или ваше начальство само ничего не знает, что с моей точки зрения еще хуже. В общем, дабы вам в дальнейшем руководствоваться не слухами и сплетнями, а совершенно точной информацией, давайте-ка я устрою для вас небольшую экскурсию.

Танечка нажала кнопку своего селектора.

— Добрый день, господин Ли. Вы сейчас ничем не заняты? Как, и даже ни одного клиента на очереди? Ну вот и верь после этого воплям про наш кровавый режим. Но все равно, можно мне обратиться с просьбой? Сейчас к вам приведут одного молодого человека. Покажите ему, пожалуйста, ваши инструменты, приборы, рабочие места. Объясните, что там зачем, как используется, поделитесь с ним наиболее интересными случаями из вашей богатейшей практики... я вас этим не очень затрудню? Спасибо, экскурсант будет у вас минут через пять.

После этих слов Татьяна снова обратилась к капитану:

— Вы пока сходите, куда проводят, побеседуйте с интересными людьми. Потом вас покормят, время уже обеденное. Вы же вроде еще не завтракали? Это хорошо, а то у некоторых от избытка информации там уже случались не очень приятные эксцессы. Ну а ближе к вечеру мы продолжим нашу беседу, причем, возможно, и в несколько расширенном составе.

ГЛАВА 32

Всякое событие, если оно происходит хоть и не впервые, но через достаточный промежуток времени после предыдущего раза, имеет элемент новизны. Вот и я после допроса Каширина пребывал в несколько приподнятом настроении. Подумать только, Россию опять продали! Так ведь сразу и не припомнишь, когда подобное было в последний раз, пусть даже и по мелочи. А тут все всерьез, как положено. Продали нас не Туркмении и даже не Уругваю, а сразу Соединенным Штатам. Правда, хотя бы приблизительного порядка сумм капитан не знал, но я надеялся, что это уж как-нибудь не меньше миллиарда. Впрочем, для разрешения финансовых проблем у нас существует одноименный департамент ее величества Маши, а мне надо позаботиться обо всем остальном. В самых общих чертах картина выглядела следующим образом.

Целиком к проекту по связи с нами ФСБ не допустили. Просто поставили в известность, что совершен прорыв в физике, и теперь под Коломной появился объект, с которого возможна отправка людей и грузов в иной мир. О нашем посольстве на Даниловской фээсбэшники разузнали сами. После чего руководство службы малость обиделось и начало чесать репу. Мол, как же так без нас, когда тут такие деньги! И вообще это угрожает безопасности Российской Федерации. Значит, для уменьшения подобной опасности тут же слили сведения о нас американцам. Правда, знали они не так чтобы уж очень много. По их сведениям, технически наш мир пребывал на уровне конца сороковых годов, но с прорывами в некоторых областях. Так, якобы мы значительно опережаем их двадцать первый век в области медицины. И про магнитоплан, блоки для постройки которого уже пошли в Федерацию, наши продавцы знали. Подробности же о жизни империи они не располагали вовсе, кроме того, что у нас недавно закончилась мировая война, где мы разгромили Англию и Штаты.

Неизвестно, насколько американцы поверили в эту историю, но они тут же потребовали установить связь с аналогом их страны в нашем мире, во исполнение чего капитан Каширин и оказался на острове Николая I. Кстати, где он находится на самом деле, капитан узнал только в нашем мире, да и то не сразу. При его отправке считалось, что город Каспийск построен на острове Кулалы, что в Каспийском море.

С мотивами, которыми руководствовался Каширин, мы разобрались довольно быстро. Во-первых, капитана действительно не больно-то

прельщала работа по сути на американцев. А во-вторых, в пересказе его начальника наши спецслужбы мало отличались от таковых в николаевской России. Якобы страдали выходящим за рамки здравого смысла либерализмом. Впрочем, для осознания полной ошибочности данного постулата Каширину вполне хватило где-то часа, проведенного в гостях у господина Ли-старшего, — естественно, в роли экскурсанта, а не клиента. И вероятность того, что его наградят за ценные сведения и отправят в двадцать первый век поддерживать связь с прогрессивными силами внутри ФСБ, теперь уже казалась ему не слишком большой.

— Но она все же есть, — обнадежил я малость приунывшего капитана. — И зависит исключительно от вашей искренности.

Действительно, от него в сущности могло потребоваться всего лишь доставить контейнер перехода своему начальнику. Правда, имелась и еще одна тонкость, о которой я и спросил:

— Насколько высоко вы оцениваете свои шансы остаться на свободе после возвращения?

— Процентов в девяносто. Ведь я должен буду и дальше поддерживать установленную связь.

— Из сравнительно комфортабельной камеры, — предположил я. — В общем, у вас есть о чем подумать, да и у нас тоже.

Танечку же дальнейшая судьба капитана пока не очень интересовала.

— Координаты полковника известны, наиболее вероятные маршруты передвижения мы уточним, так что капешку ему быстрее доставят мои девочки, — объяснила она. — А вот насчет Петра Сергеевича не все до конца ясно. Почему его до сих пор не купили или хотя бы не попытались этого сделать?

— Думаю, потому, что там пока работают все же наши, а не амеры. Есть какая-то конечная сумма, и с какой стати расходовать чуть ли не всю ее на Никонова, себе-то тоже надо оставить, и не гроши. Мало он не возьмет, тут вряд ли кто сомневается. Да и не обязательно покупать начальника, исполнители часто куда предпочтительней. Ведь почти никто там не знает, что Никонов практически всю работу тащит на себе. Для них он не покидает Федерации. А вот когда американцам будут предоставлены железные доказательства существования нашего мира, они не пожалеют ничего, чтобы купить не только Петра Сергеевича, но и премьера. Ну или убрать, если с покупкой возникнут трудности. Так что надо, пожалуй, в ближайшее время, то есть до его очередного отбытия на ту сторону, побеседовать на эти темы с Никоновым.

Новости сильно обеспокоили Петра Сергеевича, и это меня даже

несколько удивило. Он что, всерьез считал — не допущенные до глубин кормушки генералы это вот так просто возьмут и стерпят? Странно, вроде раньше за ним повышенного альтруизма не замечалось. В общем, он попросил о срочном открытии портала для доклада премьеру.

— Никак вы не привыкнете к парадоксам времени, — напомнил я ему. — Пока вы здесь, до следующего портала там ничего произойти не может. А вот нам как раз надо кое к чему подготовиться, на что потребуется не меньше недели.

Вечером я докладывал о новостях императору. Гошу почти сразу заинтересовал вопрос — а как, в случае чего, Каширин будет доказывать существование нашего мира?

— Вообще-то это от него и не требуется, — пожал плечами я. — Ему поручено всего лишь передать айпад американцам. Пусть предоставит начальству видео этой передачи, вот и все.

— То есть ты где-то соорудишь макет штатовского посольства?

— Да ну их, больно жирно будет. Израильское почти такое же и расположено рядом. Арендную его на полчаса, в такой малости мне Немнихер не откажет. Даже народ из коридоров выгонять не буду, для полной достоверности. Физиономии тамошних клерков от морд их американских коллег почти не отличаются. Кстати, мне Никонов намекнул насчет того, чтобы мы авансом устроили нечто вроде нашей предыдущей демонстрации у Гавайев, только они предупредят американцев.

— Какие такие авансы? — возмутился император. — Еще когда было сказано — утром деньги, вечером стулья! И ничего глубже человечество с тех пор не придумало. Нет уж, пока не прояснится с Курилами, мы сидим тихо. Не успеют их съесть американцы, если Федерация не начнет тянуть резину. А Никонова отправим вместе с девочками, которые пойдут на связь с тем полковником.

— Чуть позже девочек, чтобы зря не смущать человека, — уточнил я. — Можно бы его вообще попридержать, но неудобно. Да нам, в конце концов, и не так страшно, если туда протечет еще какая-то информация в дополнение к имеющейся.

На подготовку встречи с полковником Валерьевым ушло пять дней, после чего мы с величием отправили в двадцать первый век сначала двух Таниных сотрудниц, потом Никонова, а затем два вечера подряд почти по часу держали микропортал. За это время девочки дождались возвращающегося домой полковника, а далее события пошли довольно быстро.

У подъезда с Валерьевым поравнялась девушка и передала привет от

Юрия Степановича и приглашение с ним повидаться, что заняло четыре секунды. Полковник подумал еще две и согласился. После чего ему была передана капешка (одна секунда) и озвучена краткая инструкция по ее использованию (пять секунд). А затем девушка продолжила свой путь вдоль дома, разглядывая номера квартир на табличках, а полковник прошел в подъезд.

Через десять минут он вышел, причем уже в тренировочном костюме, прошелся до ларька на углу, взял три бутылки «Балтики» и направился к мужикам у гаражей, которые довольно давно сидели там с пивом. Поздоровался, присел, чуток поговорил за жизнь, откушав в процессе этого пару бутылок, а потом встал и зашел в узкий промежуток между гаражами и бетонным забором подстанции, с незапамятных лет используемый местным населением в качестве туалета. Примерно в метре перед собой нашел место почище и положил туда кубик прозрачной гранью к себе.

Через десять минут он был уже в моем кабинете, где кроме меня, как полковнику и обещала девушка, его ждал капитан Каширин.

После взаимных представлений Валерьев, спросив разрешения, обратился к капитану:

— Ну, Юра, как тебе тут показалось?

— Нормально, Антон Кириллович. Камера двухкомнатная и с санузлом, питание трехразовое и получше, чем в нашей столовой. В общем, жить можно.

Затем капитана увели, и мы приступили к беседе.

— Поскольку вы мой гость, то спрашивайте первым, — предложил я.

Честно говоря, первый вопрос полковника меня несколько удивил. Он спросил:

— Что ждет Юрия?

— Так как он уже пошел на сотрудничество с нами, то обвинение в нелегальном проникновении на территорию Российской империи ему предъявляться не будет, соответствующую бумагу я уже подписал. И, значит, возможны два варианта. Первый — он ограничивает свое сотрудничество только рассказами. Тогда ему придется посидеть у нас до того времени, когда его появление у вас уже не сможет нам повредить. Это может оказаться не таким уж малым сроком, признаю. Второй — он соглашается на инсценировку вручения айпада американцам, после чего возвращается к вам и рапортует о выполнении задания.

— Он выберет второй вариант.

— Теперь моя очередь спрашивать, согласны?

Валерьев кивнул.

— Скажите мне, Антон Кириллович, почему, занимая не такую уж и маленькую должность, вы с женой и практически взрослым сыном живете в трехкомнатной квартире постхрущевской девятиэтажки?

— Если бы вы не были канцлером империи другого мира, — улыбнулся полковник, — то я подумал бы, что вас подговорила моя жена. Она одно время регулярно задавала мне этот вопрос, но сейчас, правда, уже перестала. Так вот, причин тому две. Первая — при размерах моего не такого уж и маленького жалованья для покупки квартиры, заведомо лучшей, чем имеющаяся, потребуется не менее семи лет. При условии, что кормить семью будет жена на свою учительскую зарплату, а квартиры за это время не подорожают. Ипотека может уменьшить этот срок до полутора лет, но зато потом из-за выплат семейный бюджет будет урезан не меньше чем на треть. Если бы нам негде было жить, я бы пошел на такое, а так не вижу смысла. Вторая причина — больно уж место мне нравится. И от работы недалеко, и Тропаревский парк прямо под окнами. Про машину будете спрашивать?

— Вроде наши девочки не нашли в ней ничего особенного, — хмыкнул я.

— Что говорит об их не самой лучшей подготовке. Это же «Порше девятьсот одиннадцать Каррера эс»!

— М-да, про такие машины им действительно почти не рассказывали. И чего же вы на ней сюда не приехали? Я бы, с вашего позволения, разумеется, с удовольствием прокатился. По стрелнинской трассе, например. Но все равно, до типичного чиновника вашего уровня вы по благосостоянию заметно недотягиваете.

— Это потому, что я не чиновник, а офицер. А насчет «порше»... коли вы серьезно, в следующий раз могу приехать и на машине, если мне объяснят как.

— Непременно. Ну а пока жду вашего очередного вопроса.

Наша познавательная и интересная для обеих сторон беседа затянулась до часу ночи. В процессе нее мы пришли к устному соглашению, что полковник будет и дальше информировать нас о тех телодвижениях своего начальства, указания на которые совершенно явно не получены официальным путем от президента, премьера и прочих, имеющих право. Мы же в качестве ответной любезности обещали посвящать Валерьева в те детали наших с Никоновым дел, которые, вне всякого сомнения, окажут большое влияние на состояние дел в России. В частности, я ему в самых общих чертах рассказал про эффект Арутюняна, про планы насчет Курил и как эти вещи связаны между собой.

Кстати, поначалу полковник отнесся к данной затее без восторга. Просто потому, что идея вот просто так взять и отдать кому-то свои земли казалась ему не самой удачной. Пришлось объяснить, что по факту отданы будут далеко не все Курилы, а только пара мест, куда и сейчас никто не суется аж с сороковых годов. А в обмен, кроме установки для межмирового переброса, Россия получит и расширение возможностей по освоению всей остальной территории архипелага. В общем, наши прения на курильскую тему закончились тем, что мы решили обмениваться информацией еще и по этому направлению.

Под конец встречи мы обсудили возвращение Каширина в двадцать первый век. Услышав, как это предполагалось по официальной версии, я только покачал головой. Якобы капитана унесло в море во время купания. После чего две недели, или сколько ему там потребуется, он робинзонил на берегу, питаясь прибрежными рыбками и ящерицами, пока не нашел способ вернуться на остров.

— Неужели ваше начальство считало, что у этой легенды есть хоть малейший шанс? — удивился я. — Да в такую сказку не поверила бы и николаевская охранка.

— А оно и рассчитывало примерно на такой уровень противодействия, — пояснил полковник. — Но я готов принять участие в разработке более правдоподобной легенды.

Так что где-то примерно за час мы согласовали основные положения истории, достойной пера Яна Флеминга. О том, как Каширин двое суток добирался до поселка Муйнак, где нанялся кочегаром на местный пароходик и доплыл до Аральска. Как он на попутном товарняке доехал до Астрахани, где ему пришлось пойти на квартирную кражу для обзаведения деньгами. Дальше — трехдневная поездка в Питер, где он наконец сможет добраться до американского посольства.

А вот вторая половина одиссеи резко отличалась от спланированной в Федерации. Каширин не станет возвращаться на Арал, а отправится в Георгиевск. Потому что ему удастся раздобыть сведения, что там тоже есть установка межмирового переброса. И в Георгиевске этот Джеймс Бонд соблазнит наивную и невинную девушку, техника при той самой установке. То есть кроме обеспечения своего возвращения отважный разведчик еще раздобудет пусть и неполные, но все-таки довольно основательные сведения о работе установки переброса.

— Хотя одно слово правды в этих сведениях найдется? — усмехнулся полковник.

— И даже не одно. Чем вам предлоги не слова? А они будут абсолютно

правдивы.

Ну и закончится эта история тем, что ошалевшая от любви девица поможет капитану зайцем проникнуть в Федерацию. При расставании он поклянется любимой, что, исполнив свой долг, обязательно вернется к ней. Или заберет ее к себе, это смотря по обстоятельствам.

— Мелодрама, — поморщился полковник, — но ничего, сойдет.

Можно, конечно, сказать, что канцлеру как-то не по чину лично сочинять подробности подвигов чужих шпионов. Но даже если бы это и было лишним, то, в конце концов, имеет же право тот самый канцлер иногда отдохнуть душой? Вот только в данном случае имел место не только отдых, но и работа. Просто беседа — это одно, а совместное творчество — уже несколько другое. В процессе него личность партнера раскрывается полнее и шире, а как можно более развернутое впечатление о полковнике мне было необходимо.

Теперь ему в течение нескольких дней предстояло детализировать сочиненную нами мелодраму с уже выделенной группой от ДОМа. Подобрать фото и видео, которые будут отсняты каширинской камерой по всему маршруту, с обширными сведениями о нашем мире и мелкими бытовыми подробностями, типа как давать взятку городовому и в каких случаях сколько. И многое другое, столь же правдоподобное, но такое, что при следовании ему агент спалится сам собой, без всякого участия Танечкиных сотрудников.

Тем временем несчастная жертва мужского обаяния запортального соблазнителя появится в Георгиевске и обзаведется там биографией на несколько лет назад. А перед отбытием капитана в двадцать первый век он не только с ней познакомится, но и сделает несколько снимков на память. И пообещает наивной девушке вернуться за ней и увезти в сказочную страну Российскую Федерацию, где нет никаких тайных полиций, в силу чего народ богат, счастлив и абсолютно свободен от произвола властей. Он сам выбирает себе правителей, которые денно и нощно пекутся исключительно о его благе, начисто забывая при этом о каких-то своих интересах. Их так и называют «народные избранники». Но право стать гражданином этой волшебной страны надо еще заслужить.

Ну вот, подумал я после ухода полковника, теперь сведения о нашем мире начнут расползаться по тому. Так как ничего неожиданного в этом не было, то мне оставалось только предупредить Машу. Но это уже завтра утром, во втором часу ночи королева-императрица уже давно видит какой-то там по счету сон.

ГЛАВА 33

Как и собирался, утром я отправил Маше послание с нарочным, вследствие чего вечером она присутствовала на нашем с Гошей ужине.

— Не знаю, как там будет лучше с точки зрения ваших высших шпионских интересов, но с моей низменной финансовой колокольни оптимальное развитие ситуации выглядит так, — заявила нам королева-императрица. — Сначала там узнают о нашем мире. Типа сенсация, хоть и в узких кругах, небывалый прорыв в науке и вообще встреча с братьями по разуму. Когда мой департамент снимет сливки с неизбежно возникших волнений, должно вдруг выясниться, что это была афера, предназначенная... ну, в общем, сами придумайте, для чего. На этом повороте сюжета мы тоже маленько подзаработаем. Потом вдруг обществу докажут, что имела место клевета на честнейших людей, другой мир есть, и все про него правда! Мы еще раз подсуетимся насчет улучшения своего финансового положения, после чего наиболее яркие правдорубцы сбегут с деньгами, а широкими массами снова овладеет мысль, что их, кажется, опять надули. И так несколько раз подряд. Гоша вопросительно поглядел на меня.

— А что, — прикинул я, — и с моей точки зрения тоже получается ничего. Ведь при каждом таком повороте обязательно будут искать виноватых, и, если заранее принять меры, всегда можно будет назначить ими кого надо. То есть в принципе неплохо, мы с Танечкой подумаем о практической реализации подобного алгоритма.

На следующий день я предложил Татьяне поразмыслить на тему о цикличности информации про нас в том мире.

— Надо привлекать Никонова, — тут же отреагировала директриса, — да и Валерьева не помешает, но тут трудность в том, что виноватым может оказаться именно он.

— Не факт, ведь он может сопроводить рапорт Каширина некими примечаниями о том, что отдельные места представляются ему сомнительными. Вот Юрий — из него да, при каждом повороте ситуации в сторону ложности нашего мира будут пытаться делать козла отпущения. Но это решаемый вопрос.

В порядке его решения я в тот же день побеседовал с полковником.

— Сразу после вторичного отбытия Каширина к нам вы сможете найти косвенные доказательства, что вся затея с нашим миром придумана с целью

дезинформации США, — поделился я с ним. — С ними вам помогут в аппарате премьера. Естественно, Каширин в этом случае покажется мистификатором и двойным агентом, но, так как в это время он будет у нас, ему это нисколько не повредит. А потом можно будет обнародовать очередную порцию сведений об империи, причем уже с более серьезными доказательствами. Тогда топившие Юрия Степановича огребут по полной, а сам он вновь станет героем-разведчиком, да к тому же еще и невинно оклеветанным. Причем я не вижу, почему эти метаморфозы не могут в том же ключе повторяться и дальше. Правда, тут придется подгадывать так, чтобы отрицательная фаза всегда совпадала с нахождением капитана у нас, но это нетрудно.

— Своеобразные у вас методы работы, — усмехнулся полковник, — но иногда довольно интересные. Хорошо, я подумаю над вашим предложением. Но одно возражение есть уже сейчас. Разумеется, вы слышали про полиграф.

— И слышали, и видели, и неоднократно с ним работали. Не самый умный прибор, у нас есть весьма неплохие методики его нейтрализации.

Действительно, в ДОМе уже были разработаны приемы концентрации на желании контролировать соответствующие параметры организма. Кроме того, под общим руководством отца Антония были сочинены две молитвы на эту тему. И теперь Танины девочки, проходя через портал, усиленно желали себе научиться обманывать полиграф. Результаты получались очень неплохие, мы уже проверяли. Нечто подобное предстояло освоить и Каширину. Зря, что ли, мы его через порталы таскать будем?

Но полковника пока необязательно было посвящать в такие тонкости, так что я просто сказал:

— Подумайте, дело полезное. Кстати, теперь уже можно задать вам вопрос, который в начале нашего знакомства был несколько преждевременным, но сейчас вроде перестал таковым быть. Как у вас со здоровьем?

— Насколько я помню, по правилам хорошего тона принято отвечать «не дождетесь». А с какой целью интересуетесь, если не секрет?

— Никаких секретов, просто в представлениях вашего начальства о нашем мире проскальзывают крупинки истины. В частности, про медицину они в чем-то правы. У нас иногда получается лечить то, перед чем врачи вашего мира почти бессильны. Рак, например, или СПИД какой-нибудь...

— Спасибо за участие, ни сифилисом, ни даже триппером я не страдаю. Хотя...

Явно он что-то вспомнил именно сейчас, подумал я.

— Хотя это довольно интересно. Я имею в виду — а что вы потребуете в обмен на медицинские услуги?

— Ну вы меня прямо за какого-то шантажиста держите, честное слово. Не буду я от вас ничего требовать! Потому что мне гораздо важнее установить нормальные рабочие контакты с вашей конторой, а тут требовать нельзя, можно только вежливо просить. Так вот, вы мне обещали дать покататься на своем «порше»? Я не могу оставить столь щедрый жест без ответного шага. А заодно хотелось бы попросить вас о маленькой любезности. Ведь в свете наших с вами планов кресло под вашим начальником скоро ощутимо зашатается. И ему, я имею в виду креслу, не помешало бы помочь. Добавить амплитуды, чтобы этот мерзавец оттуда кубарем вылетел! Потребуется наша помощь — она будет. Потом, естественно, в верхах возникнет вопрос, кого сажать на освободившееся место. И если вдруг вы знаете проходного кандидата, для которого государственные интересы если и не выше карьерных или тем более шкурных, то хотя бы находятся примерно на одном уровне ценности, не держите в секрете его имя. Вам же лучше будет, если ваш новый начальник окажется не такой сволочью, как нынешний.

— Хорошо, такая цена меня устраивает. Лично со мной в смысле здоровья все в порядке, чего не скажешь об одном моем старом сослуживце. У него рак желудка. Сделали операцию, но опять пошли метастазы. К единому мнению врачи еще не пришли, но, похоже, резать второй раз уже бессмысленно. Сможете помочь?

— Ну я же вам не Чумак, чтобы диагнозы ставить по телефону, а лечить по телевизору. Но, судя по всему, повредить тут все равно не получится — за такое дело мы возьмемся. От вас потребуется доставить человека в наше посольство на Даниловской. В крайнем случае можно будет использовать и такой кубик, при помощи которого к нам пришли вы, но это нежелательно.

Действительно, при использовании капешки нам с Гошей приходилось открывать два портала подряд, что довольно утомительно. А тут ведь придется практически сразу устраивать еще и третий, потому как лечебное воздействие оказывает двойной переход. В принципе возможно, но только при достаточно серьезной необходимости.

— Доставлю, — чуть привстал полковник, — но ведь тогда нельзя терять времени, врачи допускают резкое ухудшение его состояния в любой момент.

— Нельзя будет терять, когда вы вернетесь в свой мир, — уточнил я. — А пока ему без разницы, сколько времени вы тут у нас прогостите.

Наоборот, не торопясь продумайте последовательность своих действий, чтобы сразу по прибытии действительно не терять ни минуты. Если понадобится наше содействие, обращайтесь. Обедать вы в столовую пойдете или составите мне компанию в этом кабинете?

После обеда мы не сразу перешли к делам, а сыграли партию в шахматы. Которую я позорно продул, причем, что особенно обидно, игроку одного с собой класса, которым оказался полковник. Просто у него лучше получилось сосредоточиться, а я нет-нет, да и отвлекался.

Интересно, подумал я, как далеко простирается ваша, господин полковник, невозмутимость, и спросил его:

— Ане откажетесь сыграть еще одну партеечку, только теперь с другом моей дочери?

Валерьев согласился, и я позвонил Насте. Вскоре она явилась в кабинет в сопровождении своего кота и с доской под мышкой, потому что для Рекса нужны были специальные фигуры. Кошак сразу запрыгнул на стол и вопросительно уставился на меня.

Если полковник и удивился, узнав, с кем ему предстоит играть, то внешне он этого никак не показал. Но партию все же проиграл, хотя Настя пока еще немного не дошла даже до моего уровня. Валерьев все-таки растерялся, увидев, что кот играет мало того что вполне осмысленно, но к тому же весьма неплохо.

— Очень интересно, — хмыкнул он, когда гордая Настя с еще более гордым Рексом покинули кабинет, — вот уж никогда не подозревал о наличии у кошек таких способностей, хоть жена мне иногда и говорила в сердцах, что наш Мурзик куда умнее меня. И, кстати... недавно из вашего особняка на Даниловской ночью в ветлечебницу привезли кота с огнестрельными ранениями. А врач потом ни с того ни сего взял отпуск и исчез. Тоже какой-то необычный кот?

— Они у нас в Гатчине все необычные по вашим меркам. В частности, Рыжик, так зовут раненого, принимал участие в операции по отлову диверсантов. Его даже к ордену представили вместе с экипажем вертолета, и император уже подписал соответствующие бумаги. Чуть подлечится, а то у него пока еще задние лапы плохо слушаются, и получит награду из рук его величества, как и положено. Это я вам рассказываю в качестве иллюстрации к успехам нашей медицины. Ну и педагогики, конечно.

— Интересно. Раз уж у вас такие кошки, то каковы же собаки?

— И собачки у нас тоже очень даже ничего, — не стал отрицать я, вспомнив Черныша. — Вполне возможно, что вскорости придется познакомиться. Правда, не вам, а кому-нибудь более вредному для наших

стран.

Перед уходом полковник спросил разрешения на экскурсию по Питеру.

— Я же до сих пор там ни разу не был, — пояснил он. — А тут такой случай расширить свой кругозор.

Ага, как же, кругозор ему так жмет, что срочно расширять надо, подумал я. Небось хочет своими глазами посмотреть, как в натуре выглядит то, про что его подчиненный напишет в рапорте. Ну и на здоровье, тут вполне можно даже пойти навстречу.

— Насчет Питера — это пожалуйста, но не интереснее ли будет взглянуть на Москву? Вы ее знаете, а тут посмотрите, какая она у вас была в начале века. Наша, конечно, немного отличается, но общий дух один и тот же. А потом в Георгиевск заедете, глянете своими глазами на место грядущих подвигов Юрия Степановича. Трех суток на все вам хватит? «Пчелка» летит от Гатчины до Тушино два с половиной часа, а Георгиевск там совсем рядом.

Понятно, что без Никонова и тех, кто за ним стоял, планы о знакопеременном характере информации о нашем мире не имели особых шансов на осуществление. Чтобы зря не нервировать человека, мы еще до прибытия к нам полковника выпихнули Петра Сергеевича в Федерацию, но для него там прошло всего около двух часов, за которые Валерьев получил весточку от Каширина, выпил пива и перешел к нам из закутка в своем дворе.

Мы решились на такое не сразу, а после некоторых раздумий. Ведь информация, которую Никонов доложит премьеру, вполне сможет утечь, как уже до того случилось. Оставалось сделать так, чтобы она, эта самая информация, при всей своей правдивости обладала некоторой внутренней противоречивостью.

Так, Петру Сергеевичу не назвали ни одной фамилии. А когда он позвонил своему представителю в Каспийск и спросил его, не пропадал ли там кто-нибудь из недавно прибывших инженеров, то получил ответ: нет, все на месте. Действительно, все они там и были, включая даже кандидата технических наук Романецкого. По легенде он был отправлен в Каспийск для изучения документации на блоки управления магнитными движителями, то есть контактировал с тамошним народом довольно мало. И наш сотрудник оказался ничуть не худшим Романецким, чем Каширин, разве что чуть более подкованным именно в вопросе конструкции магнитных блоков. Ведь ни того, ни другого в Каспийске почти никто толком и не видел.

Далее Никонову было объявлено, что идет оперативная работа, с

результатами которой мы его обязательно познакомим, как только они появятся. И он может ждать их у нас, а может сразу отправляться в Федерацию и получить их уже там часа через три-четыре по времени двадцать первого века.

Никонов выбрал второе, и к моменту перехода к нам полковника он как раз успел доехать до рублевской резиденции премьера.

Вскоре нас покинул вернувшийся с экскурсии по Москве и Георгиевску полковник. Он переоделся в спортивный костюм, в котором явился к нам, потом выпил на посошок две бутылки пива. Не пьянства ради, а достоверности для — ведь он должен появиться в загаражном пространстве своего двора точно таким же, каким покинул его пять секунд назад. А в гараже нашего посольства уже заводила мотор «Ока», которая поедет за сослуживцем полковника. Мы использовали эти машинки из-за их неприметности и сравнительно высокой проходимости в пробках. Не как у мотоцикла или тем более скутера, конечно, но решено было не рисковать с провозом больного на двух колесах.

Валерьев попросил у нас четыре часа по времени Федерации, после чего он отправит нам фамилии возможных преемников своего начальника и их краткие характеристики. Потом Никонов с премьером будут ознакомлены с подробностями заговора, вызревшего против них в недрах ФСБ. И наконец, нам останется их убедить, что допросы причастных к этому безобразию лиц лучше все-таки проводить у нас. Вероятность того, что наши партнеры согласятся, я оценивал в пятьдесят процентов, а Татьяна — в восемьдесят.

А дальше мы три недели подряд каждый вечер по сорок минут запускали микропорталы и с интересом следили за развитием ситуации. Причем «мы» — это уже в расширенном составе, примерно половину времени работали Владимир с Настей.

После истории с похищением Рекса Настя была официально принята в ряды ДОМа, причем за оперативность и самообладание, проявленные во время операции, она сразу получила чин легионера. Владимир уже четвертый месяц учился на заочном отделении школы императорских комиссаров, так что порталные дежурства засчитывались ему как практика. На это время он даже перебрался жить в Гатчину, чтобы не мотаться каждый день в Зимний и обратно.

Обширный доклад вернувшегося Каширина произвел достаточно сильное впечатление. Все его фото и видеоматериалы экспертиза признала подлинными с высокой степенью вероятности, так что теперь спешно разрабатывалась операция по добыванию неопровержимых доказательств

существования нашего мира. Вообще-то мы их могли представить в любой момент, но было интересно посмотреть, до чего додумаются фээсбэшные генералы. Как и ожидалось, их фантазии хватило только на то, чем они в основном и занимались на службе, то бишь начало планироваться банальное воровство.

Ведь если взять какой-нибудь достаточно старый предмет, рассуждали эти гиганты мысли и отцы русской демократии, то он будет существовать в обоих мирах. Таким образом, при доставке нашего экземпляра в Федерацию там образуется два изначально абсолютно одинаковых объекта, но наш будет на девяносто два года моложе. Мысль о том, что искомый объект можно просто купить, никого почему-то не посетила даже мельком. Хотя это могло быть связано с тем, что они просто еще не освоили печать наших денег, образцы которых доставил отважный капитан. Хорошие такие образцы, в какой-нибудь уездной лавке они вполне сойдут, но в крупном магазине, не говоря уже о гроссбазе или тем более банке, тут же позвонят по давно имеющимся у них номерам. И теперь Каширин готовился к ночному посещению нашего Астраханского губернского музея, где ему предстояло несправедливо позаимствовать икону Авраамия Мирожского восемнадцатого века. Так как время у нас текло значительно быстрее, то специалисты моей полиграфической лаборатории успели сделать четыре прекрасных копии этой иконы, и теперь можно было спокойно заниматься прикладной комбинаторикой. Ведь портал в Астрахань времен всеобщей демократии был уже протоптан, так что Танины девочки успели взять пример с запортальных ворюг и, пройдя в двадцать первый век, посетили Астраханский краеведческий музей. Но не опустились до банальной кражи, как это предстояло сделать Каширину, а честно оставили вместо унесенной иконы точно такую же. То есть скоро в распоряжении ФСБ появится две подделки, зато у нас останутся обе настоящие иконы и две копии на всякий случай. И все они в свое время будут предъявлены, но без спешки.

Сразу же после отбытия к нам Каширина вдруг выяснилось, что его путевые заметки чуть ли не один в один слизаны с недавно появившегося в Интернете фантастического романа некоего Виктора Калюжного! Некоторые места совпадали вплоть до запятых, причем поставленных неправильно как в романе, так и в рапорте. Пока руководство чесало репу, Калюжный опубликовал отрывки из продолжения, где мельком упоминалась даже фамилия «Романецкий». Были предприняты попытки найти писателя, но результатов они не дали. В общем, в узких кругах руководства секретных служб Федерации назревал нешуточный скандал. Чуть погодя у нас появились и дополнительные материалы к нему, но мы

еще не решили, что с ними делать. Ибо привезенная девочками икона тоже оказалась копией! Мало того, подмена явно произошла еще до принятия решения о проведении самой операции. То есть тамошних генералов кто-то банально опередил. Вот ведь как воруют люди, прямо зависть берет, подумал я, узнав о таком повороте сюжета. И так как теперь предоставить две одинаковых иконы уже вряд ли получится, сел писать письмо Никонову. Где предлагал вполне официально продать нам (ну, или обменять на что-нибудь равноценное) одну из кремлевских пушек. Эти-то уж точно настоящие! Или я все-таки неисправимый идеалист, и в свое время их тоже слегка того?

ГЛАВА 34

Кроме сравнительно короткого послания Никонову я сочинил и еще одно, гораздо длиннее и на английском языке. Оно было адресовано в Лондон, Паксу. В нем я разобрал подробности недавно случившегося покушения на кражу нашего кота. Заострил внимание своего адресата на ниточках, которые при внимательном рассмотрении дела можно было принять за идущие к нему. Объяснил, что это злонамеренная инициатива УСС, где в последнее время усиливается недовольство состоянием отношений между нашими странами. Далее обратил внимание на то, что бог — он не фрэер и все видит, в силу чего УСС, само того не желая, сыграло под дудку Бадмаева. На всякий случай вкратце объяснил, кто это такой, и предложил в случае его обращения к английским спецслужбам поставить в известность нас. Потому что тип этот очень скользкий и всегда преследует исключительно собственные интересы. Сами же потом будете раскаиваться, убеждал я сэра Эндрю. В конце концов, если уж так подопрет нам напакостить, то проще будет обойтись без услуг всяких насквозь сомнительных экстрасенсов. Про то, что мы собираемся принудительно пригласить к себе кое-кого из УСС, я решил не писать. Во-первых, чтобы зря не травмировать Пакса. Мало ли, начнет человек думать, что и с ним когда-нибудь сможет приключиться такая неприятность. А в его уже не очень юном возрасте волноваться вредно. И во-вторых, как уже упоминалось, он далеко не мальчик, поэтому сразу после акции и без подсказок мгновенно поймет, куда действительно делся внезапно исчезнувший американский полковник из Управления стратегических служб.

Закончив с письмом в Лондон, я взял чистый лист бумаги, поставил в его верхнем левом углу цифру «1» и потянулся к кофе. Мы с величием договорились где-то через пару дней обсудить политику взаимодействия с нашими союзниками в области связей с тем миром. Потому как дружба дружбой, но их разведки все равно работали и добывали сведения, при внимательном анализе которых уже можно было прийти к определенным выводам. И чтобы Германия с Японией не пришли черт знает к чему самостоятельно, с ними пора было начинать делиться сведениями. Часть просто рассказать, в ответ попросив о какой-нибудь небольшой любезности, а на другую — организовать утечку.

Разумеется, умные люди в этих странах давно задавались вопросом о

причинах больших успехов России в области науки и техники. И к текущему моменту три вывода стали уже общепринятыми. Первый из них много чего объяснял, но не подразумевал никаких конкретных действий. Он заключался в том, что Найденов — гений. Причем он не столько изобретает сам, сколько почти стопроцентно угадывает, на каких именно проектах следует сосредоточить силы и средства.

В отличие от первого, второй вывод был абсолютно бесспорным и имел четкие практические следствия. Люди пришли к заключению — в двадцатом веке наука стала непосредственной производительной силой. Просто у нее такая специфика, что окупаются только крупные вложения. Типа первой это поняла Россия, но теперь и Германия с Японией изо всех сил старались догнать, а в перспективе даже и перегнать нас по капиталовложениям именно в развитие науки. Германия ступила на этот путь после тунгусского бабаха, а Япония — по окончании мировой войны.

Согласно третьему выводу, большое значение имела правильная организация самого процесса развития науки. Так что наши партнеры уже имели по несколько своих наукоградов каждый, и сейчас, пожалуй, независимо от проблем с иными мирами пора было задуматься о регулярном обмене информацией между подобными образованиями в наших странах. Кроме того, и в Германии, и в Японии прилагались большие усилия по повышению престижности научного труда. В частности, по сравнению с аналогичными временами того мира у нас был просто огромный процент ученых с разнообразными дворянскими титулами. Например, Шредингер и Рентген давно стали графами.

Результатом первого этапа моих раздумий стало то, что я допил кофе и в меру своих художественных способностей нарисовал рядом с единицей маленького котенка. Потому как первая заповедь при начале любого серьезного проекта — не суетиться. Быстро только кошки знают что делают? А котята рождаются слепые. Вроде бы в конце сентября у нас будет Софийская конференция стран Четверки, посвященная приему Болгарии в члены этой международной организации? Значит, надо после торжеств выступить с инициативой о создании нового совместного органа. Какого-нибудь Научно-координационного совета, например. С постоянно действующей комиссией и сессиями два раза в год. Для обмена последними достижениями науки и техники. Намекнуть, что на первой сессии Россия собирается озвучить очень интересные вещи, тогда выделение средств пройдет на ура. Штаб-квартиру, чтобы никому не было обидно, лучше организовать где-нибудь на равном удалении от столиц стран-учредителей. Смотрим карту, где это получается? Ага, Новониколаевск, в двадцать

первом веке известный как Новосибирск. Замечательно, из-за постройки железной дороги до Семипалатинска город бурно развивается, и привлечение средств в связи с появлением там авторитетной международной организации будет совсем не лишним. Значит, как и положено, первым делом предлагаем всем скинуться. И выделяем дополнительные средства Нейману, который теоретически уже обосновал возможность создания установки, блокирующей телепортацию из нашего мира. С порталами дело обстояло немного сложнее, но тут лучше объяснить чуть подробнее.

Итак, состоявшаяся телепортация запрещает другую в данный квант времени. Если в следующий квант произойдет еще одна, а потом еще и так далее, то, пока этот процесс не прекратится, никто ничего телепортировать не сможет. И портал открыть тоже не получится, но только до первого сбоя, ведь попытка открытия — это непрерывный процесс. Стоит только возникнуть паузе хотя бы в один квант, как наш портал начнет открываться и запретит дальнейшую работу установки.

Для подобных целей вполне годился переброс элементарных частиц в пределах камеры, однако основную трудность представляла синхронизация этих перебросов. Но Яков Рудольфович уже начал работать над проблемой, и теперь от меня требовалось обеспечить бесперебойность этой деятельности. С тем чтобы к моменту открытия первой Новониколаевской сессии мы уже ясно представляли себе, когда у нас появится рабочая блокировочная установка.

Итак, с первым пунктом, посвященным нашим официальным действиям, что-то прояснилось. Пора переходить ко второму, описывающему неофициальные.

Я поставил цифру «2» и пририсовал рядом нечто вроде камбалы. Ибо без труда не выловишь и рыбку из пруда! То есть сведения, полученные разведками наших друзей, не должны сами падать им в руки. Их усилия и, что не менее важно, потраченные средства просто обязаны соответствовать неохватной глобальности исследуемой проблемы! Тем самым автоматически поддерживается первый пункт, потому что выделение больших денег потребует немалого времени. Значит, Машу надо подключать уже на стадии разработки эскизных планов.

Естественно, за вторым пунктом последовал третий. Тут я, практически не раздумывая, быстренько изобразил после тройки задницу и значок доллара. Потому как нашим друзьям будет очень любопытно — а что там, в другом мире? Как выглядят аналоги их стран? И надо будет подобрать материалы, которые это покажут. Кратко, но выразительно. Ну с

Германией все более или менее ясно — не так уж трудно найти запись какого-нибудь гей-парада в Берлине. Даже интересно, на каком языке начнет выражаться кайзер, увидев толпу пидоров, кривляющихся у Бранденбургских ворот! Потом можно будет подыскать место, где всякие турки и арабы уже составляют большинство населения, и пустить материал о нем второй серией. Вряд ли после этого Вилли станет так уж рваться устанавливать культурные связи с ФРГ. Скорее его придется удерживать от порывов запустить туда чем-нибудь тяжелым и взрывающимся, но с этим мы уж как-нибудь справимся.

А в отношении Японии основной упор лучше сделать на ее оккупацию американцами и принудительный отказ от признания божественной сути императора. Наверняка на наших японцев это подействует даже сильнее, чем случилось в той Японии после войны. Для иллюстрации же текущего состояния духа нации надо подобрать материалы, показывающие, что правительство слова не может сказать без разрешения из-за океана, а общество воспринимает это как должное. Люди в Токио неглупые и сразу поймут опасность распространения подобных сведений в нашем мире.

И наконец, четвертый, последний пункт моего конспекта. В качестве его графического обозначения я провел три горизонтальные черточки, перечеркнув их одной наклонной. Получился математический знак «не идентично». То есть нам следует избегать упоминаний о том, что до какого-то момента наши миры были неотличимы. В конце концов, ну какое в сущности дело нашим друзьям до преданий старины глубокой какого-то чужого мира! Близкие к современности времена представляют куда больший интерес. А если вдруг кого-то заинтересует именно история, то и ее можно будет предоставить. Ведь небезызвестный Фоменко является натуральным академиком и позиционирует свои труды именно как исторические. А ознакомившись с его творениями, любой наш ученый сможет только удивиться, насколько сильно, оказывается, прошлое нашего мира отличалось от запортального.

Еще раз взглянув на свой плод, так сказать, ума холодных рассуждений и сердца горестных замечаний, я положил листок в папку. Все, теперь можно считать себя готовым к грядущей беседе с его величеством.

Когда я перед очередным ужином озвучил Гоше свои законспектированные рисунками соображения, он уточнил:

— Ну пункты третий и четвертый — дело не самого близкого будущего. Не думаю, что нам придется заниматься этим раньше чем через два года, так что времени на детальную проработку сведений о том мире у нас достаточно. А вот предложенный тобой орган... кстати, как ты его

собрался назвать?

— КГД, то есть «Кагаку но Гроссдума». Про Думу тебе можно не объяснять, про «гросс» тоже, а «кагаку» — это по-японски «наука». Большой Научный Совет, если все перевести на общеупотребимый русский.

— Ладно, КГД так КГД, и с инициативой о его создании лучше выступить мне. Значит, примерно через неделю пришлю тебе текст своего будущего выступления в Софии. Микропортал сегодня открывать будем?

— Давай, и поддержим его, пока едим. Вот только когда ты своего нового повара приучишь готовить по-человечески? Опять какая-то неаппетитная смесь с заграничным названием. Ей-богу, в следующий раз захвачу с собой картошку с котлетами из гатчинской столовой.

— Насчет меню все вопросы к Маше. И зря ты так про это итальянское овощное рагу, я его уже ел, вполне съедобная вещь. Кстати, не знаешь, помогло другу твоего полковника перемещение через портал? Все-таки два раза человека водили с Даниловской к нам, один раз даже специально ради него открывать пришлось.

— Не знаю, он сейчас как раз на обследовании в Федерации. Полковник обещал сразу скинуть его результаты на имейл наших девочек. Так что, может быть, даже сегодня что-то узнаем.

Но в этот день мы узнали только о самом факте наличия каких-то новостей. Потому как интернет-трафик с Даниловской наверняка отслеживался, и все хоть сколько-нибудь важные сообщения отправлялись на адреса, открытые со съемных квартир или вообще из кафе. Поэтому мы увидели лишь условное сообщение на одном из кошачьих форумов, но открывать новый портал не стали. Ни к чему переутомляться, ничего с этими новостями не случится до послезавтра.

С ними действительно ничего не случилось, хотя новостей оказалось и чуть больше ожидаемого количества. Обследование сослуживца полковника показало, что рост метастазов прекратился. Наблюдается незначительное улучшение общего состояния, и все. Но, видимо, ожидалось все-таки нечто гораздо худшее, потому как Валерьев благодарил нас и от имени пациента, и от своего. Ему было отправлено письмо с напоминанием, что через две недели по их времени курс лечения следует повторить.

Однако имелось и еще одно сообщение, но тут лучше начать с предыстории.

В свое время Кобзев попросил меня разузнать, что стало с его матерью и приемным отцом. Это оказалось нетрудно — они умерли меньше чем

через год после его исчезновения. Сначала отчим, а спустя два месяца мать. В принципе ничего из ряда вон выходящего, все-таки это были немолодые люди, а тут такое горе. Но когда в ДОМе организовалась группа, специализирующаяся на поиске в Интернете, ей в качестве дополнительного задания было поручено собрать побольше сведений о родителях лаборанта. И вот теперь к нам пришел ее отчет.

М-да, подумал я, отложив бумаги. Действительно, тут, похоже, дело посерьезнее, чем просто смерть от горя. Потому что отчим Саши был, оказывается, депутатом Первого съезда Советов. И за неделю до него дал интервью, которое, однако, в печать не попало. А через два дня скоропостижно скончался. Вот тут уже действительно мать Саши могла не выдержать и просто угаснуть. Хотя могла знать чуть больше допустимого предела, такого тоже хватит для летального исхода. Интересно, получится сейчас, спустя двадцать с небольшим лет, расследовать данный случай? А почему нет, если заказчики до сих пор живы, что вполне вероятно. И для проведения такого расследования есть немаловажная причина.

Дело было в том, что теория Неймана позволяла так рассчитать параметры работы большой телепортационной установки, что область рассеяния точки финиша представляла из себя сферу радиусом около тридцати метров. Но в реальности случались и большие отклонения, связанные с неидеальной работой нашей аппаратуры. Но только в тех случаях, когда ее настраивал не Саша. Если же старший лаборант лично садился к установке, то область рассеяния существенно уменьшалась, причем чем дальше, тем это уменьшение становилось заметнее.

Значит, пока наши отношения с Федерацией нормальные, Саше необязательно знать подробности смерти своих родителей, даже если и выяснится, что им в этом помогли конкретные люди. Чувство мести — оно деструктивное, об этом неоднократно упоминается во многих авторитетных источниках. Но, следует добавить, только тогда, когда оно является единственной и главной мотивацией. В случае же, если основным будет приказ, то как дополнение к нему такое чувство отнюдь не помешает.

То есть если вдруг (тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо) дело дойдет до неприкрытой вражды с тем миром, рука нашего лучшего наводчика не дрогнет. Он будет знать, за что отправляет туда смертоносный груз.

Утром двадцать шестого сентября я провожал императора на Гатчинском аэродроме. Его величество отбывал в Софию, на конференцию Четверки, посвященную приему в ее ряды шестого члена — Болгарии. Испания удостоилась этой чести еще три года назад. Тогда же было решено не менять название данного межгосударственного союза в зависимости от

числа его членов. Во-первых, чтобы не переписывать кучу документов. А во-вторых, «пятерка» или «шестерка» звучат еще ничего, хотя при желании тут можно подобрать не самые лучшие ассоциации. Но, скажем, «восемнадцатка» уже как-то совсем не очень. А когда число стран-участниц перевалит за двадцать, то тут и подходящее слово-то не всегда сразу подберешь.

Проводив взглядом взлетевший «Аист», я сел в машину и отправился в свою резиденцию, где мне предстояло приготовить обед.

Нет, столовая во дворце функционировала совершенно нормально и кормили там очень неплохо. Просто я как-то к слову сообщил Мари, что умею прилично готовить. Почему-то она даже не до конца поверила, и теперь я собирался продемонстрировать семье свои поварские способности.

Приготовлению подлежал картофельный суп на бульоне из телятины. Мясо потом обжаривалось и шло как второе, обычно с макаронами. Это были мои фирменные блюда времен далекой молодости. В частности, я ими кормил своих знакомых девушек, и все были в восторге, в том числе и моя будущая первая жена.

Разумеется, телятина использовалась не из магазина, где, кстати, ее было и не купить, а с Черемушкинского рынка.

Так что, вернувшись во дворец, я отправился не в кабинет, а на кухню нашей столовой, где мне выделили плиту и немного места в углу. Осмотрел заготовленные ингредиенты и приступил к работе.

По словам Мари, у меня получилось очень неплохо. Дети так вообще были в восторге и попросили добавки, но сам я пребывал в некоторых сомнениях. Ведь помню же, что тогда это у меня получалось так, что невозможно было оторваться от тарелки! А сейчас... ну, съедобно. Местами даже вкусно, но до оценки «божественно» или хотя бы около того совершенно недотягивает. Причем делал я все точно как тогда, хоть и с тех пор прошло лет сорок с хвостиком. Может, телятина или картошка были так себе? Ага, доставленные по личному заказу канцлера. Нет, это предположение не выдерживает никакой критики. И, значит, остается всего одна гипотеза.

Старость. Ведь она начинается вовсе не с физических хворей. Да, я по-прежнему почти каждое утро без труда пробегаю по парку полтора километра, укладываясь в десять минут. Несмотря на свой возраст, который хоть и не поддается точному подсчету из-за регулярных походов между мирами, однако за семьдесят, кажется, уже перевалил. Но, как уже отмечалось, признаки старости другие. Она начинается тогда, когда как-то

незаметно оказывается, что раньше и трава была зеленее, и небо голубее, и девушки красивей.

Стоп, осадил я полет своих грустных мыслей, давай по порядку. Начнем с неба — ведь только вчера летал. Что, оно стало хуже? Да нет, какое было, такое и осталось. Вот трава — да, она иногда местами была точно зеленее. Потому как во время службы в армии мне даже самому приходилось участвовать в ее покраске в зеленый цвет к приезду очередного начальства. Но, согласитесь, это не показатель. Остается последний, то есть девушки. Но ведь если судить по нему, так я вообще помолодел. Потому как вторая жена смотрится куда привлекательнее первой. А до чего же красивые девушки в отделах «Г» и «Д» ДОМа! В юности мне такие почти не встречались. Так что старость тут ни при чем, с облегчением решил я. Это просто некоторые канцлеры зажрались на казенных харчах, вот и привередничают.

ЭПИЛОГ

Двадцать пятого октября тысяча девятьсот семнадцатого года я выехал на ужин в Зимний дворец заметно раньше, чем делал это всегда, то есть в половине шестого вечера. Кроме того, со мной ехала Мари, что тоже бывало нечасто. Да, и на мне был не джинсовый костюм, как обычно, а парадный мундир. Правда, без орденов — больно уж они тяжелые, если нацепить полный комплект. Темнело, шел мокрый снег, но мерзкая погода не мешала хорошему настроению. Потому как в Зимнем нам предстоял не простой ужин, а праздничный.

Когда мы вошли в зал, на стол было уже накрыто, прислуга удалилась, а императорская чета сидела на своих местах. Присутствовали также главком авиации великий князь Михаил с женой Мариной Владимировной.

Подождав, пока и мы усядемся, Гоша встал и сказал:

— Дамы и господа! Торжественный вечер, посвященный нулевой годовщине не состоявшейся у нас Великой Октябрьской Социалистической революции, объявляю открытым. Слово для первого тоста предоставляется государственному канцлеру.

Торжественная часть, на которой, кроме меня, с тостами по очереди выступили и все присутствующие, закончилась обнародованием, пока только в узком кругу, очередного императорского указа. О том, что с двадцати трех часов пятидесяти девяти минут тридцать первого декабря текущего года Россия переходит на григорианский календарь. То есть январь восемнадцатого года будет коротким и начнется сразу с четырнадцатого числа. За церковью оставлялось право вести свои службы по старому летоисчислению.

Потом начался собственно ужин, а после него — танцы. Так как посторонние на этот вечер не допускались, то под магнитофон. Наконец где-то около одиннадцати празднество начало закругляться. Сначала уехала Мари, сразу за ней — Михаил с женой. Маша тоже отправилась спать, и мы с величеством остались одни за столом с полупустыми тарелками и бутылками.

— Ну вот, теперь и спокойно поговорить можно, — заметил император. — Будь добр, выруби это орало!

Я выключил магнитофон и вернулся к столу, после чего началась неспешная беседа. Хоть год еще и не кончился, мы в первом приближении подвели его итоги и признали их удовлетворительными. Потом перешли к

грядущим событиям.

— Знаешь, — начал Гоша, — я тут вот что подумал по поводу ознакомления наших партнеров с реалиями того мира. Твои материалы пойдут только как первый шаг. Если же мы на нем и остановимся, нас сразу начнут подозревать как минимум в предвзятой подаче информации. Мысли есть?

— Есть, — не стал отрицать я. — Сразу после показа немецкой и японской сторонам моих роликов мы предложим им отправить своих представителей в двадцать первый век. Но не через портал, естественно, про него вообще речи не будет. А при помощи установки нетрадиционного туннелирования. В капсуле диаметром один метр. И не станем скрывать, что в полном соответствии с теорией Неймана эта капсула сможет с равной вероятностью финишировать в любом из трех миров. В двадцать первом веке, и тогда путешественник, выбравшись из капсулы, пожмет руки встречающим и отправится в ФРГ или Японию. В нашем мире — считай, это будет просто неудачный запуск, который недолго повторить. И наконец, в третьем мире, где глубокий космос, на который путешественнику можно будет любоваться примерно час, а потом придется или травиться самому, или медленно и неприятно помирать от удушья. То есть таким представителем согласится стать далеко не каждый, а только тот, кто готов пойти на смерть по приказу. А это подразумевает вполне определенный склад личности. Такой, при котором вряд ли человек начнет восхищаться увиденными им прелестями демократии. Скорее уж его доклад будет даже более резким, чем мои материалы. Ты же потом выступишь с речью насчет того, что нам надо еще теснее сплотиться для недопущения здесь такого будущего, какое посланцы увидели там.

— Жалко офицеров, ведь пошлют именно их, — заметил Гоша. — Им два раза подряд придется играть в русскую рулетку с двумя патронами в шестизарядном револьвере. При запуске туда и при возвращении.

— Пришлось бы, — уточнил я, — если бы мы с тобой были не только дураками, но и живодерами к тому же. Есть выход, не волнуйся, на самом деле попадать они будут только в двадцать первый век или обратно к нам. Потому как если мы хотим строить хоть сколько-нибудь счастливое будущее, нельзя зря отправлять на смерть честных и смелых людей. Неважно, русские они, немцы, японцы или даже граждане Израиля.